

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

(c) Midjourney

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Academic E-Journal

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Vol. 8, No 1

<https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1>

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Том 8, No 1

<https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1>

Table of Content

THE GERMANS OF RUSSIA (SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY TO THE 21ST CENTURY)

Vladimir N. Shaidurov & Olga V. Erokhina German Colonies of St. Petersburg Province: Appearance and Development in 1765-1800s	15
Olga V. Erokhina & Vitaly Y. Zakharov “The Other/Own/Alien”: Paradoxes of Perception of Germans in the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries	32
Dilaram M. Inoyatova Participation of Representatives of the German Diaspora in the Economy of Turkestan	47
Elena A. Shlegel Dialects of the Germans of Russia and Kazakhstan	61
Tatyana B. Smirnova & Anna N. Blinova The People Divided by the Border (Comparative Characteristics of Germans in Russia and Kazakhstan)	83
ETHNIC MINORITIES IN FRONTIER REGIONS	
Levon V. Batiev Nakhichevan Armenian Colony on the Don (1779-1870)	109
Dmitry A. Prokhorov & Elena V. Latysheva Judaic Communities of the Crimea and Internal Colonization in the Russian Empire (at the end of 18th – on the First Half of 19th Centuries)	129
Yuliya A. Lysenko On the Universal Access to the Primary School Education in the Orenburg Region at the Beginning of the 20th Century (Based on the Materials of the Turgay Region)	146
Mikhail S. Kamenskikh & Andrey A. Avdashkin “Our Friend Wang”: Cultural Frontiers in Concepts of the Chinese in the Urals during 1950 – beginning of the 1960s	161

Содержание

НЕМЦЫ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – XXI ВВ.)

Шайдуров В. Н., Ерохина О. В.

Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии:
появление и развитие в 1765 – 1800-х гг. 15

Ерохина О. В., Захаров В. Ю.

«Другой / свой / чужой»: парадоксы восприятия немцев
в Российской империи в конце XVIII – начало XX вв. 32

Иноятова Д. М.

Участие представителей немецкой диаспоры в экономике Туркестана 47

Шлегель Е. А.

Диалекты немцев России и Казахстана 61

Смирнова Т. Б., Блинова А. Н.

Народ, разделенный границей
(сравнительная характеристика немцев в России и Казахстане) 83

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА ФРОНТИРНЫХ РЕГИОНОВ

Батиев Л. В.

Нахичеванская армянская колония на Дону (1779-1870 гг.) 109

Прохоров Д. А., Латышева Е. В.

Иудейские общины Крыма и внутренняя колонизация
в Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX века) 129

Лысенко Ю. А.

О введении всеобщего начального школьного образования
в Оренбургском крае в начале XX в. (по материалам Тургайской области) 146

Каменских М. С., Авдашкин А. А.

«Наш друг Ван»: культурные фронтиры
в представлениях о китайцах на Урале в период 1950 – начала 1960-х гг. 161

Dear friends, colleagues, readers and authors!

Journal of Frontier Studies is a periodic academic e-journal without printed forms (since 2016). The journal publishes scholarly articles, reviews, information resources, expeditions' reports, conferences and other scientific materials.

The journal was included in the top list of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science in the following specialties:

5.6.1. Russian history;

5.6.2. General history;

5.6.4. Ethnography, Ethnology, and Anthropology;

We publish four issues in a year.

The working languages of the Journal are English and Russian.

The Journal is devoted to topical issues in the field of Frontier theory, Borders and Borderlands, problems of intercultural communication in contact zones, as well as the questions of functioning of Frontier tropes in modern mass culture.

Aim and Scope

Our goal is to create a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Frontier studies. With this goal in mind, we aim to ensure that our online publication performs important scientific functions – communication and information – that will not only accumulate new developments in this field, but will also serve as a basis for new discoveries and insights.

The Journal advocates the principles of dialogue of cultures and elimination of conditions for possible conflicts of civilizations. It adheres to the principles of the philosophy of non-violence, cultural and religious tolerance. The editorial staff aims to remove language barriers and respect the boundaries of the national culture of each nation living on our small planet – Earth.

The journal assigns Crossref DOIs to all articles.

The main branches of science within which materials can be published in this publication are:

History;

Theory and history of culture;

Philosophy;

Literature.

But this does not mean at all that articles and other materials of the authors written in other branches of knowledge will be categorically rejected.

We welcome articles on Frontier problems written from the perspective of a wide variety of Sciences or at the intersection of several branches, since this approach, in our opinion, may be the most effective and allows us to look at known problems from a new point of view. All materials submitted to the editors will be carefully selected and sent for double-blind reviews.

Any unscientific or not based on facts article will be rejected by the editors. We do not accept works that Express disrespect for other peoples or contain politically incorrect language.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

**Best regards,
Editors**

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: Эл № ФС77-61330 from March 7, 2015
- ◆ ISSN: 2500-0225
- ◆ The material published in the journal is intended for persons over 18 years of age

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание Журнал фронтальных исследований (Journal of Frontier Studies) является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2016 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки);

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);

5.6.4. Этнография, этнология и антропология (исторические науки);

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Рабочими языками сетевого издания являются русский и английский

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований фронтальной теории, пограничья и приграничья, проблем межкультурной коммуникации в контактных зонах, а также вопросам функционирования фронтальных тропов в современной массовой культуре.

Цель проекта: Создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области фронтальной теории.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевое издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций принципов диалога культур и устранение условий для конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Основные отрасли наук, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании, это:

Исторические науки;

Теория и история культуры.

Философские науки;

Литературоведение.

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам фронта, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук, так как такой подход, по нашему мнению, может оказаться наиболее действенным и позволяющим взглянуть на известные проблемы под новым углом.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование. Поэтому любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами. Мы не публикуем работы, в которых высказывается неуважительное отношение к другим народам или имеются неполиткорректные формулировки.

**С уважением,
редакция**

- ◆ Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ◆ ISSN: 2500-0225
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Editor-in-Chief	Serguey N. Yakushenkov Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
Associate Editors	Rastyam T. Aliev, Ph.D. Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
Science Editor	Maksim V. Kirchanoff Dr. Habilitatus in History, Associate Professor, Voronezh State University. Voronezh, Russia
Editorial Board	Andrei Znamenski Ph.D., professor, The University of Memphis. Memphis, USA Andrey V. Grinev Dr. Habilitatus in History, Professor, St. Petersburg State Polytechnic University of Peter the Great (SPbPU). St. Petersburg, Russia Anna P. Romanova Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia Dittmar Schorkowitz Ph.D., professor, Max Planck Institute for Social Anthropology. Halle, Germany Elena E. Zavyalova Dr. Habilitatus in Philology, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia Elena V. Morozova Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kuban State University. Krasnodar, Russia Elina A. Sarakava Ph.D., Hainan College of Economics and Business. Haikou, China Emilia A. Taysina Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kazan State Power Engineering University. Kazan, Russia Isabeau Vollhardt B.A., Philosophy/English University of Washington. Washington, USA Lyudmila V. Burykina Ph.D., Adygea State University. Maykop, Russia Maria M. Fyodorova Dr. Habilitatus in Political Studies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

Marina Ch. Larionova

Dr. Habilitatus in Philology, Federal State Budgetary Institution of Science "Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences", Southern Federal University.
Rostov-on-Don, Russia

Matthew P. Romaniello

Ph.D., professor, Weber State University. Ogden, USA

Michael Khodarkovsky

Ph.D., professor, Loyola University Chicago. Chicago, USA

Nadezhda Ye. Tropkina

Dr. Habilitatus in Philology, Volgograd State Pedagogical University.
Volgograd, Russia

Natalia S. Kanateva

PhD, Associate Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Nathan Hopson

Ph.D., professor, Nagoya University. Nagoya, Japan

Piotr Gorecki

Ph.D., professor, University of California. Riverside, USA

Robert P. Geraci

Ph.D., professor, University of Virginia. Charlottesville, USA

Sergey A. Troitskiy

PhD., Herzen Russian State Pedagogical University, Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones, Sociological Institute, RAS.
St. Petersburg, Russia

Serguey V. Vinogradov

Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Willard Sunderland

Ph.D., professor, University of Cincinnati. Cincinnati, USA

Главный редактор **Сергей Николаевич Якушенко**
д. ист. н., профессор, Астраханский государственный университет,
Россия

**Заместитель
главного редактора** **Растям Туктарович Алиев**
к. ист. н., Астраханский государственный университет, Россия

Научный редактор **Максим Валерьевич Кирчанов**
д.ист.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
университет». Воронеж, Россия

**Редакционная
коллегия** **Андрей Вальтерович Гринев**
д.ист.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет Петра Великого (СПбПУ).
Санкт-Петербург, Россия

Андрей Знаменский
Ph.D., профессор, Университет Мемфиса. Мемфис, США

Анна Петровна Романова
д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет». Астрахань, Россия

Диттмар Шорковиц
Ph.D., профессор, Институт социальной антропологии
им. Макса Планка. Галле, Германия

Елена Васильевна Морозова
д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет». Краснодар, Россия

Елена Евгеньевна Завьялова
д.филол.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет». Астрахань, Россия

Ибитайо Самюэль Попула
PhD, профессор, Лагосский университет, Нигерия

Изабо Волхардт
В.А., Вашингтонский университет. Вашингтон, США

Людмила Васильевна Бурькина
к.ист.н., ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет».
Майкоп, Россия

Марина Ченгаровна Ларионова
д.филол.н., ФГБУН «Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН),
Южный федеральный университет (ЮФУ). Ростов-на-Дону, Россия

Мария Михайловна Федорова
д.полит.н., Институт философии РАН. Москва, Россия

Михаил Ходарковский
Ph.D., профессор, Университет Лойолы в Чикаго. Чикаго, США

Мэтью П. Романьелло

Ph.D., профессор, Государственный университет Уэбер. Огден, США

Надежда Евгеньевна Тропкина

д.филол.н., ФГБОУ ВО Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Волгоград, Россия

Наталья Сергеевна Канатьева

к.биол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия

Натан Хопсон

Ph.D., профессор, Нагойский университет. Нагойя, Япония

Пётр Горецкий

Ph.D., профессор, Калифорнийский университет. Риверсайд, США

Роберт П. Гераси

Ph.D., профессор, Университет Виргинии. Шарлотсвилль, США

Сергей Александрович Троицкий

к.филол.н., РГПУ им. А.И. Герцена, Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН-Филиала ФНИСЦ РАН, РАН. Санкт-Петербург, Россия

Сергей Вадимович Виноградов

д.ист.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия

Уиллард Сандерленд

Ph.D., профессор, Университет Цинциннати. Цинциннати, США

Элина Алиевна Саракаева

к.филол.н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу. Хайкоу, Китай

Эмилия Анваровна Тайсина

д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет». Казань, Россия

CONTACTS

Founder Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise
“Genesis. Frontier. Science”

Address 85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050

Editor-in-Chief Serguey N. Yakushenkov

Email editorialboard.jsf@jfs.today; editorialboard.jsf@gmail.com

CEO Rastyam T. Aliev

Email rastaliev@gmail.com

<p>The opinion of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors</p>
--

КОНТАКТЫ

Учредитель	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»
Адрес редакции	414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2
Главный редактор	Сергей Николаевич Якушенков
Email	editorialboard.jsf@jfs.today ; editorialboard.jsf@gmail.com
Дирекция журнала	Алиев Растям Туктарович
Email	rastaliev@gmail.com

Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов

German Colonies of St. Petersburg Province: Appearance and Development in 1765–1800s

Vladimir N. Shaidurov (a) & Olga V. Erokhina (b)

a) Pushkin Leningrad State University. St. Petersburg, Russia; Mamun-University.
 Khiva, Uzbekistan. Email: s-w-n[at]mail.ru

b) Moscow Pedagogical State University; Bauman Moscow State Technical University.
 Moscow, Russia. Email: ov.erokhina[at]mpgu.su

Received: 20 September 2022 | Revised: 23 October 2022 | Accepted: 4 November 2022

Abstract

Russia of the 18th – 19th centuries faced a crucial challenge of sparsely populated suburbs consolidation through their economic development. Acute shortage of work force to be involved for transformation of Novorossiia, the steppes of the North Caucasus and the Middle Volga region, Siberia and some other regions into the centers of commodity agriculture and industrial production, forced the authorities to turn to the use of European experience and place a bet on foreign colonization. Central Europe, devastated by the Seven-Year War, brought to life tens of thousands of potential colonists, who answered the call of Empress Catherine the Great to move to the unoccupied lands of the Russian Empire. Since 1765, the first colonies (Novo-Saratovka, Srednaya Rogatka, Yamburg and Izhora colonies) were formed near St. Petersburg. Investigation of the history of these settlements in the imperial period is extremely poor in modern historiography. The article examines the initial period of their existence (1765 – 1800s). It took about 30 years for German colonists to adapt to new living conditions. Some colonies (Srednaya Rogatka) became centers of commodity production of agricultural products (potatoes, etc.), sold in the capital-city market, at the beginning of the 19th century already. Experiments on the advanced multi-field system implementation, initiated by Semyon Dzhunkovsky, opened the way to increase productivity and income of the colonists. The new crop rotation system spurred into popularity not only in the colonies, but in the neighboring settlements of Russian peasants as well. The article is intended for specialists engaged in the study of agrarian development, ethnic minorities of Russia in the imperial period.

Keywords

Russian Germans; St. Petersburg; Foreign Colonization; Catherine II; St. Petersburg Colonies; Economic Modernization; Agriculture; Crop Turnover; Multi-Field; Integration

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии: появление и развитие в 1765 – 1800-х гг.

Шайдуров Владимир Николаевич (а), Ерохина Ольга Викторовна (б)

а) Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Санкт-Петербург, Россия; Университет-Маъмуна. Хива, Узбекистан. Email: s-w-n[at]mail.ru

б) Московский педагогический государственный университет;

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

Москва, Россия. Email: ov.erokhina[at]mpgu.su

Рукопись получена: 20 сентября 2022 | Пересмотрена: 23 октября 2022 | Принята: 4 ноября 2022

Аннотация

В XVIII – XIX вв. перед Россией стояла важная задача: закрепление слабозаселенных окраин через их хозяйственное освоение. Острая нехватка рабочих рук, которые можно было привлечь для превращения Новороссии, степей Северного Кавказа и Среднего Поволжья, Сибири и некоторых других регионов в центры товарного сельского хозяйства и промышленного производства, заставила власти обратиться к использованию европейского опыта и сделать ставку на иностранную колонизацию. Разоренная Семилетней войной Центральная Европа дала десятки тысяч потенциальных колонистов, откликнувшихся на призыв императрицы Екатерины Великой переселиться на свободные земли Российской империи. С 1765 г. первые колонии (Ново-Саратовка, Средняя Рогатка, ямбургские и ижорские колонии) были образованы вблизи Санкт-Петербурга. В современной историографии история этих поселений в имперский период изучена крайне слабо. В статье рассмотрен начальный период их существования (1765 – 1800-е гг.). Около 30 лет потребовалось немецким колонистам для адаптации к новым условиям жизни. Уже в начале XIX в. некоторые колонии (Средняя Рогатка) стали центрами товарного производства сельскохозяйственной продукции (картофель и пр.), которая реализовывалась на столичном рынке. Попытки по внедрению модернизированной системы многополья по инициативе Семена Джунковского позволили увеличить урожайность и доходы колонистов. Новая система севооборота быстро завоевала популярность не только в колониях, но и соседних поселениях русских крестьян. Статья рассчитана на специалистов, занимающихся изучением аграрного развития, этнических меньшинств России в имперский период.

Ключевые слова

русские немцы; Санкт-Петербург; иностранная колонизация; Екатерина II; петербургские колонии; экономическая модернизация; сельское хозяйство; севооборот; многополье; интеграция

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Экономическое развитие Европы в Новое время во многом диктовалось доминированием определенной парадигмы. Так, XVII в. в значительной мере прошел под знаком меркантилизма. На развитие внешней торговли с положительным сальдо делал ставку и Петр Первый. Однако в первой половине XVIII в. в европейских странах на смену меркантилистам пришли физиократы, которые в своих произведениях настойчиво продвигали мысль, что национальное богатство формируется не столько за счет торговли, сколько посредством развития производственных отношений.

Несмотря на определенные успехи, достигнутые Россией при проведении Петровской экономической модернизации, страна сохраняла свой преимущественно аграрный статус: подавляющее большинство населения проживало в деревне и было связано с производством сельскохозяйственных товаров.

Уже во времена Елизаветы Петровны были предприняты первые шаги по хозяйственному освоению южных степей с помощью сербских колонистов. В частности, предполагалось создать своего рода военные поселения Сербского полка под командованием полковника Хорвата. Однако в полной мере идея привлечения в Россию иностранцев для внутренней колонизации окраинных слабозаселенных районов была реализована при Екатерине Второй и ее преемниках. В результате в Среднем Поволжье, Новороссии, на Северо-Западе появились поселения немецких колонистов, ставших неотъемлемой частью немецкого мира Российской империи и внесших существенный вклад в хозяйственное развитие как отдельных регионов, так и страны в целом.

Источники и методы

Цель статьи – изучение истории так называемых «ближних» петербургских колоний, в которых проживали немецкие колонисты. Основное внимание будет уделено начальному периоду (1765 – 1800-е гг.).

Иностранная колонизация, начало которой было положено манифестами 1762 и 1763 гг., и в ходе которой появились многочисленные немецкие колонии, стала продолжением Петровской модернизации экономического уклада России. Ее изучение, как нам представляется, следует вести с позиций методологического синтеза теорий модернизации, фронта и колонизации в современном их прочтении.

При работе над статьей были использованы как опубликованные так и архивные документы. К первым относятся законодательные акты, вошедшие в первое издание Полного собрания законов Российской империи. Нормативно-правовая документация позволяет выявить отношение властей к немецким колонистам вблизи столицы. В некоторых из них определяются принципы реализации фискальной политики. Ко вторым нами отнесены документы, отложившиеся в фонде Первого Департамента Министерства государственных

имущества Российского государственного исторического архива (Ф. 383). Различные по своему содержанию делопроизводственные материалы (ведомости о благосостоянии, записки о различных колониях, контракты колонистов с представителями власти, отношения и пр.) позволяют выявить особенности формирования и развития колоний на протяжении первых 40-45 лет их существования.

Широкий круг источников предопределил использование различных общенаучных и узкоспециальных исследовательских методов (проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-описательный, статистический и пр.).

Петербургские немцы в зеркале историографии

Единичные публикации об историческом прошлом Санкт-Петербургских колоний стали появляться в начале XX в. В условиях набиравшей влияние борьбы с «немецким засильем», отразившейся, например, в публикациях А.А. Велицына (псевд. А.А. Палтова) (Велицын, 1893), следует особо обратить внимание на небольшую брошюру, подготовленную Акселем фон Гернетом на немецком языке и затем напечатанную на русском языке (Гернет фон, 1910). Беспристрастному и сухому изложению краткой истории колонии предшествует авторское отношение к России XVIII в.:

«Культурно отсталая Россия была вынуждена в течение столетий пользоваться услугами западно-европейских ученых, техников и ремесленников. Петр начал привлекать эти элементы большими массами, и с того времени иммиграция приняла систематический характер. Императрица Екатерина II ... пришла к мысли заселить огромные окраины своего необозримого царства земледельцами с запада, рассчитывая, таким образом, насадить культуру в этих пустынных областях» (Гернет фон, 1910, 1).

Представив читателю сведения об основании, развитии колонии, социальной жизни ее членов, автор в заключении пришел к выводу, что главная цель Екатерины II в итоге была достигнута: одна из немецких колоний в окрестностях столицы успешно развивалась и имелись все предпосылки к дальнейшему ее процветанию (Гернет фон, 1910, 15).

В 1920-1930-х гг. немецкое население Северо-Запада представляло научный интерес для этнографов и лингвистов. В немногочисленных работах этого периода его историческое прошлое фактически не рассматривалось (Янсон, 1929, 19, 49-50; Сакс, 1931).

Лишь на рубеже 1980-1990-х гг. в рамках изучения этнической истории на постсоветском пространстве стали появляться многочисленные публикации по истории российских немцев. Некоторые современные авторы неверно трактуют сам факт этого явления, заявляя, что активному возрождению исследовательского интереса к истории и культуре российских немцев «способствовала возможность изучать ранее закрытые фонды» (Пузейкина, 2013, 16).

Архивные фонды, которыми отечественные и зарубежные историки стали активно пользоваться, были не закрыты. Изучение репрессированного народа в научных центрах по сути было табуировано. Бывали случаи, когда у исследователя, работающего над немецкой тематикой, в конце рабочего дня в архиве удаляли «недозволенный» материал. По свидетельству А.А. Германа, критериев оценки «секретности» материалов никто не объяснял (Герман, 2021, 210-211).

Некоторые авторы вынуждены были использовать наиболее обтекаемые формулировки, за которыми скрывалась история немцев России. Например, так поступал исследователь Л.В. Малиновский. Именно поэтому документы региональных архивохранилищ по данной тематике в меньшей степени были востребованы учеными. Их открытие пришлось на 1990-начало 2000-х гг., о чем свидетельствуют многочисленные публикации в научно-информационном бюллетене «Российские немцы»¹ (под ред. Т.Н. Черновой-Дёке), издававшимся Международным союзом немецкой культуры.

На общем фоне изучения немцев России петербургская / петроградская общность выглядит очень бледно. В значительной степени, как нам кажется, это связано с влиянием «Большого города», в тени которого она оказалась. В историографии можно найти гораздо больше публикаций, например, об ученых, чем о колонистах и городских обывателях немецкого происхождения Санкт-Петербурга и губернии. О слабой изученности истории петербургских немцев в досоветский период свидетельствует наличие лишь одной кандидатской (Бахмутская, 2002), нескольких статей отдельных авторов (Шрадер, 1989; Шрадер, 1998; Князева, 1998; Бахмутская, 1998).

Следует остановиться на диссертационном исследовании Е.В. Бахмутской (Бахмутская, 2002). Данная работа была подготовлена на рубеже 1990-2000-х гг., что нашло свое отражение в содержательной части. Автор большое внимание уделяет формальной стороне истории петербургских немецких колоний в дореформенный период. Многие аспекты оказались вне поля зрения исследователя, что можно объяснить узостью источниковой базы и ориентацией преимущественно на нормативно-правовые акты и документы Министерства государственных имуществ, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Так, в работе не нашлось места факту включения помещиков столичной губернии в приглашение колонистов и поселение их на частновладельческих землях. Рассуждая о землевладении, автором за рамками был оставлен факт проживания колонистов в первой половине XIX в. уже не на казенных, на удельных землях, владельцами которых были некоторые представители Императорской фамилии, например, Великий Князь Константин Павлович (1779 – 1831 гг.). Поверхностно представлена и хозяйственная жизнь колоний. Вне поля зрения остался факт смычки колонистов и ремесленных цехов Санкт-Петербурга. Хотя именно ремесленниками,

¹ С 1995 г. издавалось под названием «Научно-информационный бюллетень». С 25 номера 2001 г. появилось название «Научно-информационный бюллетень «Российские немцы».

как свидетельствуют сохранившиеся документы, зачастую становились те из поселенцев, которые при разделе наследства оказывались безземельными.

Буквально несколько слов о появлении немецких колоний под Санкт-Петербургом мы находим в неоднократно переизданной монографии И.Р. Плеве «Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в.». В частности, автор отмечал, что в 1765-1766 гг. в окрестностях столицы появилось несколько немецких колоний (Плеве, 2008, 92).

В немногочисленных публикациях 2010-х гг. на фоне юбилейных дат представлена история отдельных колоний. Наибольший интерес привлекает Стрельна. История Стрельнинской колонии представлена в некоторых публикациях И.В. Черказьяновой (Черказьянова, 2010).

Крайне поверхностно история петербургских немцев представлена и в зарубежной, преимущественно немецкоязычной, историографии (Stumpp, 1965; Fleischhauer, 1986; Einfeld, 1992; Bade von, 1992; Stricker von, 1997). В работах общего содержания авторы ограничивались преимущественно упоминанием о том, что в окрестностях Санкт-Петербурга во второй половине 1760-х гг. были поселены десятки семей немецких колонистов. Однако отсутствие широкого круга репрезентативных источников не позволил представить особенности формирования и развития данной части российских немцев.

Отдельные упоминания в колонистах можно встретить в работе М. Буш, посвященной немцам Санкт-Петербурга в пореформенный период (Busch, 1995).

Имеющаяся на сегодняшний день источниковая база позволяет более предметно рассмотреть немецкие колонии в окрестностях Санкт-Петербурга, а сравнение полученных данных с материалами по поволжским, причерноморским, лифляндским колониям позволит выявить специфические черты их возникновения и развития в последней трети XVIII в. – начале 1870-х гг.

Особенности образования и развития «ближних» колоний

В первые же годы своего правления императрица Екатерина Вторая (1762 – 1796 гг.) обратилась к проблемам внутренней колонизации. Понимая невозможность использования в условиях крепостнической России собственные людские резервы, она обратила внимание на иностранцев. Манифест от 4 декабря 1762 г., с одной стороны, подтвердил преимущество с мероприятиями, проводившимися в царствование Елизаветы Петровны по заселению южных районов выходцами с Балкан, а с другой – стал краеугольным камнем в будущей кампании по переселению в Россию иностранных колонистов во второй половине 1760-х – 1810-е гг.

Манифесты 1762 – 1763 гг., призывавшие иностранцев переселяться в Россию, имели большой резонанс в германском мире. Разоренные Семилетней войной княжества в этот период дали наибольшее число колонистов.

Исследователи отмечают, что уже в первые годы (1763-1766 гг.) из Европы по суше и морским путем прибыло более 30 тыс. колонистов (Плеве, 2008, 91). Большая часть прибывших иностранцев была отправлена по Волге. В результате возникли многочисленные колонии, входившие к середине XIX в. в состав Саратовской и Самарской губерний. Лишь немногим удалось поселиться в окрестностях столицы. Но, как покажет история, их положение было не менее тяжелым, чем поволжских поселенцев. Некоторые же из них уже в конце XVIII в. заявили о своем желании переселиться в Новороссию.

В течение 1765 – 1766 гг. в окрестностях Санкт-Петербурга было основано несколько колоний. Этот процесс изначально находился под жестким контролем местных и центральных властей. Особо следует указать на управляющего Царским Селом надворного советника Федота Владимировича Удалова (1722-1776 гг.) и действительного камергера, одного из учредителей и члена Императорского Вольно-Экономического общества Вильгельма-Рейнгольда фон Польмана (1727-1795 гг.), тесно связанного с Григорием Орловым. Именно с ними были заключены контракты прибывшими в Россию немцами, определившие как права и обязанности новоявленных колонистов, так и принципы жизни колоний, их место в системе Российского государства. Удалов оформил контракты с ново-саратовскими и ябургскими поселенцами, фон Польман – ижорскими и средне-рогатскими (РГИА, 1797-1807, лл. 13-24). Уже сам факт участия разных лиц в обустройстве иностранных колоний в окрестностях столицы свидетельствовал об имевшихся между поселениями различиях. Некоторые из них можно отметить в текстах заключенных контрактов.

В 1765 г. именным указом Екатерины Второй управляющему Царскосельской вотчинной конторой Ф. Удалову было поручено изыскать земли, которыми ни крестьяне, ни Казна не пользовались (РГИА, 1797-1807, л. 2). Так, в контракте с ново-саратовскими поселенцами отмечалось, что для их поселения предоставляется «ведомства [Царскосельской] вотчинной конторы пустопорожная на Выборгской стороне на Неве реке в 16 верстах от Санкт-Петербурга лежащая земля» (РГИА, 1797-1807, л. 13). Этим же актом было декларировано наделение колонистов землей в размере 35 дес., включая пашню, покос, выгон и лес (РГИА, 1797-1807, л. 13). Здесь же был определен и формат прав на нее: она была объявлена вечным наследственным владением, а потому колонистам ее «ни продавать, ни закладывать, ни менять не дозволено» (РГИА, 1797-1807, л. 13). Подобным образом земельный вопрос был решен и применительно к ябургским колонистам (РГИА, 1797-1807, л. 19).

В это же время фон Польман от имени Короны заключил контракты с ижорскими и средне-рогатскими колонистами. В них имелось одно существенное отличие. Если в предыдущих случаях была соблюдена прописанная в манифесте от 22 июля 1763 г. норма земельного надела, то в этом случае она была уменьшена до 30 дес. всех угодий (РГИА, 1797-1807, лл. 16, 17).

При этом следует обратить внимание на факт не номинального выделения земель для колоний, а на их фактический размер (см. табл. 1). Именно от этого во многом зависел характер дальнейшего развития поселения.

Ижорские колонии		Ново-Саратовка		Средняя Рогатка		Ямбургские колонии	
По контракту (удобной)	Фактически (всех земель)						
840	2539	2193	2192	660	566	3237	2924

Таблица 1. Земли немецких колоний под Санкт-Петербургом, дес. (РГИА, 1797-1807, лл. 2 об., 6 об., 8 об., 10, 11)

Table 1. Lands of German colonies near St. Petersburg, des. (RSHA, 1797-1807, fol. 2 ob. 6 ob. 8 ob. 10, 11)

В большинстве случаев удобной земли в обмежованных дачах было меньше, чем это было оговорено в контрактах. Так, из 566 дес., выделенных царскосельским (средне-рогатским) колонистам, удобной земли было лишь 523 дес., что было на 20% меньше требуемого. Как видно из приведенных данных, лишь в одном случае с ижорскими колонистами власти выполнили взятые на себя обязательства (из 2539 дес. земли 2379 дес. были признаны удобными для хозяйственного использования). Но, как отмечалось в описании колонии за 1797 г., «им отмежовано было под названием удобной 1340 десятин, из которой малая токмо часть способна к хлебопашеству» (РГИА, 1797-1807, л. 86 об.). Существенный недостаток удобных земель в колониях, с одной стороны, не позволял принимать в них новых иностранных переселенцев, а с другой – препятствовал выделению новых хозяйств внутри подворно организованных поселений.

Не только пашенной земли не хватало. Колонисты испытывали большие сложности с обеспечением строевым и дровяным лесом. Так, средне-рогатские поселяне могли рубить строевой лес только на собственном семейном участке, продавать его на сторону они не имели права. Дровяной лес рубили только в феврале и затем делили его на каждый двор по 8 сажень однополенных. Вообще, как отмечал современник, «дровяной лес сберегается обще всем селением», «и которые колонисты имеют излишние в домах печи, те должны покупными дровами довольствоваться» (РГИА, 1797-1807, л. 85). В Ижорской колонии преобладал дровяной лес, который использовали преимущественно на заборник (заготавливали из него жерди для изготовления изгороди – В.Ш.). Хищническое отношение к лесным ресурсам привело к тому,

что ямбургские колонии фактически остались без дров и строительного материала. Главной причиной тому стал выжег древесного угля на продажу в первые годы проживания колонистов.

Водворение колонистов на новом месте жительства было сопряжено с финансовыми расходами со стороны Казны. Выделяемые средства направлялись на строительство домов, приобретение необходимого инвентаря, семенного материала и прочие нужды. Действительным статским советником Захаром Андреевичем Хитрово было подсчитано, что на организацию Ижорской, Ямбургской, Новосаратовской и Среднерогатовской колоний Канцелярией опекунов иностранных было израсходовано более 200 тыс. руб. (ПСЗ-1, т. XXIV, № 18006). Эти средства, в соответствии с контрактами, колонисты должны были впоследствии возместить государству по прошествии 15 лет в течение последующего пятилетнего срока. Указанные суммы были оформлены как беспроцентные ссуды.

По прошествии десяти льготных лет с момента подписания контрактов, на которые они были освобождены от уплаты денежных и натуральных податей и повинностей, поселенцы должны были платить поземельную подать. Контрактом для всех колоний она была определена ежегодно в 1 руб. 22 ½ коп. с десятины удобной земли. Однако экономическое состояние петербургских колонистов в первые годы оказалось плачевным. Причины тому были различные. Так, ямбургские колонисты жаловались, что предоставленная им земля «не удобна, песчана и совсем к хлебопашеству не способна, а потому не в состоянии они там ни пропитания иметь, ни Короне подати платить» (РГИА, 1797-1807, л. 10 об.). Прочие колонисты также объявили себя «неимущими».

Однако директор петербургских колоний Федор Федорович Рогенбук, обследовавший Ижорские, Новосаратовские и Среднерогатовские колонии, был другого мнения. Он писал, что за «13 лет не прилагали они никакого старания в надлежащих местах сделать расчистки, провести рвы... в домах не выправлено ими ни малейшего починения и дворы не огорожены... живут по большей части в роскоши, пьют кофе и чай, часто имеют между собою собрание и употребляют вино и пиво» (Лебедева, 2016, 120).

Сложившаяся в колониях ситуация была подробно описана в докладе управляющего Конторой вотчинного правления Царского Села генерал-майора Аристарха Петровича Кашкина. Надо сказать, что он к тому моменту хорошо знал ситуацию в колониях, т.к. возглавлял Царскосельскую вотчинную контору, в ведении которой они находились, с 1763 г. В результате 12 марта 1779 г. именным указом для колонистов было объявлено послабление. Так, ново-саратовские и средне-рогатские должны были поземельный налог платить в половинном размере, а ижорские четвертую часть против положенного им впредь до нового указа (ПСЗ-1, т. XX, № 14854). Устанавливая новую

льготу, императрица распорядилась взыскивать поземельную подать с декабря 1779 г. «исправно и бездоимочно» (ПСЗ-I, т. XX, № 14854).

Указом от 13 ноября 1793 г. было принято решение взыскивать ежегодно с колоний: Средней Рогатки 542 руб. 26 коп. (6 руб. 30 коп. с человека), Ижорской – 398 руб. 30 коп. (3 руб. 75 коп.), Ново-Саратовки – 1218 руб. 75 коп. (5 руб. 37 коп.), Ямбургской – 156 руб. 51 $\frac{3}{4}$ коп. (1 руб. 93 $\frac{1}{4}$ коп.). Кроме того, было решено не взыскивать долг с Ямбургских колонистов в размере 137493 руб.85 коп. (ПСЗ-I, т. XXIV, № 18006).

Существенным послаблением для колонистов стала и своего рода ревизия выделенных им угодий. В ряде случаев землемерами были сокращены площади удобных земель за счет увеличения неудобных. Это, в свою очередь, позволило несколько сократить налогооблагаемую базу, ибо подать взималась лишь с удобных земель. Так, в середине 1790-х гг. в Ново-Саратовской колонии неудобная земля в 417 дес. (кочкарное и водяное болота) была исключена к взысканию поземельной подати (РГИА, 1797-1807, л. 4).

Все эти шаги способствовали адаптации колонистов к новым условиям жизни. Результат патерналистской политики в отношении переселенцев был виден уже в середине 1790-х гг. В ходе пятой ревизии (лето 1794 г.) чиновниками Канцелярии опекунов иностранных колонистов были составлены описания колоний, которые сопровождалось статистическими и демографическими таблицами. На основе этих материалов мы можем восстановить особенности внутренней жизни колоний и их взаимосвязь с окружающим миром.

К концу XVIII в. на территории Санкт-Петербургской губернии в немецких колониях было учтено 127 хозяйств, которые зачастую представляли собой большие патриархальные семьи. При общей численности колонистов 995 чел. (500 м.п. и 495 ж.п.) людность такого двора колебалась от 7,6 чел. в Ижорских колониях и Ново-Саратовке до 8,4 чел. в Ямбургских колониях (Франкфуртской, Луцкой, Порховской).

Близость к столице, транспортная доступность, качество земель в значительной степени определили экономическую жизнь петербургских колоний на рубеже XVIII–XIX вв. Внешний вид колоний говорил многое о жизни ее жителей. Так, в описании колоний, составленных под руководством действительного статского советника З. А. Хитрово, мы находим данные о «колонии на Большой Царскосельской дороге близ Средней Рогатки». Современник отмечал, что колонисты проживают в домах, построенных за счет Казны. Кроме того, упоминаются и новые строения «как для собственного тех поселян употребления, так и для отдачи в наймы приезжающим в летнее время городским жителям» (РГИА, 1797-1807, л. 84). Жилые и хозяйственные постройки находились в хорошем состоянии.

Разительно отличался внешний вид Ново-Саратовки. Новых жилых строений в колонии не было. Лишь некоторые дома имели следы незначитель-

ного ремонта. Большая часть жилых и хозяйственных построек «приходит в ветхость, и хозяева малое имеют о них радение» (РГИА, 1797-1807, л. 88). В подтверждение тому указывается на то, что «у домов нет ни заборов, ни ворот» (РГИА, 1797-1807, л. 88). Диссонансом на этом фоне выступали лютеранская церковь, пасторский дом и народное училище. Завершали эту картину расположенные в центре колонии питейный дом и водочная лавка. Именно в них видели чиновники З.А. Хитрово и В.А. Озеров причину плохого положения дел в колонии, потому что у колонистов сформировалась «привычка к пьянству и разврату» (Лебедева, 2016, 125). И только при проведении очередной ревизии в 1795 г. чиновники признали, что земля по своему качеству не соответствует заявленной в межевых планах. Она в основном состояла из болота с мелким лесом.

Одной из наиболее острых проблем, стоявших перед жителями Петербурга и окрестностей, было снабжение водой. Удаленность, например, Средней Рогатки от водоемов подтолкнула колонистов к устройству в каждом дворе прудов. Это позволяло иметь воду как для бытовых, так и для хозяйственных нужд.

В отличие от поволжских колонистов, петербургские немцы в условиях недостатка земли сохранили подворную систему хозяйствования. Это нашло свое отражение в распределении земельных угодий. Даже лес, за исключением Ямбургских колоний, был разделен на семейные участки.

Землепользование в колониях было построено примерно по одной схеме. В условиях дефицита пригодной для хлебопашества земли под пашню отводилось не более 1,5 дес. На этом участке сеяли рожь, ячмень, овес. Отдельно сажали картофель. Разнообразить пищевой рацион позволяло выращивание огородных культур (преимущественно капуста, брюква, репе морковь). Огороды располагались между домами колонистов, что позволяло более рационально использовать скудные земельные ресурсы.

В условиях бедных почв Северо-Запада получить хороший урожай можно было лишь используя органические удобрения и совершенствуя систему севооборота. Средняя Рогатка оказалась новатором в использовавшейся агрикультуре. С одной стороны, как отмечалось в описании Хитрово, близость к городу позволяла получать в нужные объемы навоза как под хлеба, так и под картофель. Последний требовал навоза в больших объемах, т.к. для получения высоких урожаев требовалось если не ежегодное удобрение, то раз в два года.

Ново-саратовские колонисты оказались в более сложном положении. С одной стороны, они имели возможность привозить навоз из столицы зимой по льду Невы, а летом на наемных судах. Но, с другой стороны, транспортные расходы были столь значительны (от 50 до 60 коп. с воза), что вносить большое количество органики они могли лишь периодически. Это, разумеется, сказывалось на урожайности сельскохозяйственных культур.

Небольшой по числу жителей Ямбург и преобладание в его окрестностях крестьянского населения, ориентированного на хлебопашество и огородничество, не позволяли местным колонистам рассчитывать на покупку навоза. Последние должны были удовлетворять потребности за счет собственных ресурсов. Чиновники отмечали, что эта «причина и принуждает колонистов держать больше против прочих колоний скота» (РГИА, 1797-1807, л. 96). На один двор приходилось по две лошади, от четырех до пяти коров и несколько свиней.

Самая сложная ситуация сложилась в ижорских колониях. Удаленность от города и протяженность речного пути делали доставку навоза в колонии невыгодными. Но и решить проблему собственными силами, как это сделали ямбургские колонисты, «ижорцы» не могли: содержание многочисленного поголовья лошадей и коров требовало больших объемов сена, которого не хватало по причине непригодности выделенных земель для сенокоса. Трава здесь была, как говорили, «жидкая». Не помог и культурный высеv трав. Через два года посев превращался в мох (РГИА, 1797-1807, л. 87).

Немецкие колонисты с целью получения высоких урожаев проводили многочисленные эксперименты с севооборотом. В условиях высоких цен на продовольствие в столице следовало получать от земли максимальную отдачу и не допускать ее простаивания. Для немецких колони, например, была характерна следующая схема севооборота «пар – овес – картофель – рожь – пар». Следовательно, в течение одного года земля не использовалась и не приносила доход. Необходимо было уйти от системы пара, которая господствовала в это время в стране, и внедрить более совершенную.

Наибольших успехов смогли получить несколько семей в Средней Рогатке. До 1804 г. все колонисты ориентировались на систему трехполья. Затем они обратили на себя внимание Степана Семеновича Джунковского (1762 – 1839 гг.), занимавшего в те годы пост советника Экспедиции государственного хозяйства. По его инициативе несколько колонистских семей перешли на плодосеменное земледелие: «разделив всю свою пахотную землю на полосы по удобности, вспахивают оные и засевают ежегодно разного рода хлебом и овощами» (РГИА, 1808, л. 22 об.). Первый же опыт 1804 г. оказался крайне успешным. Как следствие, «все вообще поселяне добровольно согласились принять сие учреждение» (РГИА, 1808, л. 23). И вновь результат превзошел ожидания: с площади, ранее отводившейся под пар, получили хлебом или овощами доход на 9 руб.

Новаторство немецких колонистов имело важное значение для развития земледелия не только в регионе, но и стране в целом. О полученных успехах Джунковский доложил управляющему санкт-петербургскими колониями. Будучи членом и секретарем Императорского Вольного экономического общества, он считал необходимым всячески поощрять стремление к усовершенствованию народного хозяйства. Исходя из этого, в 1808 г. он инициировал

перед вышестоящим начальством награждение трех колонистов-пионеров (шульца колонии Штерна, колонистов Христиана Маса и Адама Бауэра) медалями. Эта инициатива была положительно встречена министром внутренних дел князем Алексеем Борисовичем Куракиным, который и представил результаты эксперимента в своем докладе императору Александру Первому. Последний же «в знак благоволения своего и в поощрение их к дальнейшим успехам в земледелии, Высочайше пожаловать соизволил ... первым двум серебряные медали с надписью «За полезное» для ношения на шее на алой ленте, а последнему большую серебряную медаль с изображением снопа в подарок» (РГИА, 1808, л. 30 об.).

Медали в двух видах были выданы в Кабинете Его Императорского Величества и по распоряжению главноуправляющего Д.А. Гурьева отправлены князю Куракину. Уже 5 сентября 1808 г. на мирском сходе колонии Средняя Рогатка Семеном Джунковским были вручены медали немецким колонистам, а 6 сентября ими были написаны расписки в их получении (РГИА, 1808, л. 36).

Основными сельскохозяйственными культурами в посевах колонистов были хлеба (рожь, овес, ячмень). Однако их урожайность была низкой и составляла в среднем от сам-2 в Ижорских колониях до сам-4 – сам-6 в Средней Рогатке. Но и собранного урожая часто не хватало. Особенно это относилось к овсу, который приходилось постоянно докупать на корм скоту.

Важное место в структуре посева занимал картофель. Именно он стал для колонистов основной товарной культурой. При регулярном удобрении поля колонисты Средней Рогатки получали высокий урожай (сам-3 – сам-4), который затем продавали в столицу. Каждая семья в среднем реализовывала ежегодно до 100 четвертей картофеля (ок. 13 т), зарабатывая от 150 до 250 руб. (РГИА, 1797-1807, л. 85). В прочих колониях также занимались выращиванием картофеля на продажу, но объемы и доходы были гораздо скромнее.

В некоторых колониях на рубеже XVIII–XIX вв. специализировались на выращивании и других огородных культур. Так, в Средней Рогатке все семьи имели посадки капусты. В некоторых случаях урожай составлял 300 до 1 тыс. кочанов (РГИА, 1816, л. 3). Луцкая колония под Ямбургом отличалась не только товарным производством капусты (почти 10,5 тыс. кочанов в 1815 г.), но и брюквы (РГИА, 1816, л. 8).

Животноводство имело двойственный характер для поселян. Как уже отмечалось ранее, в ямбургских колониях оно было главным источником органики для удобрения полей и огородов. Но близость к Санкт-Петербургу, Нарве, Павловску, Царскому Селу способствовало и развитию товарного разведения крупного рогатого скота. Молоко, сливки, животное масло пользовались спросом у городских обывателей.

Не только сельское хозяйство давало петербургским немцам доход. Проживая вдоль Большой Царскосельской дороги и вблизи Колпино некоторые из них промышляли дачным промыслом, сдавая в летний период или

праздники свободные комнаты (РГИА, 1797-1807, лл. 85 об., 86 об.). Средне-рогаткинские колонисты летом и осенью собирали на полях камни, которые зимой продавали в Санкт-Петербурге. Ижорцы нередко в зимнее время занимались извозом, подражаясь перевозить лес получая за это денежную плату. В Средней Рогатке по причине малоземелья некоторые колонисты стали переходить к промышленным промыслам. Так, в конце XVIII в. В колонии было три кузницы, а на замшевой фабрике, принадлежавшей одному из колонистов, шили перчатки для продажи в столице. Нередко младших сыновей в больших семьях отдавали в ученики в ремесленные мастерские (РГИА, 1797-1807, л. 86). Эта практика в XIX в. была широко распространена и в прочих немецких колониях.

Выводы

Таким образом, в течение 1765 г. – 1790-х гг. в окрестностях Санкт-Петербурга возникли и экономически окрепли немецкие колонии, основанные по инициативе императрицы Екатерины II. Поселенцам были выделены казенные земли, за счет государства были выстроены дома и хозяйственные постройки, выделены беспроцентные ссуды на покупку инвентаря, семенного материала и прочих необходимых товаров. Однако не все переселенцы смогли обосноваться в непростых природно-климатических условиях Северо-Запада. Болотистая тяжелая земля, доставшаяся некоторым семьям в Ямбургских колониях, оказалась непригодной к хлебопашеству. Даже размещенные вблизи Санкт-Петербурга колонисты испытывали большие сложности (колонии Средняя Рогатка и Ново-Саратовка). Как следствие, часть петербургских немцев-колонистов вынуждена была просить об их переселении в Новороссию.

Оставшимся в так называемых ближних колониях выходцам из германских земель потребовалось около 30 лет для адаптации в новых общественных, экономических, социальных, культурных условиях. Результатом стало появление капиталистических по своему характеру аграрных поселений, которые не только обеспечивали столицу и близлежащие города продуктами питания, но стали в начале XIX в. образцом для подражания и эталоном рачительного хозяйственника.

Список литературы

- Bade, K. J. (Ed.). (1992). *Deutsche im Ausland, Fremde in Deutschland: Migration in Geschichte und Gegenwart* [Germans Abroad, Strangers in Germany: Migration in the Past and Present]. C.H. Beck. (In German).
- Busch, M. (1995). *Deutsche in St. Petersburg 1865-1914: Identität und Integration* [Germans in St. Petersburg 1865-1914: Identity and Integration]. Klartext-Verlag. (In German).

- Eisfeld, A. (1992). Die Russlanddeutschen [The Russian Germans]. In *Studienbuchreihe der Striftung Ost-deutscher Kulturrat* [Study book series of the East German Cultural Council Foundation] (Vol. 2). F.A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH. (In German).
- Fleischhauer, I. (1986). *Deutschen in Zarenreich* [Germans in tsardom]. Stuttgart. (In German).
- Stricker, G. (Ed.). (1997). *Deutsche Geschichte im Osten Europas: Rußland* [German History in Eastern Europe: Russia]. Siedler. (In German).
- Stumpp, K. (1964). *Die Russlanddeutschen: Zweihundert Jahre unterwegs* [The Russian Germans: Two hundred years on the road]. Pannonia-Verlag. (In German).
- Бахмутская, Е. В. (1998). Организация приема и расселения немецких колонистов в С.-Петербургской губернии в период правления императора Александра I. В *Миграционные процессы среди российских немцев: Исторический аспект. Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г.* (с. 73–86). Готика.
- Бахмутская, Е. В. (2002). *Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии, 1760-е–1870-е гг.* (с. 320) [Диссертация кандидата исторических наук]. Санкт-Петербургский государственный университет.
- Велицын, А. А. (1893). *Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России.* Типография «Общественная польза».
- Герман, А. А. (2021). Этничность в моей жизни. *Этнография*, 12(2), 194-221. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-2\(12\)-194-221](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-2(12)-194-221)
- Гернет фон, А. (1910). *Немецкая колония Стрельна под Санкт-Петербургом. 1810 – 1910. Юбилейный листок в память столетия существования колонии.* Санкт-Петербург.
- Князева, Е. Е. (1998). Материалы РГИА по истории лютеранских сельских приходов на территории Петербургской губернии в связи с переселением немцев. В *Миграционные процессы среди российских немцев: Исторический аспект. Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г.* (с. 63–72). Готика.
- Лебедева, Е. В. (2016). Петербургские немецкие колонии глазами столичных чиновников (по архивным документам второй половины XVIII века). В *Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII-XX вв. Выпуск 10* (с. 117–128). Санкт-Петербург.
- Плеве, И. Р. (2008). *Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в.* (3-е изд.). АОО «Международный союз немецкой культуры».
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). (б. д.-а). Издание I. Т. XX. № 14854.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). (б. д.-b). Издание I. Т. XXIV. №18006.
- Пузейкина, Л. Н. (2013). *Немцы в Санкт-Петербургской губернии: История, язык, песни.* Нестор-История.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1797-1807). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1808). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1152.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1816). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1180.
- Сакс, Г. (1931). *Работа среди национальных меньшинств: Опыт Ленинградской области.* Ленинград.
- Черказьянова, И. В. (2010). *Немецкая колония в Стрельне: Образы прошлого и настоящего.* В *Константиновские чтения – 2010: Константиновичи и Стрельна (к 510-летию*

- Стрельны): сборник материалов научной конференции 27 октября 2010 г. (с. 112–129).
Летопись.
- Шрадер, Т. А. (1998а). Поселения немецких крестьян-колонистов в Петербургской губернии в XIX в. И в первые два десятилетия XX в. В Л. В. Славгородская (Ред.), *Немцы в России: Люди и судьбы: Сборник статей* (с. 81–100). Санкт-Петербург.
- Шрадер, Т. А. (1998b). Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время. В Н. В. Юхнева (Ред.), *Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования* (с. 132–140). б.и.
- Янсон, П. М. (1929). *Национальные меньшинства Ленинградской области: Сборник материалов*. Ленинград.

References

- Bade, K. J. (Ed.). (1992). *Deutsche im Ausland, Fremde in Deutschland: Migration in Geschichte und Gegenwart [Germans Abroad, Strangers in Germany: Migration in the Past and Present]*. C.H. Beck. (In German).
- Bakhmutskaya, E. V. (1998). Organization of reception and resettlement of German colonists in St. Petersburg province during the reign of Emperor Alexander I. In *Migration processes among Russian Germans: A historical aspect. Materials of the International Scientific Conference. Anapa, September 26–30, 1997.* (pp. 73–86). Gotika. (In Russian).
- Bakhmutskaya, E. V. (2002). *German colonies in St. Petersburg Province, 1760s–1870s.* [PhD Thesis]. St. Petersburg State University. (In Russian).
- Busch, M. (1995). *Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration [Germans in St. Petersburg 1865–1914: Identity and Integration]*. Klartext-Verlag. (In German).
- Cherkazyanova, I. V. (2010). The German Colony in Strelna: Images of the Past and the Present. In *Konstantinovsky Readings - 2010: Konstantinovich and Strelna (for the 510th anniversary of Strelna): Proceedings of the scientific conference on October 27, 2010.* (pp. 112–129). Letopis. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ). (n. d.-a). Edition I. Vol. XX. No 14854. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ). (n. d.-b). Edition I. Vol. XXIV. No 18006. (In Russian).
- Eisfeld, A. (1992). Die Russlanddeutschen [The Russian Germans]. In *Studienbuchreihe der Stiftung Ost-deutscher Kulturrat [Study book series of the East German Cultural Council Foundation]* (Vol. 2). F.A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH. (In German).
- Fleischhauer, I. (1986). *Deutschen in Zarenreich [Germans in tsardom]*. Stuttgart. (In German).
- German, A. A. (2021). Ethnicity in My Life. *Etnografija*, 12(2), 194–221. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-2\(12\)-194-221](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-2(12)-194-221) (In Russian).
- Gernet von, A. (1910). *The German colony of Strelna near St. Petersburg. 1810–1910. Jubilee leaflet commemorating the centenary of the colony's existence.* St. Petersburg. (In Russian).
- Jansson, P. M. (1929). *National Minorities of the Leningrad Region: Collection of Materials.* Leningrad. (In Russian).

- Knyazeva, E. E. (1998). Materials of RSHA on the history of Lutheran rural parishes in the territory of St. Petersburg province in connection with the resettlement of Germans. In *Migration processes among Russian Germans: A historical aspect. Materials of the International Scientific Conference. Anapa, September 26-30, 1997.* (pp. 63–72). Gotika. (In Russian).
- Lebedeva, E. V. (2016). St. Petersburg German colonies through the eyes of the capital's officials (according to the archival documents of the second half of the 18th century). In *Germans in St. Petersburg: Biographical Aspect. 18th - 20th Centuries. Issue 10.* (pp. 117–128). St. Petersburg. (In Russian).
- Pleve, I. R. (2008). *German colonies on the Volga in the second half of the 18th century.* (3rd ed.). International Union of German Culture. (In Russian).
- Puseikina, L. N. (2013). *Germans in St. Petersburg Province: History, Language, and Songs.* Nestor-Istoriya. (In Russian).
- Sax, G. (1931). *Work among national minorities: Experience of the Leningrad Region.* Leningrad. (In Russian).
- Schrader, T. A. (1998a). Settlements of German peasant colonists in St. Petersburg Province in the nineteenth century and the first two decades of the twentieth century. In L. V. Slavgorodskaya (Ed.), *Germans in Russia: People and Destinies: Collection of Articles* (pp. 81–100). St. Petersburg. (In Russian).
- Schrader, T. A. (1998b). Legal and Cultural Adaptation of German Colonists in Petersburg Province in the Post-Reform Period. In H. V. Yuhneva (Ed.), *Petersburg and the Province: Historical and Ethnographic Studies* (pp. 132–140). n.p. (In Russian).
- Stricker, G. (Ed.). (1997). *Deutsche Geschichte im Osten Europas: Rußland [German History in Eastern Europe: Russia].* Siedler. (In German).
- Stumpp, K. (1964). *Die Russlanddeutschen: Zweihundert Jahre unterwegs [The Russian Germans: Two hundred years on the road].* Pannonia-Verlag. (In German).
- The Russian State Historical Archive (RSHA). (1797-1807). F. 383. In. 29. C. 1138. (In Russian).
- The Russian State Historical Archive (RSHA). (1808). F. 383. In. 29. C. 1152. (In Russian).
- The Russian State Historical Archive (RSHA). (1816). F. 383. In. 29. C. 1180. (In Russian).
- Velitsyn, A. A. (1893). *The Germans in Russia. Essays on the Historical Development and Present Situation of the German Colonies in Southern and Eastern Russia.* Tipografija “Obshhestvennaja polza”. (In Russian).

“The Other/Own/Alien”: Paradoxes of Perception of Germans in the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries

Olga V. Erokhina (a) & Vitaly Y. Zakharov (b)

(a) Moscow Pedagogical State University; Bauman Moscow State Technical University. Moscow, Russia. Email: ov.erokhina@mpgu.su

(b) Bauman Moscow State Technical University; Moscow Pedagogical State University; Moscow Aviation Institute (National Research University). Moscow, Russia. Email: vz1974@yandex.ru

Received: 21 September 2022 | Revised: 23 October 2022 | Accepted: 4 November 2022

Abstract

The article deals with the problem of “the Other/Own/Alien” on the example of Germans and German colonists who arrived to Russian Empire in the late 18th – early 20th century at the invitation of the authorities. The material analyzed by the authors allowed revealing how the process of their transformation from “the Other” to “Stranger” took place. We have identified the socio-cultural, economic and political factors that influenced it. For various reasons, Germans came to the country where they had to adapt to new natural and climatic conditions, master the language, get acquainted with culture and traditions. In our opinion, long-term residence in the country and the gradual establishment of contacts with the local population contributed to the assimilation of Germans and transformation into “our kin”. This process took place much faster in an urban environment than in rural areas. However, foreign policy circumstances forced the Russian authorities to pursue an anti-German policy. This is reflected in periodicals and journalism. The desire of the Germans to preserve their language, culture and traditions, as well as the policy of the authorities, contributed to the formation of the image of the “Alien”.

Keywords

Frontier Conditions; Alien; The Other; Own; Russian Empire; German Colonists; Germans; Settlers; Migration; Transformation

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Другой / свой / чужой»: парадоксы восприятия немцев в Российской империи в конце XVIII – начало XX вв.

Ерохина Ольга Викторовна (а), Захаров Виталий Юрьевич (б)

- (а) Московский педагогический государственный университет;
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.
Москва, Россия. Email: ov.erokhina[at]mpgu.su
- (б) Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана;
Московский педагогический государственный университет; Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет). Москва, Россия.
Email: vz1974[at]yandex.ru

Рукопись получена: 21 сентября 2022 | Пересмотрена: 23 октября 2022 | Принята: 4 ноября 2022

Аннотация

В статье рассматривается проблема «другой / свой / чужой» на примере немцев и немецких колонистов, приехавших в Российскую империю в конце XVIII – начале XX в. по приглашению властей. Проанализированный материал позволил выявить, как происходил процесс их трансформации от «другого» к «чужому». Нами были выявлены социокультурные, экономические и политические факторы, повлиявшие на этот процесс. По разным причинам немцы приезжали в страну, где должны были приспособиваться к новым природно-климатическим условиям, овладеть языком, знакомиться с культурой и традициями. По нашему мнению, длительное проживание в стране и постепенное налаживание контактов с местным населением способствовали ассимиляции немцев и превращению в «своих». Этот процесс происходил значительно быстрее в городской среде, чем в сельской местности. Однако внешнеполитические обстоятельства способствовали проведению антинемецкой политики, что нашло отражение в периодической печати и публицистики. Желание немцев сохранить свой язык, культуру и традиции, а также политика властей способствовали формированию облика «чужого» в периоды внешнеполитического кризиса..

Ключевые слова

фронтирные условия; чужой; другой; свой; Российская империя; немецкие колонисты; немцы; переселенцы; миграция; трансформация

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Проблема «другой/свой/чужой» привлекает внимание исследователей различных научных направлений: философии, политологии, социологии, истории и других. В словаре В.Т. Даля имеется следующее определение «другому»: «не такой, отличный, иной» (Даль, 1903, с.1232), т.е. его нельзя отнести к «своим». Однако «чужой» тоже не относится «к своим», но в отличие от «другого» он «незнакомый; не нашей земли, иноземный» (Даль, 1909, с.1373). И если к «другому» относятся с любопытством, то в основе восприятия «чужого» чаще всего лежит чувство ненависти и страха (Романова, 2011, с. 191). Фактически в основе трактовки обоих понятий лежит проблема инаковости.

Возникает закономерный вопрос, в каких условиях происходит формирование инаковости и ее трансформация от «другого» к «чужому»? Е.В. Хлыщева считает, что такие изменения возможны под влиянием природных и культурных факторов (Хлыщева, 2016, с. 11). Когда в погоне за лучшими условиями существования субъект, отправившись осваивать новые земли, оказывается в новом для него географическом и социальном ландшафте, это приводит к появлению своеобразной «контактной» зоны различных этнических, религиозных, этносоциальных групп (Якушенков, 2014, с. 308). Под влиянием новых условий фронтирной гетеротопии происходит трансформация переселенцев (Якушенков & Якушенкова, 2016, с. 9).

В качестве субъекта инаковости мы рассмотрели немецких колонистов, которые стали массово приезжать в Российскую империю по приглашению российского правительства со второй половины XVIII в. и попали в новые для себя фронтирные условия. Следует отметить, что социально-экономическому и культурному образу жизни немецких колонистов в разных регионах проживания нашей страны посвящено значительное количество работ. Но восприятие их образа как «другого» и «своего» почти не нашло в них отражения (Каппелер, 2000; Оболенская, 2000; Ян, 2002; Cohen, 2006). В то же время образ «чужого» нашел свое воплощение в основном в «образе врага» накануне и в период Первой мировой войны (Нелипович, 1994; Маттис, 1998; Соболев, 2005; Эйдук, 2008).

От образа «другого» к «своему»

Немцы появились в России в XVI в., и первый топоним «Немецкая слобода» упоминается в источниках в Москве уже в 1578 г. В 1665 г. в ней насчитывалось 204 немецких дома (2004, с.7). Позже «немецкие слободы» появятся в Архангельске и Санкт-Петербурге.

По мере проникновения немцев в экономическую, общественную и культурную жизнь страны постоянные контакты с ними заставляли задуматься о различиях между ними и русскими. Над немцами посмеивались, выделяя их инаковость, могли поглядывать на них с любопытством или недоверием. Им

давали прозвища и придумывали пословицы, прибаутки: «Немец-перец, немец-шмерец, немец-копченый, колбаса, колбасник, сосиска», «штуки-шпеки немецки человеки». Немцы-соседи были рачительными и аккуратными хозяевами; прилежными, умелыми работниками и мастерами на все руки: «У немца на все инструмент есть».

Однако со времен правления Екатерины II российские власти выступали инициаторами значительной части переселений, делая упор на приглашение в страну иностранных земледельцев для освоения обширных полупустующих территорий на юге. Делалось это для того, чтобы

«коренные русские могли у них заимствовать способы лучшей обработки земли, разведение скота и вообще лучшие правила ведения хозяйства» (Мыш, 1888, с. 14).

На местах власти также полагали, что «немцы поделятся с жителями своими передовыми методами ведения сельского хозяйства, особенно в области земледелия и скотоводства» (Сахань, 2017, с. 80). Кроме того, князь М. Н. Воронцов надеялся, что колонисты будут обеспечивать продуктами основной им г. Ейск.

Возникает вопрос, почему приглашали иностранцев, а не использовали внутренние ресурсы? Ответ на него мы находим у А. Клауса, писавшего:

«... грустное положение наших крестьян вообще, и крепостных в особенности, слишком общеизвестно. Крестьянство было слишком принижено и обессилено, чтобы представить достаточные элементы для успешной в тех размерах, как того требовали насущные государственные интересы... колонизация исключительно русскими силами потребовала бы такого периода времени, выждать который казалось правительству несовместным с пользами и потребностями государства» (Клаус, 1869, с. 6-7).

В силу политических, хозяйственных, религиозных или личных обстоятельств численность именно немецких переселенцев в Российской империи постепенно увеличивалась. В XIX в. большинство немцев составляли сельские жители – 76,62%, а на долю городских приходилось 23,38% (2004, с. 10).

Первые колонии появились в Поволжье, а потом в Новороссии, на Кавказе, в Донской области и Сибири. Однако немцы не стали учителями русских крестьян, как на то рассчитывали российские власти, т.к. жили обособленно, предпочитая не смешиваться не только с русским сельским населением, но и немцами другого вероисповедания. Община следила за тем, чтобы не была нарушена «сословная однородность и национальная замкнутость немецкой деревни» (Ерохина, 2009, с. 59) Они тщательно сохраняли свою веру, обычаи и традиции, поэтому не вступали в смешанные браки. Имели собственное управление в лице Конторы иностранных поселенцев. Поэтому для русских крестьян немцы были немцами, а русские русскими.

Английский путешественник Д.М. Уоллес отмечал:

«И хотя, может быть, их отцы и деды родились уже в новой стране, они сочтут за оскорбление, если их назвать русскими. Русского крестьянина они презирают за бедность, темноту, лень и недобросовестность. Усердно заботятся о сохранении своего языка и обычаев. Редко хорошо говорят по-русски, а иногда и совсем не говорят, никогда не вступают в брак с русскими женщинами» (Оболенская, 2000, с. 14).

Немецкие колонисты, обустроиваясь на местах проживания, учитывали условия местности и наличие строительных материалов. Если постройки были временные, то это были землянки или глинобитные строения.

«Постройки большей частью деревянные, крытые тесом. В колониях вдали от Волги – саманные (из нежженных кирпичей в смеси глины с соломой), в местностях каменистых из дикого камня, сложенного на глине, лишь единичные дома состоятельных колонистов выстроены из кирпича и крыты железом» (Клаус, 1869, с. 382).

Затем они заменялись капитальными, каменными или кирпичными, реже деревянными. Например, колонисты Крыма сначала строили свои дома по примеру местных татар из самана или из неотесанного бута. Крышу вначале крыли также по татарскому примеру соломой, но впоследствии перешли на прямоугольную черепицу «марсельку» (Возгрин, 2014, с. 55). Постепенно местное население стало, как и немцы, использовать при строительстве кирпич и крыть крыши домов черепицей или железом. Но их влияние «приблизительно можно обозначить районом верст на 100 вокруг колоний» (Постников, 1882, с. 80).

В регионах к немцам относились по-разному. Если они селились на пустующих или полупустующих землях, то это «другие-свои». Но если их водворение затрагивало интересы крестьянства или казачества, то можно было услышать такое мнение:

Немец давит надменностью, презрением к мужику, давит своим богатством, своей чистотой, своим отказом отдавать излишек земли в аренду, давит своей честностью» (Ерохина, 2009, с. 72).

Положительные отзывы в отношении «других» начинают встречаться в периодической печати с середины XIX. Так, в 1850 г. в газете «Кавказ» была опубликована статья, в которой автор писал о трудолюбии немецких колонистов и делал вывод, что они «...лучшие проводники попечительных мер Правительства к распространению благоденствия в крае» (Ерохина, Шайдуров, 2020, с.146). Именно немецкие колонисты привили местному населению традицию хранить вино не в глиняных кувшинах, а в бочках.

Современники отмечали, что немецкие колонии очень отличались от других населенных мест не только по наружному виду, но и во всех других отношениях. Офицеры Генерального штаба в своих отчетах писали:

«... немецкие колонии можно узнать с первого взгляда... они составляют как бы оазисы. Колонии по справедливости могут быть названы образцовыми фермами.

Разведенные сады и рожи около усадеб, прекрасные, правильные строения, чистота и опрятность» (1862, с.179).

До середины 1870-х гг. к немцам относились как к прекрасным работникам, ремесленникам, отличным специалистам. Современники считали, что колонии «могли для правительства служить масштабом, а для всего русского народа образцом, чего можно достигнуть посредством трудолюбия, нравственности и порядка» (Елисеев, 1865, с. 349). В целом отношение к немцам было нейтрально-положительным.

В 1871 г. были приняты «Правила устройства поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях», которые изменили социальный статус колонистов и ликвидировали их самоуправление (ПСЗ РИ, 1874, с. 813-819). Окончательно они лишились всех привилегий после принятия закона о введении всеобщей воинской повинности в 1874 г. (ПСЗ РИ, 1876, с. 1-2) Вследствие высокой рождаемости в колониях, применения наследственного права минората, отсутствия свободных земель и принятия вышеназванных законов резко увеличилось количество молодежи, которая не могла найти себе применения. Все это приводит к миграционному процессу в колонистской среде.

Немецкие колонисты начинают переселяться из «материнских колоний» на Кубань, Кавказ, Область Войска Донского, в Среднюю Азию. Там ими создаются «дочерние» колонии. Первоначально население встречает их настороженно, но потом они становятся «другими своими». Например, в Кубанском крае местное население предпочитало сдавать свои земли в аренду немецким колонистам, потому что «меньше празднуют, меньше пьянствуют и строже держат обязательства» (Зиссерман, 1875, с. 492).

Немцы стали покупать земли в других губерниях и переселяться в города, где вливались в городское общество, становясь его обыденной частью. Там их уважали и считались с ними. Они фактически превращаются в «своих».

К ним можно отнести и немецких ученых, которые приехали в Россию по приглашению правительства в связи с проведением университетской реформы в начале XIX в. Например, немецкий ученый К. Ф. Фукс, собираясь здесь остаться, выучил русский и татарский языки. Он пользовался уважением своих коллег и был выбран ректором Казанского университета с 1823 по 1827 гг. Он внес значительный вклад в развитие университета и города. Фукс собрал коллекцию птиц и млекопитающих Поволжского региона. Занимаясь медицинской практикой в Казани, лечил людей всех сословий и не требовал платы, если у больного отсутствовали деньги. Татарское население настолько признавало его своим, что позволяло лечить женщин. К нему за советом обращались А. С. Пушкин, М. М. Сперанский, А. Гакстгаузен и А. Гумбольдт (Ерохина, 2019, с. 62).

В отличие от колонистов, городские немцы легко ассимилировались и охотно вступали в браки с русскими женщинами. Те, кто побогаче и имели

собственное дело, писал В. Штрикер, жили в хороших квартирах (Оболенская, 2000, с. 15). Со второй половины XIX в. в южных городах России все чаще домовладельцами становились немцы: Зенценбахер, Фридель, Лепп и другие. Нередко стоимость дома могла достигать 100 тыс. рублей (Семакин, 2003, с. 122).

С начала XX в. немецкие фамилии можно было встретить в разнообразных социально-экономических и политических сферах. Им доверяли учить детей, лечить людей, защищать интересы не только в суде, но даже в Государственной Думе.

В этом плане показательна биография Я. Е. Дитца, который в 1885 г. приехал в Область Войска Донского из немецкой колонии Кратце Саратовской губернии. Он стал служить присяжным поверенным в хуторе Фроловском от Усть-Медведицкого окружного суда. За пять лет Дитц сумел приобрести хорошую репутацию среди местного населения, которое в 1890 г. избрало его почетным блюстителем Муравлевского одноклассного приходского училища (1890, с. 34). В 1906 г. проводятся предвыборные собрания депутатов в I Государственную Думу. На уездном съезде из 50 уполномоченных, среди которых 35 русских и 15 немцев, Дитц был избран на съезд в Саратов. Там им были получены 72 голоса, из которых 4 были немецкие, а остальные русские (1906).

Еще до принятия указа о введении всеобщей воинской повинности немецкие колонисты оказывали любую помощь в случае военных конфликтов. Так, во время Крымской войны русский офицер отмечал, что они «любят новое отечество свое, как любим его мы, его исконные дети, и готовы для него, подобно нам, пожертвовать всем добром своим» (Возгрин, 2014, с. 45).

О патриотизме немцев и становлении их «своими» упоминал в 1895 г. будущий депутат IV Государственной Думы П. В. Каменский:

«...немцы не замедлили показать, что умеют проливать кровь за свою отчизну... В этом убеждает тот факт, что многие поселяне-собственники в последнюю турецкую войну, в 1877 г., награждены орденами, которые даются только на поле брани. Поселяне из колонии Грунау Екатеринославской губернии Фридрих Таблер был награжден Георгиевским крестом, а Готфрид Классель Румынским крестом» (Каменский, 1895, с. 17)

Формирование архетипа «свой-чужой», «друг-враг»

Если со временем «другой» ассимилировался, то превращался в «своего», но с некоторыми особенностями. Однако если он не стремился к ассимиляции и продолжал сохранять свои культурные традиции и религиозные вероисповедания, т.е. не соответствовал национальной идентичности местного населения, то превращался в «чужого». Впоследствии правящая элита изберет его в качестве «внутреннего врага», чтобы снимать напряженность в стране. Особенно остро эта психология «другой/свой/чужой» будет проявляться в периоды внешнеполитических кризисов и особенно военных конфликтов.

Это фактически и произошло с немецкими колонистами, жившими в сельской местности.

В конце XIX – начале XX в. именно российские немцы превратятся в такого «внутреннего врага». В поиске выявления враждебности власти обратятся к истокам «немецкой колонизации» России. Не последнюю роль в этом сыграют обострения внешнеполитических отношений России и Германии после 1871 г.

Военное министерство «внезапно» в 1880-е гг. обнаружит угрозу в немецких колониях, расположившихся на западных границах империи, и будет способствовать развязыванию «газетной войны» против них. В газете «Призыв» отмечалось, что немцы

«несмотря на многолетнее пребывание в русских пределах, не только не обнаруживают стремления к слиянию с окружающим населением, но упорно сохраняют свою национальную обособленность и отчужденность от русского народа, к которому они по удостоверению местных властей относятся враждебно, с гордостью и презрением... могут считаться русскими лишь формально... на самом же деле тяготеют к своим западным сородичам» (Ерохина, 2009, с. 95-96).

В результате подобная политика приведет не только к появлению «чужого», но и превращению его в явного «врага» к 1914 г.

Однако глашатаями такой политики выступали, кроме журналистов, и публицисты. Появляются работы, посвященные выявлению «чужого» элемента в российской среде. Среди них можно выделить труд Велицына А.А., который писал:

«...южный колонист... сознает свою отчужденность от России, всеми помыслами и симпатиями живет в Германии, и этого, по нашему убеждению, достаточно, чтобы при малейшем толчке извне превратить этого мирного колониста в отъявленного врага России» (Велицын, 1893, с. 180-181).

До 1913 г. население страны в немцах будет видеть в основном своих, а не чужих. На антинемецкую истерию почти не реагировали; но ситуация изменится с началом военных действий.

Со времени Первой мировой войны политизация немецкого вопроса достигла небывалых масштабов. Националистические тенденции фактически стирали границу между германцем и немцем.

Восприятие противника упростилось до архетипа «свой – чужой», «друг – враг». Антигерманская кампания довольно быстро переросла в кампанию против немцев вообще. При этом понятие «внутренний немец» нередко стало ассоциироваться с «внутренним врагом». В общественное сознание внедряли идею о необходимости полного очищения России от всякого проявления «германизма». В немецких поселениях теперь видели угрозу безопасности России:

«Колонии эти, несмотря на свое существование уже более века, живут настолько обособленно от коренного русского населения, что в общей своей совокупности на всем пространстве наших южных губерний являются готовой базой для германского нашествия» (Нелипович, 1997, с. 44).

13 и 15 октября 1914 г. Министерством внутренних дел были приняты циркуляры, на основании которых немецкие названия колоний были заменены на русские. И хотя на местах власти выполнили это распоряжение, но зачастую считали, что напрасно будут потрачены деньги, т.к. в колониях по-прежнему будет проживать немецкое население, которое никакого вреда не приносит местному населению (РГИА, л. 204).

Следует отметить, что к немецким колонистам существовало различное отношение среди местного населения даже в рамках одного региона. В Воронежской губернии Острогожского уезда жители достаточно спокойно относились к своим соседям из колонии Рибенсдорф, потому что для них они давно стали «своими», поселившись на этой земле еще в XVIII в. Однако немецкая колония, основанная в Новохоперском уезде в 1908 г. и обладавшая большими земельными размерами по меркам местного населения, стала «чужой» (Грефенштейн, 2016, с.26).

Именно власти будут последовательно проводить антинемецкую политику, формируя, таким образом, в обществе отношения к немцам как к «чужакам», несмотря на то, что в большинстве своем они имели российское подданство и считали себя русскими. Такая позиция приведет к беспорядкам, которые произойдут в июле и октябре 1914 г. в Петрограде и Москве, а затем в мае 1915 г. случится московский погром.

Из-за целенаправленной антинемецкой политики

«все “немецкое” вызывало не только враждебные чувства, но и действия. На всех общественных собраниях раздавались голоса о необходимости беспощадной борьбы с “немецким засильем”, которым по общему предположению были отмечены местности, заселенные немецкими колонистами» (Фролова, 2014, с. 269-270).

В действительности враждебные отношения к немцам были более заметны в городах, чем в сельской местности. Жандармские управления вынуждены были заниматься многочисленными доносами, жалобами и заявлениями жителей. Например, обвинялись житель г. Петровска А. Геллер в шпионаже, а за предоставление номеров «темным личностям» владелец гостиницы «Москва» в г. Самаре (Семенова, 2012, с. 427-428).

Кроме того, они становились «чужими» и в армии, куда зачастую уходили не только по призыву, но и добровольно. Военное министерство старалось перевести немцев-военнослужащих с Западного фронта на Кавказ, не надеясь на их лояльность России. И это несмотря на то, что они показывали примеры героизма на полях сражения, получая заслуженные награды (РГВИА, 1914-1915, л. 70 об, 719). Один из военнослужащих немецких колонистов с обидой писал:

«Оказывается, что невзирая на наши труды, нас все равно причисляют к немцам и к ненавистникам нашей родины. Сколько мы здесь не трудились, исполняя добросовестно свои обязанности, нам все же не доверяют, боясь пропаганды» (Фролова, 2014, с. 273).

Развернувшаяся антинемецкая пропаганда оказывала негативное влияние и на психологическое состояние немцев, которые считали себя русскими подданными, но в этническом плане принадлежали к немцам. Особенно неприятны были им «ликвидационные законы», принятые российскими властями в феврале и декабре 1915 г., направленные на борьбу с немецким засильем.

Были среди них и те, кто пытался разобраться в сложившейся ситуации, не понимая, почему их записали в «чужие». Среди них мы бы отметили Ф.О. Краузе, получившего медицинское образование в Московском университете и впоследствии работавшего ассистентом в Морозовской больнице. Во время войны он был старшим врачом 22-го летучего санитарно-дезинфекционного отряда, участвовавшего в сражениях на Юго-Западном фронте. В своих письмах к невесте он много размышлял о сложившейся ситуации:

«Я думаю, что много сейчас немцев в России, которые переживают эту душевную драму! Нет, мы не поддадимся, мы останемся хранителями старых заветов, нам останутся чужды этот угар, этот туман, застилающий сейчас столь многие интеллигентные головы... Если наши государства воюют, если мы как сознательные граждане выполняем свой тяжелый долг, то мы еще не будем оплевывать все, что не наше, не затопчем в грязь те ценности, которые раньше признавали!» (Краузе, 2017, с. 79)

Выводы

Исследуя проблему «другой/свой/чужой», мы приходим к выводу, что в поисках лучшей доли немцы отправились в Россию, где воспринимались населением как «другие». Если смогли выучить язык и наладить контакт с местным населением, то их считали уже «своими», которые имели некоторые особенности. Однако отношение к немцам могло превратиться в негативное, делавшее их «чужими». Такое явление было обусловлено несколькими факторами: давлением официальной идеологии, многочисленностью немцев в ряде регионов, их успешной экономической деятельностью.

Список литературы

- Cohen, A. J. (2006). Bild und Spiegelbild: Deutschland in der russischen Tageszeitung «Russkoe slovo» (1907–1917) [Image and Reflection: Germany in the Russian Daily “Russkoe slovo” (1907–1917)]. *Deutsche Und Deutschland Aus Russischer Sicht*, 19(20), 258–279. (In German).
- Велицын, А. А. (1893). *Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России*. Типография товарищества «Общественная польза».

- Возгрин, В. Е. (2014). Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII – конец XIX в.). Часть II. Труды кафедры истории Нового и новейшего времени, 12, 43–78.
- Выборы от крестьян. (1906). Приволжская газета, 75.
- Грефенштейн, Е., & Шушеньков, А. (2016). Воронежские немцы. 250 лет в России. Руна.
- Даль, В. И. (1903). Толковый словарь живого великорусского языка (Т. 1, 1232). Типография Товарищества М.О. Вольф.
- Даль, В. И. (1909). Толковый словарь живого великорусского языка (Т. 4, 1373). Типография Товарищества М.О. Вольф.
- Елисеев, Г. З. (1865). Внутреннее обозрение. Современник, CVII(4), 337–385.
- Ерохина, О. В. (2009). Немецкие колонии Области Войска Донского (вторая половина XIX в. – Февраль 1917 г.). Волгоградское научное издательство.
- Ерохина, О. В. (2019). Образ немецкого профессора в контексте российской действительности первой половины XIX в. Россия и Германия, 1–2(13–14), 57–63.
- Ерохина, О. В., & Шайдуров, В. Н. (2020). «Немецкий фактор» в экономическом развитии Закавказского края. Вопросы истории, 2020(10), 143–154.
<https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi09>
- Зиссерман, А. Л. (1875). Поездка на Кубань. Русский вестник, 120, 466–508.
- Каменский, П. В. (1895). Вопрос или недоразумение? (К вопросу об иностранных поселениях на юге России). Товарищество скоропеч. А.А. Левенсон.
- Каппелер, А. (2000). Россия-многонациональная империя: Возникновение, история, распад (3-е изд.). Прогресс-Традиция.
- Клаус, А. (1869). Наши колонии. Опыт и материалы по истории статистики иностранной колонизации в России. Выпуск 1. Типография В.В. Нусвальта.
- Краузе, Ф. (2017). Письма с Первой мировой (1914–1917). Нестор-История.
- Маттис, А. Э. (1998). «Борьба с немецким засильем» в годы Первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии. В Вопросы истории Сибири XX века: Межвузовский сборник научных трудов (с. 58–67). Новосибирск.
- Мыш, М. И. (1888). Об иностранцах в России. Сборник узаконений, трактатов и конвенций, с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями. Типография Н.А. Лебедева.
- Нелипович, С. Г. (1994). В поисках «внутреннего врага»: Депортационная политика России (1914–1917). В Первая мировая война и участие в ней России 1914–1918: Сборник материалов. Часть 1 (с. 51–64). Москва.
- Нелипович, С. Г. (1997). Генерал от инфантерии НН Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...» Депортации в России 1914–1918 гг. Военно-исторический журнал, 1, 42–53.
- Немцы в России: Историко-документальное издание. (2004). Лики России.

- О введении всеобщей воинской повинности. №52983. (1876). В Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе: Т. XLIX. Отделение первое. 1874. Типография II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии.
- Оболенская, С. В. (2000). *Германия и немцы глазами русских*. РАН, Институт всеобщей истории.
- Павлович, В. (Ред.). (1862). *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба*: Т. 6. Екатеринославская губерния. Типография Департамента Генерального штаба.
- Памятная книжка Области Войска Донского на 1890 г. (1890). Ростов-на-Дону.
- Постников, В. Е. (1882). Молочанские и Хортицкие немецкие колонии. Хозяйственно-статистический очерк. *Сельское хозяйство и лесоводство*. Журнал Министерства Земледелия, 79-99, 221-240.
- Правила об устройстве поселен-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и в области Бессарабской. № 49705. (1874). В Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: Т. XLVI. Отделение второе. 1871. Типография II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии.
- Романова, А. П., Якушенков, С. Н., & Якушенкова, Ок. С. (2011). «Гляжусь в тебя как в зеркало до головокружения», или протообразы тела чужого в российском дискурсе. *Каспийский регион: Политика, Экономика, Культура*, 1 (26), 189-195.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1914-1915). Ф. 1759. Оп. 4 Д. 619.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1914). Ф. 1291. Оп. 124. Д.55.
- Сахань, Т. В. (2017). Взаимоотношения немецких колонистов и кубанских казаков на Ейском полуострове (середина XIX - начало XX в.). *Немцы России в общественно-политической жизни страны (XVIII - XXI в.): Материалы 16 международной научной конференции, Москва 27-31 октября 2016*, 78-91.
- Семакин, С. И. (2003). *Колонистское движение и немецкая миграция в Российской империи и СССР*. Издательство «Университет и школа».
- Семенова, Е. Ю. (2012). *Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-Начало 1918 гг.)*. АНО «Издательство СНЦ РАН».
- Соболев, И. Г. (2005). Борьба с «немецким засильем» и политические партии России (1914-1917). *Политические партии России: прошлое и настоящее: Сб. статей по итогам всероссийской научной конференции*, 99-104.
- Фролова, К. В. (2014). Немецкий вопрос в Самарской губернии в годы Первой мировой войны. XX век и Россия: общество, реформы, революции. *Электронный сборник*, 2, 266-275.
- Хлыщева, Е. В. (2016). Конструкты межкультурного взаимодействия на фронтальных территориях: К проблеме культурной безопасности. *Журнал Фронтальных Исследований*, 1, 33-43.
- Эйдук, Д. В. (2008). «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914-1915 гг.: По материалам газеты «Утро России» [Автореферат диссертации кандидата исторических наук]. Санкт-Петербургский государственный университет.

- Якушенков, С. Н., Романова, А. П., Баева, Л. В., Хлыщѣва, Е. В., Морозова, Е. В., & Якушенкова, Ок. С. (2014). «Фронтир как эвристическая модель историко-культурного познания». Материалы круглого стола. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 304-314.
- Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2016). «Власть земли»: Формирование новой инаковости в условиях фронта. *Журнал Фронтирных Исследований*, 1, 9-21.
- Ян, П. (2002). «Русского – пулей, француза – В пузо!»: Россия в восприятии немцев в Первую мировую войну. *Родина*, 10, 38-40.

References

- Claus, A. (1869). *Our Colonies. Essays and Materials on the History of Statistics on Foreign Colonization in Russia. Issue 1*. The printing house of V.V. Nuswalt. (In Russian).
- Cohen, A. J. (2006). Bild und Spiegelbild: Deutschland in der russischen Tageszeitung «Russkoe slovo» (1907-1917) [Image and Reflection: Germany in the Russian Daily “Russkoe slovo” (1907-1917)]. *Deutsche Und Deutschland Aus Russischer Sicht*, 19(20), 258-279. (In German).
- Dal, V. I. (1903). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* (Vol. 1, 1232). The printing house of the M.O. Volf. (In Russian).
- Dal, V. I. (1909). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* (Vol. 4, 1373). The printing house of the M.O. Volf. (In Russian).
- Eiduk, D. V. (2008). “The Image of the Enemy” and Perspectives on War in the Russian Periodicals in 1914-1915: On the Materials of the newspaper *Utro Rossii* [PhD Thesis]. St. Petersburg State University. (In Russian).
- Elections from the peasants. (1906). *Privolzhskaya Gazeta*, 75. (In Russian).
- Eliseev, G. Z. (1865). Internal Review. *Sovremennik*, CVII(4), 337-385. (In Russian).
- Erokhina, O. V. (2009). *German colonies in the Don Region (second half of the 19th century – February 1917)*. Volgograd Scientific Publishing House. (In Russian).
- Erokhina, O. V. (2019). The image of the German professor in the context of Russian reality of the first half of the 19th century. *Russia and Germany*, 1-2(13-14), 57-63. (In Russian).
- Erokhina, O. V., & Shaidurov, V. N. (2020). “German Factor” in the Economic Development of the Transcaucasian Region. *Voprosy Istorii*, 2020(10), 143-154. <https://doi.org/10.31166/voprosyistorii202010statyi09> (In Russian).
- Frolova, K. V. (2014). The German Question in Samara Province during World War I. *The 20th Century and Russia: Society, Reforms, and Revolutions. Electronic collection*, 2, 266-275. (In Russian).
- Grefenstein, E., & Shushenkov, A. (2016). *Voronezh Germans. 250 years in Russia*. Runa. (In Russian).
- Jan, P. (2002). “The Russian with a Bullet, the French with a Belly!”: Russia as Perceived by the Germans in World War I. *Rodina*, 10, 38-40. (In Russian).
- Kamensky, P. V. (1895). *Question or misunderstanding? (On the question of foreign settlements in southern Russia)*. A.A. Levenson's Partnership for the Printing Press. (In Russian).
- Kappeler, A. (2000). *Russia-Multinational Empire: Appearance, History, Disintegration* (3rd ed.). Progress-Tradition. (In Russian).

- Khlyshcheva, E. V. (2016). Constructs of cross-cultural interaction on the frontier's territories: to a problem of cultural safety. *Journal of Frontier Studies*, 1, 33–43. (In Russian).
- Krause, F. (2017). *Letters from World War I (1914–1917)*. Nestor–History. (In Russian).
- Mattis, A. E. (1998). “The Struggle Against the German Resistance” during World War I and the German Colonies of Tomsk Province. In *Issues of Siberian History in the 20th Century: Interuniversity Collection of Scientific Works* (pp. 58–67). Novosibirsk. (In Russian).
- Memorial book of the Don Region for 1890*. (1890). Rostov-on-Don. (In Russian).
- Mysh, M. I. (1888). *On Foreigners in Russia. A Collection of Laws, Treatises, and Conventions, with Governmental and Judicial Explanations Concerning Them*. Print shop of N.A. Lebedev. (In Russian).
- Nelipovich, S. G. (1994). In Search of the “Internal Enemy”: The Deportation Policy of Russia (1914–1917). In *World War I and Russia's participation in it 1914–1918: A collection of materials. Part 1* (pp. 51–64). Moscow. (In Russian).
- Nelipovich, S. G. (1997). General of Infantry NN Januszkiewicz: “To dismiss the German paschik, and without tenderness...”. Deportations in Russia 1914–1918. *Military History Journal*, 1, 42–53. (In Russian).
- Obolenskaya, S. V. (2000). *Germany and the Germans through the eyes of the Russians*. Russian Academy of Sciences, Institute of General History. (In Russian).
- On the introduction of universal conscription. No 52983. (1876). In *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Second Collection: Vol. XLIX. Section one*. 1874. Printing Office II of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).
- Pavlovitch, V. (Ed.). (1862). *Materials for the Geography and Statistics of Russia Collected by Officers of the General Staff: Vol. 6. Ekaterinoslav Province*. Printing house of the General Staff Department. (In Russian).
- Postnikov, V. E. (1882). Molochanskie and Khortitsa German Colonies. Economic and Statistical Sketch. *Agriculture and Forestry. Journal of the Ministry of Agriculture*, 79–99, 221–240. (In Russian).
- Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, Ok. S. (2011). “I look at you like in a mirror until I feel dizzy,” or prototypes of the Alien Body in Russian Discourse. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 1 (26), 189–195. (In Russian).
- Rules for the arrangement of landowners (former colonists) planted on public land in the provinces of St. Petersburg, Novgorod, Samara, Saratov, Voronezh, Chernigov, Poltava, Ekaterinoslav, Kherson, Tauris and in the region of Bessarabia. No 49705. (1874). In *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection: Vol. XLVI. Section two*. 1871. Printing Office II of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1914). F. 1291. In. 124. C.55. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1914–1915). F. 1759. In. 4 C. 619. (In Russian).
- Sakhan, T. V. (2017). Relations between German Colonists and the Kuban Cossacks on the Yeisk Peninsula (mid 19th – early 20th century). *The Germans of Russia in the socio-political life of the country (18th – 21st century): Proceedings of the 16th International Scientific Conference, Moscow, October 27–31, 2016*, 78–91. (In Russian).
- Semakin, S. I. (2003). *The Colonial Movement and German Migration in the Russian Empire and the USSR*. University and School Publishers. (In Russian).

- Semenova, E. Yu. (2012). *The Worldview of the Urban Population of the Volga Region during World War I (1914–Early 1918)*. ANO “Publishing house of the SSC RAS”. (In Russian).
- Sobolev, I. G. (2005). The Struggle Against the “German Suffocacy” and Political Parties in Russia (1914–1917). *Political Parties of Russia: Past and Present: Collection of Articles from the All-Russian Scientific Conference*, 99–104. (In Russian).
- The Germans in Russia: A Historical and Documentary Edition*. (2004). Images of Russia. (In Russian).
- Velitsyn, A. A. (1893). *The Germans in Russia. Essays on the Historical Development and Present Situation of the German Colonies in Southern and Eastern Russia*. Printing house of the “Public Benefit” partnership. (In Russian).
- Vozgrin, V. E. (2014). German Colonists and the Crimean Tatars in the National Policy of the Russian Empire (18th – late 19th centuries). Part II. *Proceedings of the Department of History of New and Contemporary Times*, 12, 43–78. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2016). “Power of land”: formation of new otherness in the conditions of frontier. *Journal of Frontier Studies*, 1, 9–21. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., Romanova, A. P., Baeva, L. V., Khlysheva, E. V., Morozova, E. V., & Yakushenkova, O. S. (2014). “The Frontier as a Heuristic Model of Historical and Cultural Knowledge”. Proceedings of the panel discussion. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 304–314. (In Russian).
- Zisserman, A. L. (1875). A Trip to the Kuban. *Russkiy Vestnik*, 120, 466–508. (In Russian).

Participation of Representatives of the German Diaspora in the Economy of Turkestan

Dilaram M. Inoyatova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. Tashkent, Uzbekistan.
Email: [indima59\[at\]mail.ru](mailto:indima59@mail.ru)

Received: 20 August 2022 | Revised: 15 October 2022 | Accepted: 27 October 2022

Abstract

The mass resettlement of Germans, among other Russian peoples, from Russia, Germany and other European countries and the formation of a diaspora on the territory of Turkestan began in the second half of the 19th century after its conquest by the Russian Empire. Having successfully adapted to the new lands, Germans, along with other peoples, took an active part in the political, cultural and economic life of Turkestan. This article is devoted to the representatives of the German diaspora who were directly involved in the economy of Turkestan. The goal is to analyze the economic activity of the Germans in Turkestan in the second half of the 19th – early 20th centuries. In this study, both general scientific and specialized methods are used, which allowed for a consistent analysis.

We have identified various areas of German entrepreneurship in the spheres of the economy of Turkestan. In particular, urban Germans were directly employed in the field of service personnel, in industrial, commercial and entrepreneurial activities; they acted both as independent merchants and as managers of firms. Rural peasants, German settlers, became one of the main driving forces of the agrarian development of the region. They became owners of farms, contributed to the development of agriculture, irrigation and animal husbandry. An analysis of the economic activities of the German diaspora in Turkestan showed that, despite their relatively small number in the region, they had a very noticeable impact on the socio-economic development of the region, which had a positive value for Turkestan. The article may be useful to scientific and practical workers, graduate students and all those who are interested in the history of the German diaspora and the development of the economy in the Turkestan period.

Keywords

Turkestan; 19th Century; German Diaspora; Mennonites; Economic Activity; Industry; Trade; German Entrepreneurship; Animal Husbandry; Agriculture

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Участие представителей немецкой диаспоры в экономике Туркестана

Иноятова Диларам Маниглиевна

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека. Ташкент, Узбекистан.
Email: [indima59\[at\]mail.ru](mailto:indima59@mail.ru)

Рукопись получена: 20 августа | Пересмотрена: 15 октября 2022 | Принята: 27 октября 2022

Аннотация

Массовое переселение немцев в числе других российских народов из России, Германии и других европейских стран и формирование ими диаспоры на территории Туркестана началось со второй половины XIX в. после завоевания его Российской империей. Успешно адаптировавшись на новых землях, немцы вместе с другими народами принимали активное участие в политической, культурной и экономической жизни Туркестана. Данная статья посвящена представителям немецкой диаспоры, принимавшим непосредственное участие в экономике Туркестана. Цель – провести анализ экономической деятельности немцев в Туркестане второй половины XIX – начала XX века. В данном исследовании применяются как общенаучные, так и специализированные методы, которые позволили провести последовательный анализ.

Нами были выявлены различные направления немецкого предпринимательства в сферах экономики Туркестана. В частности, городские немцы непосредственно были заняты в сфере обслуживания, в промышленной, торговой и предпринимательской деятельности, выступали и как самостоятельные коммерсанты, и как управляющие фирм. Сельские же крестьяне, немецкие переселенцы, стали одной из основных движущих сил аграрного развития региона. Они становились собственниками фермерских хозяйств, способствовали развитию земледелия, ирригации и животноводства. Анализ экономической деятельности немецкой диаспоры Туркестана показал, что немецкие переселенцы, несмотря на относительную малочисленность в регионе, оказали весьма заметное влияние на социально-экономическое развитие края, что имело позитивное значение для Туркестана. Статья может быть полезна научным и практическим работникам, аспирантам и всем тем, кто интересуется историей немецкой диаспоры и развитием экономики в Туркестанский период.

Ключевые слова

Туркестан; XIX век; немецкая диаспора; меннониты; экономическая деятельность; промышленность; торговля; немецкое предпринимательство; животноводство; земледелие

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Ныне во всем мире продолжают исследования по изучению различных аспектов истории немецких диаспор. В частности, данная тематика широко изучается в Гёттингенском отделении Института культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Германия, Люненбург); Bethel College North Newton (USA, Kansas); University of Toronto (Canada); в Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН, Россия); в Общественной академии наук российских немцев (Россия); в университетах Саратова, Новосибирска, Омска, Томска (Россия). В Институте украинско-германских научных исследований (Украина, Днепр) созданы научные школы по истории и культуре российских немцев. Приоритетное внимание учеными уделяется следующим направлениям: историческим предпосылкам складывания этнических групп на территории принимающей страны, взаимодействию их с доминирующим населением; вопросам самосознания, сохранения идентичности; проблемам адаптации и интеграции диаспор в инокультурной среде; судьбам немцев, эмигрировавшим из стран СНГ и их адаптации к новым условиям обитания и др.

Несмотря на актуальность указанной тематики во всем мире, в Узбекистане интерес к проблеме диаспор появился лишь в конце 1990-х годов. В отличие от других государств, где диаспоральная тематика стала предметом пристального внимания ученых из-за беженцев, миграционных проблем, межэтнических конфликтов, в Узбекистане интерес к диаспорологии начался с самосознания народов и интереса к познанию ими своей истории и этнических корней. Знание истории диаспор стало актуальным также для проведения сбалансированной государственной национальной политики, принятия научно обоснованных программ культурного развития общества. Это активизировало обществоведов в плане изучения истории и культуры народов Узбекистана.

В этот период отечественными исследователями стали рассматриваться и различные аспекты истории немецкой диаспоры Узбекистана. Анализ степени изученности вклада немецкой диаспоры в развитие экономики Туркестана свидетельствовал об отсутствии комплексного исследования этого вопроса. Некоторые сведения о вкладе немецкого населения в экономику Туркестана содержатся в работах дореволюционных авторов И. Гейера (Гейер, 1892), Н. С. Лыкошина (Лыкошин, 1917), А. И. Добросмыслова (Добросмыслов, 1911), в статистических отчетах. Необходимо отметить, что в советские годы, как известно, в силу целого ряда обстоятельств, специальных исследований по истории российских немцев, в том числе немцев, оказавшихся по тем или иным причинам на территории Узбекистана, практически не проводилось. Литература тех лет представлена весьма немногочисленными статьями и отдельными страницами в трудах, лишь косвенно затрагивающих интересующую нас проблематику. Так, отдельные вопросы, касающиеся хозяйственной,

промышленной и предпринимательской деятельности, мы находим у А. М. Матвеева и М. И. Вексельмана. Существенные сдвиги в исследовании истории и современной жизни немцев Узбекистана наметились в период 2000–2005 годов. Отдельные аспекты темы, в том числе и вклад немцев в экономику, стали получать более широкое освещение в статьях, докладах на конференциях. В частности, отметим вклад в историографию проблемы Н. Х. Кнауэр (Кнауэр, 2002), В. Л. Гентшке (Гентшке, 1993), В. Г. Чеботаревой (Чеботарева, 2003), Н. Ю. Потаповой. Отметим, что отдельные страницы из жизни немцев Узбекистана, их вклада в экономику затрагивались и в исследованиях авторов, проживающих за его пределами (В. Кригер – Германия (Кригер, 2006), Г.К. Кронгард – Кыргызстан (Кронгард, 1997), В. Ратлифф – США (Ratliff, 2010)).

Завершая краткий обзор историографии вопроса, подчеркнем, что среди упомянутых работ нет комплексного труда, непосредственно посвященного рассматриваемой проблеме; они лишь затрагивают отдельные аспекты. Автором для представления более полной картины использованы архивные документы, большинство из которых впервые были введены ею в научный оборот (Национальный архив Узбекистана (НАУз.), Государственный Архив Хорезмской области (ГАХО)).

Этническая мозаичность Туркестана

Туркестан с древнейших времен был полиэтничным, на его территории проживали в качестве коренных народов узбеки, кипчаки, таджики, туркмены, казахи, киргизы, а также мигрировавшие арабы, иранцы, бухарские евреи, уйгуры и др. Этническая мозаичность Туркестана стала усиливаться со второй половины XIX в. после завоевания его Российской империей. На завоеванной территории в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Его административным центром сделали город Ташкент. Границы Туркестанского генерал-губернаторства охватывали почти всю территорию современной Центральной Азии. Туркестан после завоевания фактически стал частью Российской империи и управлялся российским царем. Имперское правительство последовательно и планомерно проводило политику переселения русскоязычного населения из центральных губерний Российской империи в Туркестанский край. Массовому переселению российских народов на территорию Туркестана послужило принятие в 1886 г. «Положения об управлении Туркестанским краем», которое дало право российским подданным беспрепятственно приезжать и обустраиваться в Туркестанском генерал-губернаторстве. Среди прибывавших российских подданных преобладали славяне (русские, украинцы, белорусы), много было немцев, татар, евреев, меньше – поляков, финнов, греков, шведов, датчан. Одновременно с российскими подданными с различными интересами прибыло в край 700–800 евро-

пейцев-иностранцев, которые являлись подданными иностранных государств (Германии, Франции, Италии, Англии, Дании и др.). Заметим, что с европейцами появлялись и азиаты, среди которых преобладали кашгарцы, таранчи, персы, азербайджанцы, курды и арабы (Иноятова, 2019а, с. 68). В результате значительно увеличилась этническая мозаичность региона. Переселившиеся народы постепенно начинали адаптироваться к новым для них условиям и заниматься различными сферами деятельности, в том числе и экономикой. Среди них особое место занимала немецкая диаспора, сформировавшаяся из российских немцев.

Появление немцев в Туркестане

Массовое переселение немцев в числе других российских народов в Туркестан началось со второй пол. XIX в. по мере завоевания края Российской империей. Одной из причин иммиграции немцев-крестьян из России в Туркестан явилось огромное количество освободившихся после отмены крепостного права (1861 г.) безземельных российских крестьян, составивших конкуренцию немецким; другой причиной стали реформы, проведенные в России в 1870-е гг., которые напрямую коснулись судеб немцев-крестьян, лишив их почти всех льгот и привилегий. К религиозным причинам следует отнести гонения на меннонитов, искавших новые места для сохранения своей веры. По этой причине в 1879–1880-е годы в Туркестан переселились таврические и поволжские меннониты. Новый толчок массовой иммиграции немцев-крестьян в Туркестан спровоцировал голод, охвативший Поволжье в 1891–1892 гг., а затем проведение в нач. XX в. столыпинской аграрной реформы в России.

Формирование немецкой диаспоры в Туркестане тесно связано с формированием этнической общности немцев в России. Ещё до переселения они сложились в определенные компактные этнотерриториальные общности, определяемые по многим признакам, в которых проявились специфические культурные, языковые, хозяйственные, социальные, конфессиональные и экономические особенности.

По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 года, численность полиэтничного населения Туркестана составляла 3948 тыс. человек (Ата-Мирзаев, Гентшке & Муртазаева, 1998, с. 7). В этот период в Туркестанском генерал-губернаторстве и на соседних территориях проживало до 3800 немцев (Матвеев, 1970, с. 62). Целью переселения были служба в царской армии, работа в администрации, системе образования, науки, здравоохранения, в торговле и производственной сфере. Заметим, что немцы, образовавшие диаспору в Узбекистане, были, в основном, подданными Российской империи, хотя среди них и были представители германских государств. Так, в 1869 г. в Ташкенте насчитывалось три прусских подданных и один саксонский, а в 1877 г. – 17 подданных германских государств, 5 прусских,

2 саксонских и 5 австрийских. Они занимались в основном предпринимательской и торговой деятельностью (Иноятова, 2009, с. 71-76).

Вклад немецкой диаспоры в развитие экономики Туркестана

Центральная Азия в период до середины XIX века представляла собой крупнейший регион, состоящий из трех государств: Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств, – сплоченных цивилизацией, религиозной традицией и общностью социально-правовых институтов внутренней структуры. Существовавшая в этих государствах система правления, как ни парадоксально, не препятствовала становлению и развитию товарного характера, рыночной специализации многоотраслевого сельскохозяйственного и ремесленного производства, а также народных промыслов. Благодаря этому вплоть до 60-х годов XIX века разнообразные товары из этих ханств торговцами поставлялись не только в соседние страны – Афганистан, Индию, Китай, Турцию, – но и в Россию, Германию, Францию, Италию. А из этих стран, соответственно, доставлялись товары, пользовавшиеся спросом на местных рынках (Холлиев, 2019, с. 105). Потеря независимости узбекскими ханствами во второй половине XIX столетия после завоевания их царским самодержавием и установления колониальной системы власти предопределили подрыв системы традиционного хозяйства Туркестана и привнесение в него капиталистических отношений. Это достигалось как экономическими средствами – ввозом российских промышленных товаров, вытеснявших продукцию местного производства, вывозом сырья из региона, – так и методами внеэкономической эксплуатации: введением займов и налогов, а также обезземеливанием основной массы дехкан путем незаконного изъятия земель.

К середине XIX в. экономика Туркестана испытывала кризис, поскольку промышленное производство оставалось на уровне мелкого ремесленничества, обслуживающего бытовые потребности местного населения. В различных сферах среди многочисленных российских представителей мы наблюдаем деятельность членов немецкой диаспоры, в частности: непосредственно занятых в сфере обслуживающего персонала насчитывалось от 300 до 350 человек, среди них около 40 слесарей, токарей и других специалистов по обработке металла, строительными и ремонтными работами были заняты 33, на железной дороге работали около 50, на почте, телеграфе и телефоне были заняты 14, на подсобных работах и прислуживанием занимались 140 немцев. Значительную часть занятых составляли квалифицированные специалисты: машинисты, механики, мастера, наладчики и т. д. Их труд, как правило, оплачивался лучше, чем рабочих других национальностей, не исключая русских, не имевших высокой квалификации. Кроме того, та небольшая часть немецких переселенцев, чьи попытки получить или арен-

довать землю и заняться земледелием не достигли цели, начинает расселяться по городам и населенным пунктам, где они стали заниматься ремеслом, торговлей, извозом и другими видами деятельности (Матвеев, 1970, с. 63).

Как отмечает А. М. Матвеев, среди немцев примерно 200–250 были владельцами небольших предприятий и мастерских. Примерно 30 ткачей, 22 человека, занимавшихся обработкой продуктов питания (колбасников, кондитеров, булочников, пивоваров), 36 портных, 10 занимавшихся винокурением, пиво и медоварением, 14 владельцев часовых, ювелирных и аналогичных мастерских, 4 были заняты изготовлением экипажей и лодок, от 5 до 10 были владельцами и служащими парикмахерских. Изготовлением табака и папирос занимались 2 немца. Около 50 немцев, включая живущих в Хивинском ханстве, занимались плотницкими, столярными и кузнечными работами (Матвеев, 1970, с. 64).

Небольшую по численности, но влиятельную группу среди немецкой диаспоры, – около 50 человек, – составляли лица, занимавшиеся торговлей, предпринимательской деятельностью, торговым посредничеством, банковским делом, крупной торговлей сельскохозяйственными продуктами, содержанием гостиниц, трактиров, клубов и т.д.

Видное место в предпринимательской деятельности отводилось немцам – подданным Германии и Австро-Венгрии, занимавшихся в Туркестане предпринимательской и торговой деятельностью. В Туркестан приезжали представители итальянских, французских и английских шелководческих фирм Барбиери, Мозер, Адамоли, Говальди, Цукели, Ногаро, Жанжоне, Брюме, Деур и других, пытавшиеся организовать из Туркестанского региона вывоз шелковой грены, обладающей более высоким качеством, нежели европейская. Среди европейских предпринимателей особо преуспели представители из Германии, где действовал закон, разрешающий его гражданам иметь второе подданство. К концу XIX в. в Туркестане было около 200 немцев-подданных Германии, Австро-Венгрии. Среди первых осевших в России еще в 50–60-е годы XIX в. были братья Вогау, бароны Кноп и др. Все они начинали как представители иностранных фирм в России, а затем превращались в крупных производителей, промышленников и финансистов Туркестанского края (Иноятова, 2009, с. 137).

В конкуренции с иностранными предпринимателями, имевшими свой интерес в Туркестане, российские предприниматели были защищены государством и имели привилегии. Согласно ст. 207 и 262 «Положения об управлении Туркестанским краем», иностранцам, как не российским подданным, запрещалось приобретение в крае земель и недвижимого имущества. В 1906 г. ст. 262 указанного Положения была дополнена примечанием 3, согласно которому приобретение земли и недвижимого имущества разрешалось лишь таким товариществам на паях и акционерным компаниям, которые состояли из русскоподданных христианского вероисповедания. Иностранным предпри-

нимателям приходилось прибегать к разного рода уловкам и даже нарушать закон. Они зачастую принимали российское подданство, консолидировались с российскими предпринимателями, создавали совместные предприятия (Иноятова, 2019б, с. 105). Особенно это широко практиковалось выходцами из Германии. К таким предпринимателям можно отнести братьев Вогау, баронов Кноп, Г. Дюршмидта, француза Гурде и др.

Для царской России большое значение имел туркестанский хлопок и развитие хлопководства в Туркестане. В этой связи искусственно создавалось тяготение экономики Туркестана к царской России для изоляции ее от других стран. В основном открывались заводы по первичной обработке хлопка-сырца. Если в 1873 г. работал 1 хлопковый завод, то в 1916 г. – уже 350. Наиболее активно строительство таких заводов шло с 1910 по 1914 г. В 1912 г. российские и иностранные фирмы владели 96 из 256 хлопкоочистительных заводов Туркестана и Бухары, остальные принадлежали местным предпринимателям, которые перепродавали весь объем очищенного волокна этим же фирмам (История Узбекистана, 1968). Центром хлопководства Средней Азии являлась Фергана, где были наиболее благоприятные условия для разведения хлопка. Площадь посевов хлопчатника здесь занимала почти 1/3 орошенной земли (Потапова, 2011, с. 47).

Первые мероприятия по введению в крае культуры высших сортов хлопка предпринял К. П. фон Кауфман, командировав агронома М. И. Бродовского в конце 1874 г. на год в Америку для изучения хлопкового дела. В то время не удалось местный хлопок заменить лучшими сортами. Только в начале 80-х годов XIX в. была введена культура американского хлопка, которая вытеснила впоследствии местный хлопок. В 1885 г. А. И. Вилькинс (немец по национальности, после окончания Московского университета переехал в 1873 г. в Ташкент) основал и стал заведовать опытной хлопковой плантацией и гренажной станцией в Ташкенте. С 1885 г. ежегодно проходили съезды хлопководов, где А. И. Вилькинс выступал с докладами, в которых давал общий обзор состояния хлопкового дела в Туркестанском крае за прошедший год, их печатали в «Туркестанских ведомостях» (Обзор русских путешествий ..., 1956, с. 16).

Проблемами хлопководства, садоводства, виноградарства занимался выдающийся биолог, доктор сельскохозяйственных наук, академик Р. Р. Шредер (1867–1944) (Иноятова, 2019а, с. 167). Он создал и возглавлял с 1902 г. первую Туркестанскую сельскохозяйственную опытную станцию.

Хлопкоперерабатывающая отрасль, производство продукции из сырья и её продажа оказалась наиболее выгодной для вложений иностранных капиталов в Туркестане. В частности, деятельность торговых домов «Л. Кноп», «Братья Шлосберг», «Гергард и Гей», «Братья Крафт» была тесно связана с развитием торговли хлопком и хлопкоочистительной промышленностью. Они открывали торговые дома в Самарканде, Коканде и Бухаре, покупали

сырье в Андижане, Намангане, Коканде, Самарканде, Ассакке, Катта-Кургане, Бухаре, Термезе, Каракуле, Куве и других пунктах (Вексельман, 1987). Закупая хлопок-сырец во всех областях Туркестанского края, начиная с 1888 г. и вплоть до 1917 г., торговый дом «Бр. Шлосберг» осуществлял его очистку и прессовку на 12 арендованных заводах в различных городах края, затем организовывал продажу его большими партиями в несколько сот пудов текстильным предприятиям Московского района (Иноятова, 2019а, с. 180).

Немецкий капитал занимал важное место в кишечно-очистительной, шерстемоечной и кожевенной отраслях, а также в торговле продукцией этих отраслей. Примечательна в этом смысле деятельность немецкого предпринимателя Генриха Дюршмидта – первого немца, удостоенного в 1906 г. высшего купеческого звания коммерц-советника России, одним из первых основавших в Туркестане кишечно-очистительную отрасль промышленности. Сначала он открыл кишечно-очистительный завод в Самарканде, затем на его средства был построен завод в Ташкенте, на котором работало 25 рабочих. Постепенно операции Г. Дюршмидта по скупке кишок стали расширяться, главная контора находилась в Ташкенте, но дочерние фирмы имелись во всех областях Туркестана и в Бухарском ханстве. Ежегодно приготавливалось до 350 тыс. кишок в мокро-соленом виде для отправки в Германию, Англию, Америку. В частности, часть своей продукции, причем лучшего качества, Дюршмидт продавал за значительные суммы американской фирме «Националь Продюс Ко». Кроме кишок, он скупал также хлопок, каракуль, овчину и другое сырье. Большая часть продукции вывозилась в Англию согласно контракту с фирмой “National produce Co” (Иноятова, 2019б, с. 107-109).

Особый след немцы оставили в развитии земледелия, ирригации и животноводства. Администрация Туркестанского края намечала меры по их развитию, считая эти отрасли весьма перспективными. С этой целью К. П. Кауфманом был приглашен учёный-натуралист академик А. Ф. Миддендорф. Он прибыл в Ташкент в январе 1878 г. и оставил заметный след в истории края. В 1882 г. была издана его объёмная книга «Очерки Ферганской долины» с гравюрами, чертежами и приложением о долине орошаемого земледелия, справедливо причисляемая к лучшим произведениям российской географической литературы. А. Ф. Миддендорф призывал современников учиться у дехкан Ферганы: «Мы, прежде всего, должны быть учениками тех, которые богаты знаниями, тысячелетиями испытанной практики...». Многие его выводы и рекомендации сохраняют своё значение и в настоящее время, в частности, по организации орошения (Иноятова, 2019б, с. 113).

Отдельного внимания заслуживают аграрный и животноводческий секторы Туркестана, получившие сильный импульс в связи с участием в этом немцев-крестьян, которые почти везде стали применять современные технологии и удобрения, новые культуры. Привезя с собой из России коров

симментальской породы, они значительно улучшили местную породу скота, вывели знаменитую аулиеатинскую упряжную лошадь, создали предприятия, обеспечивающие рациональное развитие мясомолочного животноводства. В 1901 г. жители Николайполя К. Зайль и Роберт просили о разрешении им льготной доставки племенного скота голландской породы из Берлина или юга России, для улучшения местной породы (НАУз., 1988, л. 12). Первыми в Туркестане немцы наладили невиданное до этого машинное доение; умели строить отличные паровые и ветряные мельницы. На весь Туркестанский край немцы славились как искусные колбасники, маслобойщики и сыровары. Выделяемые сорта сыров (швейцарский, голландский, тильзитский, бакштейн, сливочный) отличались высокими вкусовыми качествами. Предприниматель Вольтер, известный коммерсант в Аулиеатинском уезде, стал владельцем крупного пивоваренного завода в г. Аулиеата (ныне Джамбул); в окрестностях этого города ему принадлежала крупная мельница и другие предприятия. Поселенцы немецкой диаспоры стали возделывать новые сельскохозяйственные культуры, которые позже стало выращивать и местное население, жившее вокруг. Колонисты разводили качественные разнообразные сорта картофеля, который приобретался у них и как посевной материал русско-украинским населением в Таласской долине и далеко за ее пределами. Особым спросом пользовался новый сорт красного картофеля, получившего название gloria aulie-ata. Они первыми стали расширять площади под овёс. В 1886 г., например, немцы Аулиеатинского уезда собрали 10,7 тыс. пудов овса, намного больше, чем пшеницы (7 тыс. пудов), 6,5 тыс. пудов картофеля (НАУз., 1912, л. 51).

В отличие от немцев-меннонитов Аулиеатинского уезда, меннониты, создавшие в 1884 году общину Ак-Мечеть в Хивинском ханстве, то есть за пределами Туркестанского генерал-губернаторства, из-за недостаточности земли занимались в основном столярными работами. Среди общины акмечетских немцев-меннонитов были умелые столяры, резчики по дереву и плотники. Они очень скоро приобрели токарные и другие станки, стали снабжать фургонами, приспособлениями к местным арбам, мебелью и прочими изделиями Хиву и близлежащие города. Освоив кузнечное дело, они занялись починкой сельхозинвентаря и машин по очистке хлопка. Каждый зажиточный хивинец, строя дом, охотно приглашал специалистов по сооружению дверей, полов и оконных рам. Многие из них работали придворными ханскими мастерами. Во всех дворцах Хивы и в бекских помещениях непременно имелось ханское место, где хан сидел или полулежал, принимая посетителей, беседовал со своими ближайшими сановниками. Все эти места немецкого изделия имели одинаковый вид: это широкая скамья из простых досок, не обитая, выкрашенная черной краской и украшенная трафаретными букетами роз по черному фону. Без этой мебели немислимо было пребывание хана в каком-либо дворце или бекском доме в провинциях обширного Хивинского ханства.

Для перевозки грузов акмечетские немцы-меннониты строили так называемые немецкие фургоны и брички. Цену за свою работу они назначали сами по окончании работы, с ними хивинцы не торговались. Оплата за их работу была дороже: простой немецкий фургон, который из России можно было выписать за 80 – 120 руб. здесь можно было заказать только за 100 – 150 руб. (НАУз., 1912, л. 51).

На выделенных ханом всего 50 га земли для 40 семейств акмечетские меннониты построили свои дома. За каждым домом был небольшой огород, где они выращивали непривычные для этого региона овощи: баклажаны, помидоры, огурцы, капусту, картофель, землянику и пряности. Постепенно расширились масштабы мясомолочного животноводства, коневодства, сыроварения, ремесел. По воскресеньям торговали избытками мясомолочных продуктов, сырами, вином, первоначально только в поселении, затем стали заниматься этим промыслом более широко и вывозить свою продукцию на базары Хивы, Ургенча, Ташауза и других городов края. Их продукция отличалась высоким качеством, красивой упаковкой, а главное – дольше сохранялась от порчи. Необходимо отметить, что успешной адаптации способствовало личное покровительство хивинского хана Сейида Мухаммада Рахимхана II, который на 4 года освободил немцев от всех налогов и повинностей (НАУз., 1897, л. 2); подарил орган для молитвенного дома (НАУз., 1912, л. 49-50); благодаря поддержке хана немцы-меннониты в 1904 г. были приняты в хивинское подданство (НАУз., 1897, л. 210-212). Добрые взаимоотношения в ханстве между ними и местным населением сохранились и у последующих поколений. Об этом свидетельствуют отчеты сотрудников НКВД за 1934 г. (ГАХО, 1934).

Выводы

Таким образом, исходя из анализа данной проблемы, нами были сделаны следующие выводы. Деятельность средних и мелких предпринимателей и купцов шла на пользу экономике края. Этому способствовали возможность обогащения, соперничество за рынок с другими этническими группами, способность принесения пользы для вмещающего социума. Выявлены направления участия представителей немецкой диаспоры в различные сферы экономики Туркестана. Немецкие предприниматели в результате своей хозяйственной деятельности стали ингерентной частью туркестанского общества.

Необходимо подчеркнуть, что благодаря их участию в развитии экономики впервые в Туркестане стали применять современные технологии (машинное доение) и удобрения, выращивать новые сельскохозяйственные культуры (баклажаны, помидоры, огурцы, капусту, картофель, землянику и пряности). Постепенно расширились масштабы мясомолочного животноводства, коневодства, сыроварения, ремесел.

Кроме диаспоры российских немцев, осевших в Туркестане, видное место в предпринимательской деятельности занимали немцы – подданные Германии и Австро-Венгрии, занимавшиеся в Туркестане предпринимательской и торговой деятельностью.

Иностранные предприниматели искали пути и сферы наиболее интенсивного вложения своих капиталов с целью получения максимальных прибылей. Во время первой мировой войны многие фирмы формально были переписаны на российских представителей, а после октябрьского переворота почти все закрыты.

Анализ экономической деятельности немецкой диаспоры Туркестана показал, что, несмотря на относительную малочисленность в регионе, они оказали весьма заметное влияние на социально-экономическое развитие края. Можно утверждать, что за небольшой отрезок времени пребывания в регионе немцы ускорили экономическое развитие таких отраслей, как мясомолочное животноводство, садоводство, овощеводство, что имело позитивное значение для Туркестана.

Список литературы

- Ratliff, W. R. (2010). *Pilgrims on the Silk Road: A Muslim-Christian encounter in Khiva*. Wipf & Stock.
- Ата-Мирзаев, О., Гентшке, В., & Муртазаева, Р. (1998). *Узбекистан многонациональный: Историко-демографический аспект*. Ташкент.
- Вексельман, М. И. (1987). *Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX-начало XX в.)*. Фан.
- Гейер, И. И. (1892). Крестьянская колонизация Сыр-Дарьинской области. В *Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области* (с. 201–320). Ташкент.
- Гентшке, В. Л. (1993). *Иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX – начало XX века)*. Позиция, 2.
- Государственный Архив Хорезмской области (ГАХО). (б. д.). Ф. 69. Оп. 1. Д.546.
- Добросмыслов, А. И. (1911). *Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк*. Выпуск 2, 3. Ташкент.
- Иноятова, Д. М. (2009). Ташкент – центр формирования немецкой диаспоры Узбекистана. В *Вестник НУУЗ* (с. 71–76).
- Иноятова, Д. М. (2019a). *Немецкая диаспора Узбекистана: Вехи истории*. Turon-iqbol.
- Иноятова, Д. М. (2019b). *Вековые традиции дружбы и толерантности узбекского и немецкого народов*. Узбекистон.
- История Узбекистана (Т. 2)*. (1968). Ташкент.
- Кнауэр, Н. Х. (2002). Немцы. В А. Ильхамов (Ред.), *Этнический атлас Узбекистана* (с. 166–170). Институт «Открытое Общество»-Фонд содействия-Узбекистан.
- Кригер, В. Э. (2006). *Рейн–Волга–Иртыш*. Дайк-пресс.

- Кронгардт, Г. К. (1997). *Немцы в Кыргызстане: 1880-1990 гг.* Илим.
- Лыкошин, Н. С. (1917). Немцы в Хиве. *Туркестанское слово*, 34.
- Маслова, О. В. (Ред.). (1956). *Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Часть III. 1856-1869.* САГУ.
- Матвеев, А. М. (1970). К вопросу о выходцах Германии в Средней Азии в конце XIX — начале XX века. *Научные труды ТашГУ*, 392, 61-77.
- Национальный архив Узбекистана (НАУз). (1871-1918). Ф. И-17. Оп. 1. Д. 32816.
- Национальный архив Узбекистана (НАУз). (1897a). Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1479.
- Национальный архив Узбекистана (НАУз). (1897b). Ф. И-1. Оп. 16. Д. 2385.
- Национальный архив Узбекистана (НАУз). (1912). Ф. И-2. Оп.1. Д. 314.
- Национальный архив Узбекистана (НАУз). (1988). Ф. Р-2813. Оп. 1. Д. 5.
- Потапова, Н. Ю. (2011). *История предпринимательства в Туркестане: Вторая половина XIX – начало XX вв.* Университет мировой экономики и дипломатии.
- Холлиев, А. Г. (2019). Узбекистан: Исторический опыт развития внешнеэкономических связей. В *Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа: Сборник статей. Выпуск 5* (с. 105-110). ООО «4°Принт».
- Чеботарева, В. Г. (2003). *Наркомнац РСФСР: Свет и тени национальной политики 1917-1924 гг.* Общественная академия наук российских немцев.

References

- Ata-Mirzaev, O., Gentschke, V., & Murtazaeva, R. (1998). *Uzbekistan Multinational: Historical and Demographic Aspect.* Tashkent. (In Russian).
- Chebotareva, V. G. (2003). *People's Commissariat of the RSFSR: Light and Shadows of National Policy 1917-1924.* Public Academy of Sciences of Russian Germans. (In Russian).
- Dobrosmyslov, A. I. (1911). *Tashkent in the Past and Present: A Historical Sketch. Issue 2, 3.* Tashkent. (In Russian).
- Gentschke, V. L. (1993). Foreign Capital in Central Asia (late 19th - early 20th century). *Pozitsiya*, 2. (In Russian).
- Geyer, I. I. (1892). Peasant colonization of the Syr Darya region. In *Collection of materials for the statistics of the Syr Darya region* (pp. 201-320). Tashkent. (In Russian).
- Holliev, A. G. (2019). Uzbekistan: Historical Experience in the Development of Foreign Economic Relations. In *Current Problems of Central Asia and the Caucasus: A Collection of Articles. Issue 5* (pp. 105-110). 4°Print LLC. (In Russian).
- Inoyatova, D. M. (2009). Tashkent is the center of formation of the German diaspora in Uzbekistan. In *Herald of National university of Uzbekistan* (pp. 71-76). (In Russian).
- Inoyatova, D. M. (2019a). *The German Diaspora of Uzbekistan: Milestones of History.* Turon-iqbol. (In Russian).

- Inoyatova, D. M. (2019b). *Centuries-old traditions of friendship and tolerance of the Uzbek and German peoples*. Uzbekiston. (In Russian).
- Knauer, N. H. (2002). The Germans. In A. Ilkhamov (Ed.), *The Ethnic Atlas of Uzbekistan* (pp. 166–170). Open Society Institute Assistance Foundation–Uzbekistan. (In Russian).
- Krieger, V. E. (2006). *Rhine-Volga-Irtysh*. Dike Press. (In Russian).
- Krongardt, G. K. (1997). *Germans in Kyrgyzstan: 1880-1990*. Ilim. (In Russian).
- Lykoshin, N. S. (1917). Germans in Khiva. *Turkestan word*, 34. (In Russian).
- Maslova, O. V. (Ed.). (1956). *A review of Russian travels and expeditions to Central Asia. Part III. 1856-1869*. SAGU. (In Russian).
- Matveev, A. M. (1970). To the question of German natives in Central Asia at the end of the 19th – beginning of the 20th century. *Proceedings of Tashkent State University*, 392, 61–77. (In Russian).
- National Archives of Uzbekistan (NAUZ). (1871-1918). F. I-17. In. 1. C. 32816. (In Russian).
- National Archives of Uzbekistan (NAUZ). (1897a). F. I-1. In. 11. C. 1479. (In Russian).
- National Archives of Uzbekistan (NAUZ). (1897b). F. I-1. In. 16. C. 2385. (In Russian).
- National Archives of Uzbekistan (NAUZ). (1912). F. I-2. In.1. C. 314. (In Russian).
- National Archives of Uzbekistan (NAUZ). (1988). F. P-2813. In. 1. C. 5. (In Russian).
- Potapova, N. Yu. (2011). *History of entrepreneurship in Turkestan: The second half of the 19th – early 20th centuries*. University of World Economics and Diplomacy. (In Russian).
- Ratliff, W. R. (2010). *Pilgrims on the Silk Road: A Muslim-Christian encounter in Khiva*. Wipf & Stock.
- State Archive of Khorezm Region (SAKhR). (n. d.). F. 69. In. 1. C.546. (In Russian).
- The History of Uzbekistan* (Vol. 2). (1968). Tashkent. (In Russian).
- Vekselman, M. I. (1987). *Russian Monopolistic and Foreign Capital in Central Asia (late 19th and early 20th centuries)*. Fan. (In Russian).

Dialects of the Germans of Russia and Kazakhstan

Elena A. Shlegel

Dostoevsky Omsk State University. Omsk, Russia. Email: [lena_shlegel\[at\]mail.ru](mailto:lena_shlegel[at]mail.ru)

Received: 15 August 2022 | Revised: 13 October 2022 | Accepted: 27 October 2022

Abstract

The linguistic diversity of the Germans in Russia and Kazakhstan is due to the migration of ethnic groups to the territory of the Russian Empire from the lands of Germany and subsequent migrations within the country. Some ethnic Germans use the dialect in speech, for them it is their native language, the rest of the Germans speak literary German to varying degrees, and Russian is considered their native language. Today, it is impossible to uniquely identify one native language for an ethnic group, as Germans speak different dialects of German. The purpose of the study is to determine the states of the modern dialect language of the Germans of Russia and Kazakhstan, to consider how dialects were historically spread throughout the country, and how dialects are preserved now. The article considers the territorial distribution of dialects in Russia, primarily Siberia, where the majority of Germans live, as well as the circulation of German dialects in Kazakhstan after the deportation of Germans. The central part of the article is devoted to the modern state of dialects, which are preserved primarily in places of compact settlement of Germans. The article makes use of the results of ethno-sociological surveys of Germans in Russia and Kazakhstan on the issues of dialects, and analyzes contemporary methods of preserving and translating the language. Conclusions: dialects are preserved where Germans live compactly. The author notes that there are negative trends in the process of preserving dialects, but German public organizations today solve many problems concerning dialects.

Keywords

Russian Germans; Germans of Kazakhstan; Ethnic Identity; Native Language; Dialect; German; Deportation; Places of Compact Settlement; Ethno-Sociological Survey; Public Organizations

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Диалекты немцев России и Казахстана

Шлегель Елена Александровна

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Омск, Россия.

Email: [lena_shlegel\[at\]mail.ru](mailto:lena_shlegel[at]mail.ru)

Рукопись получена: 15 августа 2022 | Пересмотрена: 13 октября 2022 | Принята: 27 октября 2022

Аннотация

Языковое многообразие российских немцев и немцев Казахстана обусловлено историческими событиями, связанными с переселениями этнических групп на территорию Российской Империи из обособленных земель Германии и последующими миграциями внутри страны. Часть этнических немцев продолжают использовать в речи диалекты и их же считать родными, остальные в разной степени владеют литературным немецким языком, а родным зачастую признают русский язык. Сегодня невозможно однозначно определить один родной язык для этнической группы, так как немцы владеют различными диалектами немецкого языка. Целью исследования является определение современного состояния диалектов немцев России и Казахстана, в частности, сохранность диалектов среди представителей этнической группы с экскурсом в историческое распространение диалектов по территории двух стран. В статье рассматривается территориальная концентрация диалектов в России, прежде всего, Сибири, где проживает большинство немцев, а также немецких диалектов на территории Казахстана после депортации немцев. Далее освещается современное состояние диалектов, сохранность которых обусловлена наличием мест компактного проживания немцев. Приводятся результаты этносоциологических опросов немцев России и Казахстана по современному использованию диалектов, анализируются современные способы сохранения и передачи языка. Данные этносоциологических опросов свидетельствуют о том, что диалекты продолжают сохраняться в тех населённых пунктах, где немцы проживают компактными группами. При этом в ситуации с владением диалектами среди немцев, признанием диалекта родным языком наблюдаются в целом негативные тенденции, преодоление которых сегодня ложится, в том числе, на плечи общественных организаций немцев.

Ключевые слова

российские немцы; немцы Казахстана; этническая идентичность; родной язык; диалект; немецкий язык; депортация; места компактного проживания; этносоциологический опрос; общественные организации

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Языковая ситуация у немцев, проживающих в России и в других странах постсоветского пространства, отличается набором уникальных факторов. Этнографические исследования фиксируют среди респондентов из числа российских немцев различное понимание того, что есть родной язык, неодинаковые уровни владения немецким литературным языком и сложную ситуацию с диалектами, обусловленную их историческим развитием на территории России.

Для большинства немцев, владеющих немецким языком, родным выступает именно один из вариантов диалекта немецкого языка. На диалектах разговаривали переселенцы из германских земель, прибывшие в XVIII в. в Российскую Империю. Знания диалектов сохранялись в повседневной жизни, потому что немцы долгое время проживали компактными группами в Поволжье, Закавказье, на Украине и других регионах, а затем целыми семьями или общинами переселялись на восток страны – в Сибирь и Казахстан.

Несмотря на ассимиляционные процессы, влияние языка этнического большинства, преподавание в учебных заведениях литературной формы немецкого языка, диалекты продолжают бытовать среди немцев. Старшее поколение использует диалект в повседневной жизни, среднее – отчасти понимает, но практически не разговаривает на диалекте, представители младшего поколения изучают в учебных заведениях и на языковых курсах литературный немецкий язык.

Знание диалектов уходит вместе с их носителями. Однако в последнее время всё большее внимание общественные организации обращают на проблему сохранности диалекта, как нематериального культурного наследия. На языковые конференции, международные семинары приглашаются педагоги, носители диалектов, которые передают опыт преподавания языка детям. Основная задача подобных мероприятий – понять, насколько важно в современных условиях сохранять диалекты.

Целью исследования является определение современного состояния диалектов немцев России и Казахстана. Изучив особенности изначального распространения диалектов, необходимо выяснить, в какой мере сегодня сохраняются эти ареалы распространения диалектов, в каких районах или областях проживают носители того или иного диалекта, используют ли они сейчас диалект в повседневной жизни и передают ли свои знания младшему поколению. Особое внимание уделено работе общественных организаций немцев по вопросу сохранения и передачи диалектов, рассматриваются условия и возможности, имеющиеся для этого, и, наконец, проблемы и перспективы в деле сохранения диалектов.

Для того, чтобы ответить на все поставленные вопросы, необходимо проследить историю распространения диалектов на территории России. Этому посвящена первая часть статьи. Вторая часть статьи содержит информацию по диалектам в Казахстане, так как именно в этой стране оказалась большая часть депортированного немецкого населения в годы войны. Депортация и репрессивная политика советской власти стали переломными моментами в процессе этнической идентификации немцев и внутреннего выбора языка общения. Современный опыт сохранения диалектов, имеющийся у жителей в местах компактного проживания, и роль общественных организаций в этом процессе рассмотрены в третьей части статьи. Эмпирической базой для проведения исследования являются материалы этносоциологического опроса, проведенного в России Международным союзом немецкой культуры в 2020 г., результаты онлайн-опроса немцев Казахстана, состоявшегося в 2021 г. в рамках проекта РФФИ «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана), а также материалы интервью, собранные в ходе этнографических экспедиций в 2020-2021 гг.

Прошлое и настоящее немецких диалектов в России

В России немецкие диалекты имеют давнюю историю. Их распространение происходило вместе с расселением групп немцев по стране. Носители немецких диалектов прибыли в Российскую Империю в XVIII веке после издания специального Манифеста Екатериной II. Переселенцы являлись выходцами из обособленных земель Германии, поэтому имели отличительные черты в религиозном плане, элементах материальной и духовной культуры и, конечно, в языке. В Россию прибыли носители всех основных типов диалектов – верхненемецких, средненемецких и нижненемецких. Так, можно было встретить переселенцев, говоривших на гессенском, пфальцком, швабском, баварском, южнофранкском, волынском диалектах и особом языке меннонитов – Plautdietsch (платтдойч) или платском диалекте.

В процессе межъязыковой коммуникации между самими переселенцами, а также между прибывшим и местным населением стали появляться совершенно уникальные языковые феномены, привлёкшие внимание лингвистов, этнографов, историков.

Научное изучение диалектов российских немцев берет свое начало с первой половины XX в. Большой вклад в описание диалектов как поволжских немцев, так и других территориальных групп внесли Г. Г. Дингес (1925), А. П. Дульзон (1941), В. М. Жирмунский (1956). Для анализа распространенных по населённым пунктам Поволжья и других регионов диалектов были использованы специальные анкеты, в которые включались так называемые «предложения Венкера». На основе анализа этих анкет удавалось выделять отличи-

тельные особенности немецких диалектов, варианты их смешения и взаимовлияния друг на друга. Со второй половины XX в. активно развиваются диалектологические исследования Г. Г. Едига и его учениц – Л. И. Москалюк (2011, 2014), В. А. Дятловой (2011). Подробный обзор российско-немецких диалектов был предложен Н. Беренд, являющейся также ученицей профессора Едига (1991). Ею был подготовлен обзор наиболее распространенных диалектов российских немцев, а также подготовлен «Языковой атлас поволжских немцев» (1997).

Современные диалектологические исследования находят свое отражение в работах А. Я. Минора (2016), О. А. Александрова, З. М. Богословской (2008), Ж. А. Сержановой (2010) и др. Кроме того, этноязыковым процессам у немцев страны посвящены работы Т. Б. Смирновой, Е. А. Шлегель (2021), О. В. Байковой (2012) и др.

В последнее время комплексных исследований по изучению языка немцев Казахстана не проводилось; отдельные работы Г. М. Егембердиевой (2010, 2014), Л. Найдич (1997), А. Н. Блиновой, Т. Б. Смирновой, Е. А. Шлегель (2021a) и др. посвящены как отдельным аспектам развития диалектов на территории страны, так и в целом языковой ситуации и проблеме трилингвизма среди этнической группы.

В Россию переселялись немецкие колонисты абсолютно из разных уголков Германии, как из северной, так и из южной ее части. Местные жители этих земель разговаривали на различных диалектах немецкого языка, поэтому переселившись в Россию, они привезли с собой все основные диалектные формы немецкого языка. Некоторые диалекты в скором времени смешались друг с другом, поэтому в чистом виде не были зафиксированы исследователями.

Среди нижненемецких диалектов выделяется, прежде всего, платский диалект: язык особой конфессиональной группы немцев – меннонитов. Исходное расселение носителей нижненемецких диалектов происходило на территории Украины, в XX в. из Сибири меннониты проследовали дальше на восток и основали первые поселения в Приамурье. Сегодня носителей платского диалекта можно встретить во всех частях страны.

Ареалом распространения средненемецких диалектов в России являлись, прежде всего, регионы Поволжья и Западной Украины. Наиболее известные диалекты из этой группы – гессенский, пфальцский, волынский. Верхненемецкие диалекты, которые исторически были распространены в южной части Германии, в России были представлены швабским (преимущественно среди немцев Закавказья), южнофранкским (прежде всего, у немцев Украины) и северо-баварским диалектами (изначально Южная Украина, а позже Алтайский край, где было основано немецкое поселение носителями баварского диалекта) (Berend, 2011, pp. 42, 121).

В основе образования новых немецких поселений лежал чаще всего конфессиональный принцип, а не территориальный, так как членам одной общины было легче налаживать хозяйство и быт на новых местах жительства. Поэтому в некоторых поселениях можно было встретить выходцев из различных земель Германии, говорящих, соответственно на разных диалектах. Так, например, в колонии Екатериненштадт проживали переселенцы из более 40 местностей Германии, а в колонии Прайс – из 129 мест (Минор, 2014, с. 4). Смешение и обогащение диалектов за счет других языков было естественным процессом. Русский, украинский, казахский, кавказские языки, как языки большинства на новых местах, оказывали существенное влияние на развитие немецких диалектов. В речь немцев внедрялись отдельные слова, часто происходил переход с одного языка на другой в процессе общения, стала слышна и русская интонация во время произношения некоторых слов на диалекте.

В начале XX в. в европейской части страны обострился земельный вопрос, выходцам из материнских колоний пришлось переселяться в Сибирь. Так, в ряде областей сибирского региона компактными группами стали проживать этнические немцы. После депортации регионы Сибири и Казахстана и вовсе стали основными местами расселения немцев, так как за это время из европейской части на восток страны было переселено более 850 тыс. немцев (Герман, Иларионова & Плеве, 2007, с. 437). В Омской, Новосибирской областях и Алтайском крае немцы заняли второе место по численности после русских. Но подобная массовость не сказалась позитивно на сохранении языка и культуры народа, ведь главным последствием депортации стало размывание этнической идентичности немцев и отказ от использования своего родного языка, в данном случае – диалекта.

Основными ареалами распространения немецких диалектов в Сибири являлись Алтайский край, Омская, Новосибирская, Томская области. На Алтае бытовали верхне-, нижне-, и средненемецкие диалекты. Среди верхненемецких был распространен южнофранкский говор, имеющий ряд отличительных моментов в произношении. Одной из таких особенностей является долгое произношение дифтонга -ei. Например, слово „Fleisch“ (мясо) будет произнесено как „Flaaisch“. Северобаварский диалект был распространен в с. Ямбург и пос. Табунный (Дятлова, 2011а, с. 33). Данный тип диалекта существенно отличается от остальных русско-немецких диалектов в произношении. К примеру, звук -а, часто будет произноситься, как -о. Слово „haben“ (иметь) будет звучать, как „hom“. Если -а произносится коротко, например, „Stadt“ (город), тогда в баварском диалекте это слово будет произнесено с помощью длинной -oo – „Schtood“ и т.д. На нижненемецких диалектах разговаривали жители сёл Протасово, Николаевка, Саратовка, Хорошее. Средненемецкий гессенский диалект встречался в Славгородском районе Алтайского края, а восточнофальцский у католиков, проживающих в сёлах Тельман,

Удальное, Забавное, Шумановка, Редкая Дубрава, Дегтярка и др. (Москалюк, 2014, сс. 28-29). Пфальцкий диалект отличается произношением дифтонга -ei, который заменяется на длинное -ee – „Kleed“ вместо „Kleid“ (платье), „Teel“ вместо „Teil“ (часть) и т.д. Часто звук -s читается как -sch. Например, слово „Fenster“ (окно) будет произнесено со звуком «ша» вместо «с» – „Fenschtr“.

Сегодня средненемецкие, прежде всего, верхнегессенские диалекты фиксируют в сёлах Дегтярка, Камыши, Красноармейский, Кусак, Николаевка, Подсосново (Либерт, 2022, с. 170), а нижненемецкие диалекты – в сёлах Протасово, Полевое и др. (2022, с. 174).

На территории Омской области, как и прежде, встречаются носители всех основных немецких диалектов. В большей степени распространены средненемецкие диалекты, прежде всего, гессенский (сёла Побочино, Александровка, Новоскатовка, Красноярка и др.). В гессенском диалекте дифтонг -au будет произноситься, как длинное -a, например, слово „Frau“ (женщина), носитель гессенского диалекта произнесет „Fraa“, „kaufen“ (покупать) – „kaawe“ и т.д. Еще одна из многочисленных особенностей гессенского диалекта заключается в произношении некоторых согласных. Предлог „über“ (о) произнесут на гессенском, как „iwr“, так как -b здесь будет читаться, как -w.

На вольнском диалекте говорят в с. Литковка, с. Цветнополе и др. Здесь носители языка отчетливо произносят слова с умляутами, например, слова „Stück“ (часть), или „zurück“ (назад), немцы произнесут, как „Schtik“, „zurick“. Пфальцкий диалект рано начал смешиваться с другими диалектами, поэтому в «чистом» виде его сложно выделить среди остальных.

Меннонитами были образованы сёла Аполлоновка, Солнцевка, Мирюлюбовка и др., существующие и сейчас. До настоящего времени одним из самых распространенных диалектов Омской области остаётся платтдойч. Его особенность заключается в сложной системе звуков. Вместо дифтонгов здесь встречаются долгие гласные, например, слово „Zeit“ (время) будет произнесено, как „Tiit“. Звук -a в некоторых словах произносится, как -o – „Wasser“ (вода) – „Woota“ и др. Меннониты в силу своей религиозной замкнутости сумели сохранить присущие их сообществу традиции, семейные ценности, язык и культуру, поэтому сегодня одним из самых актуальных объектов исследования лингвистов остается платский диалект.

Распространенным верхненемецким диалектом в Омской области является швабский диалект. Его носители также переселились сюда в начале XX в. Ареалом распространения считаются с. Александровка, с. Цветнополе, некоторые носители сегодня проживают в с. Азово и других сёлах Азовского немецкого национального района. В швабском диалекте встречается большое число дифтонгов. Слово „Ohren“ (уши) будет произнесено, как „Auga“, „Haut“ (кожа), как „Houd“, „Mut“ (мужество), как „Muad“ и т.д. Здесь же звонкие согласные -b, -d, -g будут произноситься, как глухие -p, -t, -k. Например,

„Kipurtstak“ вместо литературного – „Geburtstag“ (день рождения), „tort“ – вместо „dort“ (там) и т.д.

На территории Новосибирской области встречались преимущественно средненемецкие и нижненемецкие диалекты (Либерт, 2020, с. 284), в южных районах области были зафиксированы и некоторые верхненемецкие диалекты. Меннонитским селом в Новосибирской области считается с. Неудачино Татарского района. По последним данным в нем проживает 474 человека (Численность населения городских населённых пунктов, 2010), большая часть из которых немецкого происхождения. Местные жители до сих пор собираются на религиозные службы, а детям в школе на дополнительных занятиях передают знания платского диалекта.

Средненемецкие диалекты в большей степени распространены в сёлах – Хоффенталь, Шейндорф (ныне с. Октябрьское и с. Павловка Карасукского района), Карасук, Казанка (Александров, Богословская & Либерт, 2021).

В Томской области большая часть немцев оказалась в результате депортации. Из страха за свою жизнь члены этнической группы старались не использовать в речи немецкий язык, поэтому диалекты здесь не получили широкого распространения. Только в двух районах Томской области – Александровском и Кожевниковском – проживают носители средненемецкого диалекта. Пфальцкий и гессенский диалекты были распространены в сёлах Александровское, Кожевниково, Каргосок. Нижненемецкие диалекты зафиксированы в Колпашевском районе Томской области.

Таким образом, сохранность диалектов российских немцев обусловлена количеством их носителей. В Алтайском крае и Омской области по данным переписи населения 2010 г. проживает большее число немцев (более 100 тыс. чел.), чем в других регионах страны (Национальный состав, владение языками, гражданство, 2010). Здесь существуют немецкие национальные районы с компактными поселениями немцев. Практически в каждом населённом пункте, где проживают немцы, функционируют центры немецкой культуры, в которых проводятся курсы по изучению немецкого языка и мероприятия этнокультурной направленности.

Чтобы оценить текущее положение диалектов, общественные организации немцев инициируют этносоциологические опросы немецкого населения. Последний опрос был организован Международным союзом немецкой культуры в 2020 г. В опросе приняло участие 1000 немцев. Анкета состояла из 73 вопросов, 13 из которых были посвящены оценке языковой ситуации (Смирнова & Шлегель, 2021, с. 156-157). Вопросы касались признания родным языком немецкого или русского, уровня владения языками, сферы и частоты использования языков, условий приобретения языковых навыков, выбора языка во время чтения, просмотра телевидения и т.д., оценки качества преподавания немецкого языка в учебных заведениях и др.

Для 14% респондентов именно немецкий язык является родным. Это, прежде всего, представители старшей возрастной группы, поэтому можно утверждать, что респонденты подразумевали именно какой-то вариант немецкого диалекта. 43,5% назвали родными оба языка – немецкий и русский. 61,1% опрошенных владеют немецким языком в достаточной степени для общения. Использование немецкого языка происходит преимущественно в семье – с родителями (55,7%), с супругами (22,6%), с детьми (26%), а также с соседями и друзьями (24,2%). Естественно, что посетители центров немецкой культуры из числа респондентов стараются говорить на немецком языке, прежде всего, на литературном (40,8%).

52,2% опрошенных владеют литературным немецким языком, 20,8% – диалектом, а 19,8% сказали, что владеют и диалектом, и литературным языком. Респонденты, владеющие только диалектом, принадлежат преимущественно к средней и старшей возрастным группам, их оказалось 76,4%. Только 23,5% – молодежь в возрасте до 35 лет. 30% опрошенных указали, какой именно диалект им знаком. Среди популярных ответов – «поволжский», «платтдойч», «швабский», «баварский», «гессенский», «волынский»; встречались также варианты: «пфальцкий», «вестфальский», «хохдойч», «средненемецкий», «католический» и т.д. Для многих респондентов названия диалектов не имеют значения, они никогда не задумывались о происхождении, истории развития диалектов в России, они просто используют этот конкретный язык в повседневной жизни, общаются со своими родителями, приучают к отдельным словам своих детей. При этом чаще всего «поволжский» диалект совпадает с «гессенским», который в свою очередь является «средненемецким».

Большая часть респондентов, владеющих диалектами, проживает в регионах Сибири, прежде всего, в Алтайском крае и Омской области. 185 опрошенных из Алтайского края сохраняют сегодня в семейном общении диалекты. Швабский диалект назвали 9% респондентов, прежде всего, из с. Камыши, гессенский – 10% – из сёл Подсосново, Гальбштадт, баварский – 11% – с. Подсосново, «меннонитский» – 28% – сёла Протасово, Гришковка, Дегтярка, Шумановка, Николаевка. Часто встречались такие ответы, что респонденты владеют просто «местным» диалектом, или они отмечали названия населённых пунктов, в которых проживают: «подсосновский», «камышинский».

62 респондента было опрошено в Омской области. Здесь владеют в основном нижненемецким диалектом платтдойч – 8%. Это жители сёл Аполлоновка, Солнцевка. Швабским диалектом владеют 11% респондентов из сёл Александровка, Пахомовка. Гессенским – 13% – жители с. Побочино. Волинским – 5% – это респонденты из с. Трубецкое, с. Протасово, с. Литковка.

В Новосибирской области было опрошено 64 человека. Большая часть, проживающая в сёлах Неудачино, Краснозёрское, также владеет нижненемецкими диалектами. Так ответили 14% опрошенных. Немногочисленными были

варианты «поволжских немцев», «швабский», «западный», «старинный». Возраст владеющих диалектами превышает 40 лет.

В Томской области было опрошено 12 человек. Все они владеют только немецким литературным языком. Средний возраст респондентов из Томской области составил 35 лет.

В других сибирских регионах число немцев, владеющих диалектами, было незначительно; опрошенные проживали преимущественно в крупных городах – Кемерово, Тюмень и др., где сохранение диалектов очень затруднительно.

Диалекты, изначально распространенные по территории России вместе с их носителями, продолжают бытовать в некоторых регионах страны, где немцы еще проживают компактно, либо где существует поддержка общественными организациями инициатив, направленных на сохранение диалекта. После депортации, с изменением прежних мест жительства немцев, начался ускоренный процесс ассимиляции, результатом которого стало минимальное использование в повседневной жизни немецких диалектов и утрата навыков владения ими. Больше возможностей для сохранения диалектов существует в Алтайском крае, Омской области, где проживает еще достаточное количество немцев и где активны общественные организации, в том числе и молодежные.

Немецкие диалекты в Казахстане

В Казахстане отдельные немецкие поселения начали образовываться в начале XIX в. Изначальное переселение на новые места жительства происходило из ранее существующих мест компактного проживания немцев – Украины, Крыма, Поволжья, Ленинградской области. Так как переселение происходило из всех основных мест проживания немцев в европейской части страны, то и в Казахстан прибыли носители всех основных видов диалектов – от верхне- до нижненемецких.

Меннонитами, говорившими на нижненемецком диалекте, в период с 1899 по 1910 гг. были основаны селения неподалёку от Славгорода и Павлодара (Найдич, 1997), 14 меннонитских посёлков появилось в Семипалатинской области. В Акмолинской области к 1915 г. переселенцами из Поволжья, говорившими на средненемецких диалектах, было основано 56 посёлков (Айсфельд, 2017, с. 39). К 1936 г. переселенцы из Житомирской области, говорившие на волынском диалекте, поселились в Кокчетавской области (с. Вишневка, с. Зеленый Гай и др.) (Найдич, 1997). Лютеране и католики переселялись также из Южной Украины в Актюбинский уезд, а из южных частей России – в Кустанайский уезд.

Основная масса немцев оказалась в Казахстане в годы Великой Отечественной войны. Более 100 тыс. человек было направлено сюда из ликвидированной в 1941 г. Республики немцев Поволжья (Герман & Силантьева, 2011, с. 77). Расселение происходило в Карагандинской, Кустанайской, Целиноградской,

Павлодарской, Семипалатинской, Кокчетавской, Джамбульской областях. Здесь немцы попали в совершенно иную языковую обстановку: помимо распространенного русского языка они столкнулись с казахским языком, который также необходимо было осваивать для общения с местным населением. Пребывание на новых местах жительства вызывало множество затруднений и постепенный отказ от использования диалектов (Блинова, Смирнова & Шлегель, 2021b, с. 91–116).

Депортация коренным образом изменила установку среди немцев на сохранение своего родного языка. Страх за свою жизнь и жизнь своих детей подтолкнула этнических немцев к сознательному отказу от использования немецкого языка. Со многими детьми родители переставали в повседневной жизни общаться на диалекте, поэтому сегодня число респондентов старшей возрастной группы, владеющих диалектами, невелико.

Условия для сохранения диалектов на территории Казахстана были затруднительными. Изучение даже литературного немецкого языка постепенно сталкивалось с ограничениями и запретами. В 1938 г. с выходом Постановления оргбюро ЦК ВКП (б) КазССР происходит реорганизация национальных школ (Айдарбеков, 2014, с. 536). Национальные школы были преобразованы в советские школы обычного типа с преподаванием на языке соответствующей республики. В годы войны и после неё большое число детей из немецких семей не могли в принципе получить школьное образование, тем более образование на национальном языке. Существовала также проблема нехватки педагогических кадров.

Ситуация стала меняться только ближе к 1960-м годам. В 1957 г. вышло Постановление Совета Министров КазССР «О введении преподавания родного языка для детей немецкой национальности в школах КазССР». Дети со 2 класса начали дополнительно изучать немецкий язык. Происходило постепенное оснащение школ учебной литературой. Началась подготовка преподавателей немецкого языка как родного в Алма-Атинском институте иностранных языков и Кокчетавском педагогическом институте (Мусабекова, 2019, с. 61–62).

Несмотря на некоторые сдвиги в области преподавания немецкого литературного языка для детей из немецких семей, ситуация с диалектами оставалась напряженной. Основной сферой распространения диалектов оставалось семейное общение, но и здесь использование диалекта сводилось к минимуму.

По данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Казахстане проживала самая многочисленная группа советских немцев – более 957 тыс. чел. (для сравнения, в РСФСР числилось около 842 тыс. немцев) (Всесоюзная перепись населения 1989 года, 2011). Но после распада СССР начинается массовая миграция немцев в Германию на постоянное место жительства. В период с 1989 по 2004 гг. из Казахстана выехало более 900 тыс. немцев (Савоскул, 2017).

Сегодня в Алматинской, Восточно-Казахстанской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областях сохраняется швабский диалект. В Карагандинской, Павлодарской и Алматинской областях встречаются носители средненемецких диалектов, прежде всего, гессенского. Платский диалект встречается у меннонитов, проживающих в г. Алматы и Алматинской области (Егембердиева, 2014, с. 13).

В 2021 г. в рамках гранта РФФИ «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)», рук. профессор Т. Б. Смирнова, был проведен онлайн-опрос с использованием Google-формы среди немцев Казахстана. Всего было опрошено 511 человек, назвавших себя немцами. В опросе приняли участие респонденты в возрасте от 13 до 80 лет. Половина опрошенных (51,3%) – респонденты средней возрастной группы (36–59 лет), молодые люди 13–35 лет составили 37,8% опрошенных, респонденты в возрасте 60 лет и старше составили 10,4%.

10,4% опрошенных назвали своим родным языком немецкий язык. Из них большая часть (66%) – это люди средней и старшей возрастной группы. Для большинства опрошенных (52,6%) оба языка, и немецкий и русский, являются родными. Русский родной – для 34,2% респондентов. Психологически люди связывают свой родной язык либо с языком первого говорения – материнским языком, либо с функционально первым языком (наиболее употребительным в повседневной жизни). Для немцев Казахстана функционально первым языком является всё же русский язык. Почти 95% владеет им свободно. Казахским языком на высоком уровне владеет менее 10% опрошенных. Немецкий язык у респондентов не ассоциируется с материнским языком, так как, будучи ещё детьми, немцы быстро адаптировались к местным языковым условиям и стали активно использовать в речи русский язык.

Следующий вопрос касался условий приобретения навыков владения немецким языком. Можно было выбрать несколько вариантов ответа. С детства, то есть от родителей, получили знания языка только 20,5% опрошенных, большинство (70,6%) знает язык благодаря курсам немецкого языка при центрах немецкой культуры. Самостоятельно изучали язык 34,8%, в школах – 45,6%, в ВУЗах – 13,5% опрошенных.

На немецком языке в той или иной степени могут изъясняться 39,1% опрошенных. При этом респонденты используют язык, прежде всего, в центрах немецкой культуры – 74,6%, стараются говорить с детьми – 31%, используют в социальных сетях – 27,8%, с родителями – 27%, с супругами – 22%, с друзьями и соседями – 12%, на работе – 11%. Совсем не используют немецкий язык – 20% опрошенных. Немецкий язык среди немцев Казахстана сохраняется преимущественно в семейной сфере, хотя в сравнении с российскими немцами, которые разговаривают на немецком, прежде всего, с родителями, в Казахстане ситуация несколько иная. С родителями здесь говорит на немецком языке значительно меньшее число опрошенных.

Немецкие диалекты в Казахстане испытывают сильное влияние со стороны русского и казахского языков. Русский язык является языком межнационального общения, он доминирует в большинстве сфер жизни населения, казахский язык – государственный, знание которого становится с каждым годом всё более необходимым. Диалекты среди немцев Казахстана сегодня не выполняют общественных функций в силу бесписьменной формы и малого числа носителей. Немцы в Казахстане проживают дисперсно, общение на немецком языке в основном происходит только в центрах немецкой культуры, где есть возможность изучать литературный язык. Многие немцы изучают язык, чтобы в дальнейшем переехать в Германию, – об этом свидетельствуют ответы на вопрос о желании переехать в Германию. 65% опрошенных хотели бы уехать.

Для немцев Казахстана более остро стоит вопрос о сохранении немецкого языка в принципе, так как численность самих немцев здесь с годами существенно уменьшается. Последние данные свидетельствуют о том, что численность немцев Казахстана составила около 178 тыс. чел. (Итоги национальной переписи населения по регионам, 2013). От количества носителей языка зависят и возможности по сохранению диалектов. Сегодня общественными организациями проводится большая работа по популяризации немецкого языка, сохранению культурных особенностей немцев, но процесс сохранения диалектов требует дополнительных усилий.

Практика сохранения диалектов немецкого языка

В настоящее время диалекты немецкого языка находятся в уязвимом положении. Русский язык доминирует в повседневной жизни, английский на международной арене, и соответственно, в образовательных учреждениях. Языковая политика стран постсоветского пространства по сохранению диалектов как нематериального культурного наследия не приносит ожидаемого эффекта. Тем не менее, российско-немецкие диалекты ещё продолжают бытовать в населённых пунктах, где проживают немцы.

Сегодня общественные организации немцев открыто говорят о проблемах сохранения культурного и языкового наследия народа. Сеть центров встреч немцев охватывает всё большее число населённых пунктов, а молодежь присоединяется к работе молодёжных клубов для активного участия в жизни этнической группы.

В крупных городах России, таких как Москва, Калининград, Екатеринбург, Новосибирск, Омск, Томск, Барнаул функционируют Российско-немецкие дома, являющиеся площадкой для трансляции культурного наследия немцев. Здесь проводятся курсы по изучению языка для всех возрастных групп, культурные мероприятия, деловые встречи и многое другое. Под эгидой Домов реализуются и научно-исследовательские проекты, организуются этнографиче-

ческие и лингвистические экспедиции, конференции, образовательные проекты. Число посетителей Домов, желающих изучать немецкий язык и участвовать в общественной жизни народа, ежегодно увеличивается.

В г. Астана в 2021 г. был открыт Казахстанско-Немецкий центр, который также должен являться местом для сотрудничества Казахстана и Германии по вопросам сохранения этнической идентичности немцев страны. Центр принимает посетителей всех возрастов, желающих изучать культурные особенности и язык своих предков. В г. Алма-Ата с 1994 г. функционирует Немецкий дом, на базе которого находится редакция республиканской газеты “Deutsche Allgemeine Zeitung” (Немецкая всеобщая газета), а также проводятся языковые курсы, собираются члены молодежного клуба, реализуются культурные проекты.

Основным направлением деятельности общественных организаций является языковая работа. Главная задача, которую решают центры немецкой культуры, – реализация возможности изучения немецкого языка членами этнической группы. В обеих странах открыты наборы в классы дошкольного образования для детей от 3 до 6 лет, работают группы выходного дня для детей от 6 до 17 лет в России и воскресные школы для детей 7-13 лет в Казахстане (Блинова & Шлегель, 2021, с. 188). Люди среднего и старшего возраста посещают языковые курсы и клубы для сеньоров. На занятиях происходит изучение немецкого языка с этнокультурным компонентом, материал преподается с экскурсом в историю и культурные особенности народа.

Сохранение диалектов требует специального внимания со стороны общественных организаций, для этого разрабатываются дополнительные программы. При Томском областном российско-немецком доме реализуется проект по созданию открытого электронного архива языка российских немцев (Диалекты, 2021). Руководителем проекта является А.В. Гейер, директор Дома, инициатором – З.М. Богословская. Архив представляет собой онлайн-ресурс, на котором собраны и каталогизированы аудио- и видеозаписи российско-немецких диалектов. Данные собираются в ходе экспедиций студентами и преподавателями. Материалы в архиве структурированы по блокам, которые в свою очередь включают информацию следующего характера: биографические данные респондентов, запись фольклорного материала на диалекте, чтение молитвы или богослужение на языке. В настоящий момент данные собраны по Новосибирской и Томской области, но планируется охватить проектом все области, где в достаточном количестве проживают немцы.

Подобный проект под названием “Ich verzehle Teitsch” (Я сохраняю немецкий) был начат в 2021 г. в Павлодарской области. Одним из кураторов проекта является О. А. Александров, который занимается реализацией проекта по созданию открытого электронного архива на базе Томского российско-немецкого дома. Цель проекта – фиксация и сохранение диалектов немцев

Казахстана с предшествующим анализом ситуации по стране (Ich verzehle Teitsch, 2021).

Русско-немецкий дом в г. Омске также способствует сохранению диалектов российских немцев. В 2021 г. сотрудниками Дома была снята серия видеороликов «Шванки в Омской области». Герои роликов – носители швабского, платского и др. диалектов. На канале Дома в настоящий момент представлено шесть видеороликов с участием автора шванков (коротких юмористических рассказов), жителя с. Маргенау А. А. Вальтера (Русско-немецкий дом, 2021).

В Новосибирске под руководством филолога Е. А. Либерт ведется изучение нижненемецкого диалекта платтдойч. Исследования проходят в с. Неудачино среди меннонитов, регулярно использующих в своей речи диалект. Теоретическое изучение диалекта вылилось в практическое сохранение языка меннонитов. На основе полученных данных Е. А. Либерт в 2020 г. было выпущено учебное пособие «Plautdietsch – miene Muttasproak» (Платтдойч – мой родной язык) (Силантьева, 2020), по которому занимаются дети начальной школы с преподавателями немецкого языка.

Пособие используется параллельно изучению литературной формы языка для более углубленного понимания языковых особенностей своей этнической группы. Меннониты в лучшей степени сохраняют свои этнические особенности ввиду общинной замкнутости. На платском диалекте продолжают разговаривать в семьях, в том числе с детьми, регулярно проводятся молитвенные собрания, куда приходят все члены общины разных возрастов. В местах компактного проживания меннонитов (с. Солнцевка, с. Аполлоновка, д. Мирюлюбовка Омской области, с. Ананьевка Алтайского края и др.) с детьми разучивают не только немецкий литературный язык, но и родной диалект, начиная с детского сада. Общение на диалекте происходит и среди жителей, посещающих центры немецкой культуры.

Диалекты российских немцев сохраняются через публикации различных сборников, методических пособий. На диалектах печатают шванки российских немцев. Короткие сатирические рассказы позволяют не только продемонстрировать язык, варианты написания слов, но и знакомят читателей с культурой народа, его менталитетом, юмором, житейской мудростью. Статьи об особенностях использования диалектов печатаются в информационно-методическом журнале *ViZ-Vote* (Дятлова, 2013, с. 10–12).

Международный союз немецкой культуры регулярно проводит международные семинары и конференции, посвященные истории, культуре и языку российских немцев. В 2011 г. проходила научно-практическая конференция «Исследования немецких диалектов в России: прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии российских немцев» (Дятлова, 2011b), на которой обсуждались многие актуальные проблемы языка российских немцев. Ежегодно с 2016 г. проводятся культурно-исторические семинары, где

поднимаются вопросы сохранения российско-немецких диалектов. По итогам семинара 2019 г., проходившего в г. Детмольд, участниками были высказаны предложения по созданию реестра специалистов и базы тематических исследований в области языка немцев (Силантьева, 2019).

Постепенное исчезновение диалектов российских немцев – необратимый процесс. Важной задачей ученых-диалектологов, представителей общественных организаций, членов этнической группы является как можно более длительное сохранение диалектов. Для этого нужно оперативно фиксировать диалекты, производить их аудио- и видеозапись, публиковать материалы на диалекте, в том числе в Интернет-пространстве. Необходимо обсуждать проблемы языка на международных конференциях и семинарах, делиться опытом приобщения детей и взрослых к родным языкам немцев. В этом направлении уже проделана большая работа, но важно не останавливаться на достигнутом, чтобы сохранить не только уникальные языки, но и этническую группу в целом.

Выводы

Языковые особенности немцев России, Казахстана и других стран постсоветского пространства восходят к историческому прошлому этнической группы. Переселенцы из Германии привезли с собой разнообразные диалекты немецкого языка, некоторые из которых смешались между собой, а некоторые вовсе исчезли со временем. После переселения немцев в Сибирь и Казахстан в XX в. диалекты начали активно смешиваться с языками местного населения. Травмирующие события военного времени негативным образом сказались на этнической идентичности немцев и на желании использовать свой родной язык в повседневной жизни. Процесс ассимиляции привёл к утрате языковых навыков, росту признания русского в качестве родного языка.

С конца XX в. была начата большая работа по преодолению негативного восприятия этнической идентичности немцев, популяризации немецкого языка и диалектов этнической группы. Благодаря лингвистам, этнографам, историкам удалось проанализировать современную диалектную ситуацию в стране, зафиксировать населённые пункты, в которых ещё проживают носители гессенского, пфальцкого, волынского, платского, швабского и др. диалектов.

Через общественные организации немцев освещаются современные проблемы в области языка немцев и пути их решения. Существует эффективная практика фиксации, а значит, сохранения диалектов посредством экспедиционной работы и информационных технологий. Важно, что сами носители диалектов заинтересованы в сохранении своего родного языка.

Сохранность диалектов зависит от многих факторов, в том числе от количества носителей, от их стремления передать свои знания, от желания самих

немцев изучать диалект. Процесс сохранения является сложным, требующим дополнительных исследований. Поэтому сегодня на первый план выходит популяризация именно немецкого литературного языка, как наиболее востребованного в плане использования в повседневной жизни, на международной арене. Прийти к изучению диалекта возможно на базе владения литературной формы немецкого языка, поэтому здесь необходимы планомерные шаги по углублению в изучение разнообразного языка этнических немцев.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)», проект № 20-09-00177.

Список литературы

- Berend, N. (1997). *Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA) aufgrund der von Georg Dinges 1925–1929 gesammelten Materialien* [Volga German Language Atlas (WDSA) based on the materials collected by Georg Dinges 1925-1929]. Tübingen. (In German).
- Berend, N., & Jedig, H. (1991). *Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Forschung und Bibliographie* [German Dialects in the Soviet Union: History of Research and Bibliography]. Elwert. (In German).
- Ich verzehe Teitsch. (2021, ноябрь 26). Единый портал немцев Казахстана. <http://wiedergeburt-kasachstan.de/ich-verzehle-teitsch/>
- Айдарбеков, З. С. (Ред.). (2014). *Из истории депортаций. Казахстан. 1935–1939 гг. Сборник документов* (Т. 2).
- Айсфельд, С. (Ред.). (2017). *История и культура немцев Казахстана. I see real*
- Александров, О. А., & Богословская, З. М. (2008). *Немецкий «островной» говор Томской области*. Издательство Томского политехнического университета.
- Александров, О. А., Богословская, З. М., & Либерт, Е. А. (2021, май). *Новосибирская область. Немцы Томской области*. https://www.tomdeutsche.ru/dialects/novosibirskaya_oblast/
- Байкова, О. В. (2012). *Функционирование немецких диалектов в условиях межъ- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области)*. [Диссертация доктора филологических наук]. Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова.
- Блинова, А. Н., Смирнова, Т. Б., & Шлегель, Е. А. (2021a). Постсоветская идентичность немцев России, Казахстана и Украины: Этнонимы, язык, символы. *Этнография*, 14(4). [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-249-271](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-249-271)
- Блинова, А. Н., Смирнова, Т. Б., & Шлегель, Е. А. (2021b). Влияние депортации на идентичность немцев России и Казахстана. *Журнал Фронтальных Исследований*, 6(4), 91–116. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.336>

- Блинова, А. Н., & Шлегель, Е. А. (2021). Деятельность общественных организаций по сохранению идентичности немцев Казахстана (по материалам интервью). В *Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение) 2020–2021 гг.* (с. 186–190). АлтГПУ.
- Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. (2011, июнь 4). Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php
- Герман, А. А., Иларионова, Т. С., & Плева, И. Р. (2007). *История немцев России*. МСНК-пресс.
- Герман, А. А., & Силантьева, О. Ю. (2011). *Выселить с треском: Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев*. МСНК-пресс.
- Диалекты. (2021, май). Немцы Томской области. <https://www.tomdeutsche.ru/dialects/>
- Дингес, Г. К. (1925). К изучению говоров Поволжских немцев (Результаты, задачи, методы). *Ученые записки Саратовского университета*, 4(3), 12–20.
- Дульзон, А. П. (1941). Проблема скрещения диалектов по материалам языка немцев Поволжья. *Известия Академии Наук Союза ССР. Отделение литературы и языка*, 3, 82–96.
- Дятлова, В. А. (Ред.). (2011а). *Исследования немецких диалектов в России: Прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии российских немцев*. МСНК-пресс.
- Дятлова, В. А. (2011b). *Некоторые вопросы отечественной немецкой диалектологии: Материалы для работы с диалектами российских немцев в клубах, центрах встреч, языковых лагерях, языковых курсах*. МСНК-пресс.
- Дятлова, В. А. (2013). Диалекты российских немцев в иноязычном и иноэтническом окружении. *ViZ-Vote*, 1(13), 10–12.
- Егембердиева, Г. М. (2010). *Немецкий язык казахстанских немцев в системно-коммуникативном его представлении [Диссертация кандидата филологических наук]*. Казахский Университет Международных Отношений и Мировых Языков имени Абылай Хана.
- Егембердиева, Г. М. (2014). Островные диалекты как койнезированный язык немецкой диаспоры в Казахстане. *Хабаршысы-Известия. Серия «Филологические науки»*, 1(32), 11–21.
- Жирмунский, В. М. (1956). *Немецкая диалектология*. Издательство Академии наук СССР.
- Либерт, Е. А. (2020). Немецкие островные диалекты Томской и Новосибирской областей (на материале открытого онлайн-архива немецких диалектов Сибири). *Сибирский филологический журнал*, 3, 275–287. <https://doi.org/10.17223/18137083/72/21>
- Либерт, Е. А. (2022). Немецкие диалекты Алтая: К данным последней экспедиции. *Сибирский филологический журнал*, 1, 166–177. <https://doi.org/10.17223/18137083/78/12>
- Минов, А. Я., Плева, И. Р., Дизендорф, В. Ф., Замогильный, С. И., Тетюев, Л. И., Небайкина, А. В., Сычалина, Е. В., Генералова, Н. П., & Башкатова, Т. А. (2014). *Диалект Екатеринбург-штадта: Истоки и развитие*. Издательство Саратовский источник.
- Минов, А. Я., & Тетюев, Л. И. (Ред.). (2016). *Итоги развития языковых вариантов поволжских немцев в первой половине XX века*. Издательство Саратовский источник.
- Москалюк, Л. И. (2014). Немецкие языковые острова в Западной Сибири. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 1, 28–38.
- Москалюк, Л. И., & Трубавина, Н. В. (2011). *Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае*. АлтГПА.

- Мусабекова, Р. М. (2019). История преподавания немецкого языка в Северном Казахстане (1960-1970-е). *Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев*, 2, 61-77. <https://doi.org/10.33466/2500-0063-2019-6-2-61-77>
- Найдич, Л. (1997, декабрь). Немцы в Казахстане. Проблемы истории и языка. CA&C Press AB. https://ca-c.org.ru/journal/1997/12-1997/st_16_najdich.shtml
- Национальный состав, владение языками, гражданство. (2010). Всероссийская перепись населения. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Русско-немецкий Дом—YouTube. (2021). <https://www.youtube.com/channel/UCV2gnq8ZicdUHwJNqRss2sw/videos>
- Савоскул, М. С. (2017, февраль). Выезд немцев из СССР и стран СНГ и Балтии. Демоскоп Weekly. <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0681/tema02.php>
- Сержанова, Ж. А. (2010). Лексические заимствования из русского языка в речи немцев-билингвов Красноярского края. В *Немцы новой России: Проблемы и перспективы развития* (с. 106-110). МСНК-пресс.
- Силантьева, О. Ю. (2019, октябрь). Культурно-исторический семинар в Детмольде: Итоги. Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев. <http://maiikrn.ru/Nachrichten/9329>
- Силантьева, О. Ю. (2020, октябрь 1). Удачное начинание в Неудачино. *Московская Немецкая Газета*. <https://ru.mdz-moskau.eu/udachnoe-nachinanie-v-neudachino/>
- Смирнова, Т. Б., & Шлегель, Е. А. (2021). Билингвизм российских немцев (по данным социологических опросов). *Вестник антропологии*, 1, 149-165. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/149-165>
- Численность населения городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов. (2010). Всероссийская перепись населения 2010 г. <https://novosibstat.gks.ru/folder/36887>
- Шлегель, Е. А. (2021). Этноразовые процессы у немцев Алтайского края (по результатам этносоциологического опроса 2020 года). *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*, 3(48), 110-115. <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2021-3-110-115>

References

- Aidarbekov, Z. S. (Ed.). (2014). *From the history of deportations. Kazakhstan. 1935-1939. Collection of documents*. (Vol. 2). (In Russian).
- Alexandrov, O. A., & Bogoslovskaya, Z. M. (2008). *German "island" accent of the Tomsk region*. Tomsk Polytechnic University Press. (In Russian).
- Alexandrov, O. A., Bogoslovskaya, Z. M., & Libert, E. A. (2021, May). *Novosibirsk region. Germans of the Tomsk region*. https://www.tomdeutsche.ru/dialects/novosibirskaya_oblast/ (In Russian).
- Baikova, O. V. (2012). *The Functioning of German Dialects in Inter- and Intra-lingual Interaction within a Language Island (theoretical problems and field research in the Kirov Region)*. [Doctoral Thesis]. Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov. (In Russian).

- Berend, N. (1997). *Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA) aufgrund der von Georg Dinges 1925–1929 gesammelten Materialien [Volga German Language Atlas (WDSA) based on the materials collected by Georg Dinges 1925–1929]*. Tübingen. (In German).
- Berend, N., & Jedig, H. (1991). *Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Forschung und Bibliographie [German Dialects in the Soviet Union: History of Research and Bibliography]*. Elwert. (In German).
- Blinova, A. N., & Schlegel, E. A. (2021). Activities of NGOs to preserve the identity of Germans in Kazakhstan (based on interviews). In *Field research in the Upper Priobye, Priirtyshye, and Altai (archaeology, ethnography, oral history, and museology) 2020–2021*. (pp. 186–190). AltGPU. (In Russian).
- Blinova, A. N., Smirnova, T. B., & Schlegel, E. A. (2021a). Post-Soviet Identities of the Germans of Russia, Kazakhstan, and Ukraine: Ethnonyms, Language, Symbols. *Etnografia*, 14(4). [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-249-271](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-249-271) (In Russian).
- Blinova, A. N., Smirnova, T. B., & Schlegel, E. A. (2021b). The Influence of Deportation on the Identity of Germans of Russia and Kazakhstan. *Journal of Frontier Studies*, 6(4), 91–116. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.336> (In Russian).
- Dialects*. (2021, May). Germans of the Tomsk region. <https://www.tomdeutsche.ru/dialects/> (In Russian).
- Dinges, G. K. (1925). To the study of the Volga Germans' dialects (Results, tasks, methods). *Scientific Notes of the University of Saratov*, 4(3), 12–20. (In Russian).
- Dulzon, A. P. (1941). The Problem of Dialect Crossing according to the Materials of the Language of the Volga Germans. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language*, 3, 82–96. (In Russian).
- Dyatlova, V. A. (2013). Dialects of Russian Germans in a foreign-language and foreign-ethnic environment. *BiZ-Bote*, 1(13), 10–12. (In Russian).
- Dyatlova, V. A. (2011b). *Some Issues of Domestic German Dialectology: Materials for Work with Dialects of Russian Germans in Clubs, Meeting Centers, Language Camps, and Language Courses*. MSNK-Press. (In Russian).
- Dyatlova, V. A. (Ed.). (2011a). *Studies of German Dialects in Russia: Past, Present, and Future of Domestic Islander Dialectology of Russian Germans*. MSNK-Press. (In Russian).
- Egemberdieva, G. M. (2010). *German of Kazakh Germans in its systemic-communicative representation [PhD thesis]*. Kazakh University of International Relations and World Languages named after Abylai Khan. (In Russian).
- Egemberdieva, G. M. (2014). Island Dialects as a Coined Language of the German Diaspora in Kazakhstan. *Khabarshysy Izvestia. Philological Studies Series*, 1(32), 11–21. (In Russian).
- Eisfeld, S. (Ed.). (2017). *History and Culture of Germans in Kazakhstan*. I see real. (In Russian).
- Herman, A. A., & Silantieva, O. Yu. (2011). *Evicted with a bang: Eyewitnesses and researchers on the tragedy of the Russian Germans*. MSNK-Press. (In Russian).
- Herman, A. A., Hilarionova, T. S., & Plevé, I. R. (2007). *History of the Germans of Russia*. MSNK-Press. (In Russian).
- Ich verzehle Teitsch*. (2021, November 26). The single portal of Germans in Kazakhstan. <http://wiedergeburt-kasachstan.de/ich-verzehle-teitsch/> (In Russian).

- Liebert, E. A. (2022). German dialects of Altai: recent expedition findings. *Siberian Journal of Philology*, 1, 166–177. <https://doi.org/10.17223/18137083/78/12> (In Russian).
- Liebert, E. A. (2020). German dialects of the Tomsk and Novosibirsk regions (based on the open online archive of German dialects in Siberia). *Siberian Journal of Philology*, 3, 275–287. <https://doi.org/10.17223/18137083/72/21> (In Russian).
- Minor, A. Y., & Tetyuev, L. I. (Eds.). (2016). *The results of the development of linguistic variants of Volga Germans in the first half of the 20th century*. Saratov Source Publishing House. (In Russian).
- Minor, A. Y., Pleve, I. R., Dizendorf, V. F., Zamogilny, S. I., Tetuev, L. I., Nebaykina, A. V., Sychalina, E. V., Generalova, N. P., & Bashkatova, T. A. (2014). *Dialect of the Ekaterinenstadt: Origins and Development*. Saratov Source Publishing House. (In Russian).
- Moskaluk, L. I. (2014). German Language Islands in Western Siberia. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 1, 28–38. (In Russian).
- Moskaluk, L. I., & Trubavina, N. V. (2011). *Linguistic Atlas of German Dialects in Altai*. AltGPA. (In Russian).
- Musabekova, R. M. (2019). History of German Language Teaching in Northern Kazakhstan (1960–1970s). *Yearbook of the International Association of Researchers of History and Culture of Russian Germans*, 2, 61–77. <https://doi.org/10.33466/2500-0063-2019-6-2-61-77> (In Russian).
- Naidich, L. (1997, December). *Germans in Kazakhstan. Problems of History and Language*. CA&C Press AB. https://ca-c.org.ru/journal/1997/12-1997/st_16_najdich.shtml (In Russian).
- Nationality, language proficiency, citizenship*. (2010). All-Russian Population Census. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itog1612.htm (In Russian).
- Population of urban settlements, rural settlements*. (2010). All-Russian Population Census 2010. <https://novosibstat.gks.ru/folder/36887> (In Russian).
- Russian-German House – YouTube*. (2021). <https://www.youtube.com/channel/UCV2gnq8ZicdUHwJNqRss2sw/videos> (In Russian).
- Savoskul, M. S. (2017, February). *Departure of Germans from the USSR and the CIS and Baltic states*. Demoscope Weekly. <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0681/tema02.php> (In Russian).
- Schlegel, E. A. (2021). Ethno-Linguistic Processes Germans of the Altai Territory (According to the Results of the Ethnosociological Survey of 2020). *Vestnik of the Altai State Pedagogical University*, 3(48), 110–115. <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2021-3-110-115> (In Russian).
- Serzhanova, Zh. A. (2010). Lexical Borrowings from Russian in the Speech of German-Bilinguals in Krasnoyarsk Region. In *Germans of New Russia: Problems and Development Prospects* (pp. 106–110). MSNK-Press. (In Russian).
- Silantieva, O. Yu. (2019, October). *Cultural-Historical Seminar in Detmold: Results International Association of Historical and Cultural Researchers of Russian Germans*. <http://maiikrn.ru/Nachrichten/9329> (In Russian).
- Silantieva, O. Yu. (2020, October 1). A successful endeavor in Neudachino. *Moscow German Newspaper*. <https://ru.mdz-moskau.eu/udachnoe-nachinanie-v-neudachino/> (In Russian).
- Smirnova, T. B., & Schlegel, E. A. (2021). Bilingualism of the Russian Germans (According to the Sociological Surveys). *Herald of Anthropology*, 1, 149–165. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/149-165> (In Russian).

The 1989 All-Union Population Census. Ethnic composition of the population by republics of the USSR.
(2011, June 4). Demoscope Weekly.

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (In Russian).

Zhirmunsky, V. M. (1956). *German Dialectology*. USSR Academy of Sciences Publishing House.
(In Russian).

The People Divided by the Border (Comparative Characteristics of Germans in Russia and Kazakhstan)

Tatyana B. Smirnova (a) & Anna N. Blinova (b)

a) Dostoevsky Omsk State University; Siberian branch of the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. Omsk, Russia. Email: SmirnovaTB[at]omsu.ru

b) Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Omsk, Russia. Email: anblinova[at]mail.ru

Received: 27 August 2022 | Revised: 30 October 2022 | Accepted: 10 November 2022

Abstract

Germans who previously lived in the same state were separated by state borders after the collapse of the USSR. Living in newly independent States launched the processes of ethnic self-determination and adaptation to new socio-cultural and political conditions. Based on the results of ethnosociological surveys of the German population in Russia and Kazakhstan, we give a comparative characteristic of the identity of Germans in these countries. In general, the identity of Germans in the post-Soviet space has many common features, which are determined by the common historical fate, cultural and linguistic unity, the presence of support programs from Germany and the active activity of public organizations. The differences in the identity of the Germans of Russia and Kazakhstan are related to the peculiarities of national policy, including historical memory and the state language. The development of the identity of Kazakh Germans takes place in somewhat more difficult conditions, since in Kazakhstan the number of the German population has decreased almost fivefold over the years of independence (while the emigration potential is still high), and there are no areas of compact residence of Germans. In the sphere of ethno-linguistic processes, we have noted the presence of bilingualism and trilingualism of Germans in Russia and Kazakhstan and the decline in the popularity of learning German in school institutions. The special, specific features of this new identity are connected with the political and cultural realities of the new States.

Keywords

Russian Germans; Germans Of Kazakhstan; Ethnic Identity; Border; Ethno-Sociological Survey; Ethno-Consolidating Features; Language; Historical Memory; Emigration; Public Organizations

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Народ, разделенный границей (сравнительная характеристика немцев в России и Казахстане)

Смирнова Татьяна Борисовна (а), Блинова Анна Николаевна (б)

а) Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Омск, Россия. Email: SmirnovaTB[at]omsu.ru

б) Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Омск, Россия. Email: anblinova[at]mail.ru

Рукопись получена: 27 августа 2022 | Пересмотрена: 30 октября 2022 | Принята: 10 ноября 2022

Аннотация

Немцы, ранее проживающие в одном государстве, после распада СССР оказались разделены государственными границами. Проживание в новых независимых государствах запустило процессы этнического самоопределения и приспособления к новым социально-культурным и политическим условиям. На основе результатов этносоциологических опросов немецкого населения в России и Казахстане мы даем сравнительную характеристику идентичности немцев в этих странах. В целом, идентичность немцев на постсоветском пространстве имеет много общих черт, которые определены общностью исторической судьбы, культурным и языковым единством, наличием программ поддержки со стороны ФРГ и активной деятельностью общественных организаций. Различия в идентичности немцев России и Казахстана связаны с особенностями национальной политики, в том числе в области исторической памяти и государственного языка. Развитие идентичности казахстанских немцев происходит в несколько более сложных условиях, так как в Казахстане численность немецкого населения сократилась почти в пять раз за годы независимости (при этом эмиграционный потенциал по-прежнему высок), отсутствуют районы компактного проживания немцев. В сфере этноязыковых процессов нами отмечено наличие билингвизма и трилингвизма немцев в России и Казахстане и падение популярности изучения немецкого языка в школьных учреждениях. Особенности, специфические черты этой новой идентичности связаны с политическими и культурными реалиями новых государств.

Ключевые слова

российские немцы; немцы Казахстана; этническая идентичность; граница; этносоциологический опрос; этноконсолидирующие признаки; язык; историческая память; эмиграция; общественные организации

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

После распада СССР многие народы, прежде единые, оказались разделены государственными границами, в том числе и советские немцы. Это разделение положило начало новому этапу их этнической истории, новым процессам в собственной идентификации, адаптации к новым социально-культурным и политическим условиям.

Осмысление феномена разделенных народов стало актуально в отечественной науке в последнее десятилетие XX века, хотя само явление, конечно, существовал задолго до этого (Семченков & Бараш, 2009). Наибольшая научная разработанность наблюдается в сфере политологии, где разделенность этнонациональных групп рассматривается в первую очередь как дестабилизирующий политический фактор, то есть как проблема, требующая решения (Балашов, 2007; Балашов, 2008; Бараш, 2010; Гаджиев, 2006; Цагараев, 2009 и др.).

Р. Брубейкер (2005) ввел в научный оборот новое понятие – «диаспоры катаклизма», основой для образования которого служит не перемещение людей через границы, а движение самих границ. «Диаспоры катаклизма», в отличие от «исторических» или «трудовых» диаспор, возникают мгновенно, в результате резкого изменения политического устройства, вопреки желанию людей. Так, распад Российской, Габсбургской и Оттоманской империй после первой мировой войны и Советского Союза, Югославии и Чехословакии по окончании холодной войны привели к образованию новых диаспор (Брубейкер, 2005, 6).

Соответственно, после изменения границ были запущены процессы постсоветского нациестроительства. Проблемы формирования и реализации новой национальной политики, стратегии и тактики практической политики идентичности в постсоветских государствах также не раз становились объектом исследования в российской и зарубежной научной литературе, опять-таки в основном политологии (Бахлов & Бахлова, 2018; Брубейкер, 2000; Летняков, 2016; Клименко, 2017; Ратленд, 2002; Ратленд, 2016; Семенов И.С., Лапкин В.В. Бардин, А.Л. & Пантин В.И., 2017; Смит, 2004; Тишков, 1998). Основное внимание в этих публикациях уделялось политике по отношению к государствообразующим народам (титულным нациям) и формированию гражданских наций. Политика по отношению к этническим меньшинствам в контексте нациестроительства, формирование гражданской и этнической идентичности, возникновение и развитие новой этничности становились объектом научного анализа гораздо реже. Этнические группы, одномоментно разделенные границами, вынуждены были подстраиваться под ситуацию, вырабатывать новые стратегии, в том числе, и своей идентификации (Лебедева, 1998; Рябиченко, Лебедева, & Плотка (2019); Трифонова, 2021; Ягафова, 2015 и др.).

Цель данного исследования – дать сравнительную характеристику идентичности немцев России и Казахстана, единого прежде народа (советских немцев), оказавшегося после распада Советского Союза разделенным политическими границами. Для этого нами проведен этносоциологический опрос среди немцев России и Казахстана, результаты которого сравниваются с результатами опросов, проведенных ранее по аналогичным программам.

Немцы накануне распада СССР

У немцев, живущих на постсоветском пространстве, довольно много общих черт. Они обусловлены тем, что складывание самой общности российских, потом советских немцев, а затем – немцев постсоветского мира проходило в Российской империи. Общность эта, несмотря на сословное, диалектное, религиозное и культурное многообразие, получилась настолько крепкой, что о ней помнят в условиях многолетней эмиграции и проживания в других государствах (Киссер & Смирнова, 2017).

По данным переписи населения 1989 года, на территории Советского Союза проживало более 2 млн. немцев, из них 957 тыс. в Казахстане и 842 тыс. в России, причем большая часть была сосредоточена в Сибири (Всесоюзная перепись населения 1989 года, 2011). Такое этнотерриториальное размещение немецкого населения – результат депортации немцев Поволжья, которая была проведена в 1941 году и до сих пор является одним из определяющих факторов современных процессов этнической идентификации для немцев России и Казахстана (Блинова, Смирнова & Шлегель, 2021a).

Важно подчеркнуть, что депортация, нахождение в трудовой армии и спецпоселении нивелировали в сознании людей некоторые региональные и этнографические различия. Общность исторической судьбы стала важным этноконсолидирующим фактором в самосознании народа. Отношение немцев к Советскому государству после депортации 1941 г. не могло быть однозначным. Однако считать его резко отрицательным было бы непозволительным упрощением, хотя можно говорить о формировании негативной инверсии идентичности среди российских немцев (Киссер, 2020).

В 1960–1980-е годы распространенным стал этноним «советские немцы» (Sowjetdeutsche). Считается, что словосочетание «советские немцы» было изобретено журналистами для того, чтобы политически верно расставить акценты при описании трудовых подвигов немецких колхозников, рабочих и достижений немецких колхозов-миллионеров, носивших имена Маркса, Энгельса, Ленина, Тельмана и Люксембург. В контексте формирования «новой исторической общности людей – советского народа» это словосочетание казалось нормальным.

Советские немцы отправляли делегации в Кремль с проектами возрождения немецкой республики, с 1989 по 1993 г. существовало Всесоюзное

общество советских немцев «Возрождение» (Wiedergeburt). До середины 1990-х гг. в прессе и документах часто упоминались «советские немцы из Средней Азии». Естественно, термин «советский» в этих контекстах обозначал принадлежность не к советскому политическому устройству, а к советскому (и постсоветскому) территориальному пространству. Сами немцы употребляли это словосочетание редко, продолжая называть себя швабами, меннонитами, поволжскими немцами или просто немцами (Блинова, Смирнова & Шлегель, 2021b).

Немцы в независимой России. Эмиграция 1990-х гг.

Одной из причин слабой изученности положения национальных меньшинств и этничности на постсоветском пространстве является недостаточная эмпирическая база для исследования. Важной составляющей этой эмпирической базы являются результаты этносоциологических опросов, которые могут существенно дополнить документальные источники, материалы по устной истории, интервью, СМИ, социальных сетей и т.д. Без этносоциологических опросов невозможно получить информацию о делении этнической общности на более мелкие группы, об уровне владения национальными языками и сферах использования этих языков, об отношении к смешанным бракам, идентичности потомков таких браков, о национально-культурных потребностях национальных меньшинств, о национальных символах и ключевых датах и событиях в истории, о роли национально-культурных общественных организаций в сохранении меньшинств и т. п.

Примером такого этносоциологического исследования являются опросы немцев, живущих в России и Казахстане. Первые социологические опросы немцев в Советском Союзе осуществил Л. В. Малиновский, который проводил свои исследования в сложный для немецкого населения страны послевоенный период. С 1960-х г. он проводил этнолингвистическое изучение немецких диалектов на Алтае, в результате чего установил пути перемещения немцев по территории Сибири, а также определил земли Германии, из которых происходило переселение колонистов на территорию России. В своих работах Л. В. Малиновский активно использовал социологические методы, что позволило ему отслеживать в динамике социально-экономические процессы в среде немецкого населения (Малиновский, 1969). В 1990-х гг. важную роль в анализе этнического развития российских немцев на переломе эпох сыграли исследования Э. Р. Барбашиной (2004), которая возглавляла Немецкий исследовательский центр Новосибирского государственного университета. Острая проблема эмиграции в Германию и связанных с ней проблем адаптации и множественной идентичности изучались социологическими методами М. С. Савоскул (2004).

Начиная с 1989 г., этносоциологические опросы проводились сотрудниками кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, в основном в Сибири, в местах компактного проживания немцев. В 1989-1991 гг. был проведен опрос немецкого населения Новосибирской, Кемеровской области и Омской области. Опрос проводился методом стандартизированного интервью, опросный лист содержал 77 вопросов, которые были разделены на блоки по идентичности, языку, культуре и межэтническим отношениям. Было опрошено 1500 чел. Согласно данным этого опроса, немецкий язык назвали родным языком 85% респондентов, среди молодежи до 25 лет доля назвавших немецкий родным языком составляла 75%, в старших возрастных группах – 91-95%. Этот опрос был единственным, когда выборка проводилась не только по месту проживания, полу и возрасту, но и по социально-профессиональным группам, как это было принято в советской социологии. Различия в ответах представителей разных социально-профессиональных групп были существенными. Так, например, в группе руководителей высшего и среднего звена (А1) немецкий назвали родным языком 70% респондентов, а в группе рабочих и колхозников (Г2) – 90%. Не владели немецким языком в группе А1 чуть меньше 4%, а в группе Г2 – всего 1%. В группе Г2 в то время были немцы, которые совсем не знали русского языка. Межэтнические отношения также зависели от образования и квалификации: предпочитали брак с людьми своей национальности 18% респондентов из группы А1 и 36% – из группы Г2; считали, что сложнее работать в разнонациональном коллективе 4% респондентов из группы А1 и 9% – из группы Г2. Несмотря на то, что существует очевидная зависимость ответов респондентов от их социально-профессиональной принадлежности, в дальнейших опросах выборка по этим параметрам не проводилась (Смирнова, 2002).

В 1996-1997 гг. этносоциологический опрос проводился во время этнографических экспедиций в Алтайском крае, опросный лист состоял из 30 вопросов. Маршруты экспедиций были очень напряженными, поэтому блоки вопросов по материальной и духовной культуре были сокращены, зато были добавлены вопросы по особенно актуальным тогда проблемам эмиграции. Всего было опрошено 574 чел. Несмотря на то, что с момента первого опроса прошло не так уж много времени, условия жизни немцев на постсоветском пространстве резко изменились. Прежде всего, произошел рост эмиграции, равного которому прежде не было. Это была четвертая, самая массовая эмиграция немцев из России. Первая волна эмиграции немцев из России пришлась на 1860-1870-е гг., она была спровоцирована реформами Александра II и отменой привилегий, которые были дарованы колонистам при переселении; вторая волна прошла в годы первой мировой войны и революции, причиной третьей волны эмиграции стала коллективизация. Эмигранты ехали как в Германию, так и на Американский континент.

Но никогда раньше эмиграция не принимала таких масштабов и характера исхода, как в 1990-е годы.

По данным Федерального ведомства по делам мигрантов и беженцев Германии, с 1990 по 2007 г. в Германию въехало 2092354 российских немцев (получивших статус «поздних переселенцев» и членов их семей). Наибольшее число въехало из Казахстана – 923902 человека. На втором месте по числу иммигрантов находится Россия – 693348 человек. Пик пришелся на 1994 г., когда из стран бывшего СССР в ФРГ прибыло 213214 чел., в том числе из России – 68397 чел., а из Казахстана – 121517 чел. Мигрантов из России в ФРГ прибыло больше всего в 1995 г. – 71685 чел., из Казахстана – 117148 чел., а всего в 1995 г. в Германию приехало из стран бывшего СССР 209409 чел. Затем наблюдалось постепенное снижение количества мигрантов (Migrationsbericht, 2008).

Программа репатриации, которую проводит ФРГ, привела к очень большим изменениям жизни немцев в России; она стала совсем другой по сравнению со временами Советского Союза. Экспедиции 1996-1997 гг. пришлось на пик этого эмиграционного движения, поэтому логично, что в опросный лист вошли вопросы, касающиеся эмиграции.

На вопрос «Хотели бы Вы сменить место жительства?» положительно ответили 33%, остальные либо ответили отрицательно, либо не определились. На вопрос о причинах, по которым они хотели бы уехать, из ответивших положительно 54,5% сказали, что хотят улучшить условия жизни. 30% сказали, что хотят уехать ради воссоединения семей: эмигрировать к родственникам, которые уже в Германии. 4,7% сказали, что хотят уехать из-за нестабильной политической ситуации в России, столько же – из-за беспокойства за будущее детей; 3,1% указали на необходимость лечения в Германии, и по 1,5% сказали, что уезжают из-за нежелания служить в армии и сложной криминальной ситуации в России. Ничего удивительного в таких ответах нет, ведь пик эмиграции и наш опрос пришлось на самый разгар «лихих девяностых».

Обращает на себя внимание большая доля тех, кто указал в качестве причины эмиграции воссоединение семей. Многие респонденты говорили тогда, что не хотели бы уезжать, но туда уже уехали все близкие родственники, дети, родители, поэтому ничего другого не остается. Многие также говорили, что если бы поездка в Германию не стоила так дорого, если бы можно было туда ездить в гости, то они, возможно, никуда бы не уехали. С другой стороны, более четверти опрошенных на вопрос «Что поможет остановить эмиграцию?» ответили, что ничего, разве что «закрывать границы». В результате произошло резкое сокращение численности немцев в России и других странах постсоветского пространства, изменились их идентичность, знание немецкого языка, соотношение городских и сельских жителей, словом – вся этническая общность.

Считается, что этносоциологические опросы в среде какого-либо народа нужно проводить один раз в 10 лет – этого времени достаточно для того, чтобы

можно было зафиксировать изменения, которые происходят с этнической общностью, и проследить динамику. Поэтому в 1999-2001 гг. был проведен плановый, второй по счету массовый опрос немецкого населения, с целью изучения этнических процессов.

Сравнительный анализ результатов первого и второго опросов показал, что за 10 лет изменился состав немецкого населения. Если по данным первого опроса местными уроженцами назвали себя 72% респондентов, то по данным второго опроса – лишь 48%. Значительную долю стали составлять немцы, приехавшие из Казахстана. Этот наплыв «других» немцев вызвал далеко не всегда положительные эмоции. Сейчас, по прошествии почти 30 лет, противоречия сгладились, но тогда местные немцы воспринимали приезжих или как неполноценную замену уехавшим в Германию «своим», или как конкурентов. Немцы, выезжающие из Казахстана и предпочитавшие Россию, а не Германию, нередко делали такой выбор, потому что были или более «обрусевшими», или имели высокий статус, образование, должность, и поэтому не хотели жить в Германии на пособие, предпочитая делать карьеру в России. Нередко Россия, Сибирь, в том числе Немецкие национальные районы, были для них перевалочным пунктом. Одним словом, это чужие, случайные люди – так казалось местным уроженцам, которые до эмиграции привыкли жить кланами, большими семьями. Отзываясь на эту ситуацию, мы включили в опросный лист 1999 года, наряду с традиционными вопросами по идентичности, языку, культуре и эмиграции, вопросы по этническим стереотипам, и об отношении к приезжим: существуют ли различия между местными немцами и приезжими, и если существуют, то в чем они проявляются? Большинство респондентов (41%) сказали, что различия между местными немцами и приезжими есть, но они не являются значительными. Второй по популярности ответ – различий нет (34%). На третьем месте – различия есть, и они существенные (25%). Почти половина из тех, кто ответил, что различия есть, сказали, что заключаются эти различия в поведении и образе жизни. Примерно треть респондентов назвала различия в языке (другой диалект, акцент, плохое знание языка и т.д.). Называли также отличия в религии, обычаях и обрядах. Резко негативные оценки приезжим немцам тогда дали чуть больше 1% респондентов (Смирнова, 2003). Сейчас, по прошествии времени, никаких различий между местными и приехавшими в 1990-х гг. из Казахстана немцами, естественно, не существует.

Этносоциологические опросы, которые имели конкретные цели и небольшую выборку, проводились регулярно. Например, в 2002 г. был проведен опрос жителей Азовского немецкого национального района, который был создан в 1992 г., чтобы определить, есть ли какие-либо отличия в жизни немцев, их идентичности и языковом поведении – у жителей района и немцев-жителей обычных, не национальных сельских районов. Также проводился мониторинг курсов немецкого языка и опросы их посетителей, мониторинг

положения и деятельности общественных организаций российских немцев и другие социологические исследования.

В 2009 г. при поддержке Международного союза немецкой культуры (МСНК) был реализован совместный российско-германский проект «Организация и проведение в 2009 году этносоциологических исследований немецкого населения страны и мониторинга сети этнокультурных центров (центров встреч) российских немцев» (Смирнова, 2010). Было опрошено 1500 немцев, живущих во всех регионах Российской Федерации, пропорционально численности в Федеральных округах по данным переписи 2002 г. В результате была получена информация о состоянии языка, культуры, идентичности немцев, живущих в России, сведения о том, какое влияние на положение немцев оказывает система их самоорганизации. Эта информация использовалась для более эффективного управления и финансирования при реализации программ поддержки немецкого меньшинства. По истечении 10 лет было принято решение провести еще один массовый опрос немцев, живущих в России, для того чтобы оценить возможные изменения, провести корректировку проектной деятельности, и в целом – стратегии развития немецкого меньшинства.

В 2020 г. МСНК в рамках Программы поддержки немецкого меньшинства в Российской Федерации был проведен этносоциологический опрос немцев, целью которого являлась всесторонняя характеристика современного состояния немецкого меньшинства в Российской Федерации. Гипотезой исследования являлось положение об усилении процессов ассимиляции немецкого меньшинства под влиянием глобализации, всеобщего доминирования английского языка, усиления гражданской идентичности и ослабления этнической идентичности. Также предполагалось, что замедлению процессов ассимиляции способствует Программа поддержки немецкого меньшинства и деятельность органов самоорганизации. Процедура исследования предусматривала использование количественных (массовый опрос) и качественных (интервью) методов. Основным методом исследования являлся опрос респондентов; он проводился на территории всех федеральных округов РФ, пропорционально численности немцев в этих федеральных округах. Генеральная совокупность составляла 394 тыс. чел. (численность немцев по переписи 2010 г.), выборочная совокупность – 1 тыс. чел. В Центральном ФО проживает 6,4% всех немцев РФ, в Северо-Западном ФО – 5,4%, Южном ФО – 7,5%, Северо-Кавказском ФО – 2,0%, Приволжском ФО – 12,2%, Уральском ФО – 14,2%, Сибирском ФО – 50,3% (включая Омскую область, где проживает 12,7% немцев России и Алтайский край – 12,9%), Дальневосточном ФО – 2,0%. Этносоциологический опрос проводился во всех 8 федеральных округах, от Калининграда до Владивостока, в 200 населенных пунктах, от крупных мегаполисов до небольших деревень. Широкий территориальный охват в сочетании с соблюдением пропорций в расселении и численности немцев по регионам

России подтверждает репрезентативность полученных данных. Кроме территориального размещения немцев, при построении выборки учитывались пол (48,5% составляют мужчины и 51,5% – женщины) и соотношение городского и сельского населения (56,8% немцев проживает в городах, 43,2% – сельское население). Поскольку этнические процессы, особенно в сфере языка, очень сильно зависят от возраста, при построении выборки было выделено три возрастные группы: 18-29 лет – немцев этой возрастной группы насчитывается 15,7%, 30-59 лет – 59,3%, 60 и более лет – 25,0%. Таким образом, в исследовании применялась квотная (стратифицированная) выборка с выделением страт респондентов по регионам, полу, возрасту, городскому и сельскому населению.

Несмотря на то, что выборка по социально-профессиональному признаку специально не проводилась, мы старались, чтобы среди участников опроса было представлено максимальное количество социальных групп и профессий: работники образования, здравоохранения, социальные работники, военные и полицейские, юристы, управленческий персонал, работники администрации, сотрудники банков, бухгалтеры, работники крупных промышленных предприятий и учреждений культуры, фермеры, бизнесмены, пенсионеры и студенты. По этому признаку полученные результаты также являются репрезентативными. В целом, по всем параметрам выборочная совокупность (1000 респондентов) соответствует генеральной совокупности по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Анкета состоит из нескольких блоков вопросов: по идентичности, по языку, по культуре (включая историю и религию), этнокультурным и языковым запросам и потребностям, программе поддержки и самоорганизации. Всего в анкете 73 вопроса. Вопросы, в зависимости от необходимости определить тот или иной параметр, разного типа: открытые, закрытые, поливариантные, шкальные. Часть вопросов совпадает с вопросами анкеты 2009 г., а некоторые – даже с вопросами анкеты 1989 г., что дает возможность определить устойчивые во времени тенденции развития языка и культуры.

В результате проведения опроса получены конкретные количественные данные, которые позволяют оценить состояние и тенденции развития немецкого меньшинства в России. Прежде всего, это данные, касающиеся идентичности немцев России.

В опросе принимали участие только немцы, те, кто считает себя немцами. В среде людей, которые причисляют себя к российским немцам, очень много лиц со смешанной, множественной, нечетко оформленной идентичностью. Они, как правило, являются людьми смешанного происхождения и в определенных ситуациях «выбирают» немецкую национальность в зависимости от ситуации или каких-либо вновь возникших мотивов. Поскольку основной стратегической задачей исследования являлась выработка плана и рекомендаций для сохранения культуры и идентичности российских немцев,

при проведении опроса опрашивались только те, кто четко определял свою этническую принадлежность как «немцы». Таким образом, на вопрос «К какой национальности вы себя относите?», все опрошенные, 1000 человек (100 %) сказали «немцы». Из них 13,4% уточнили, что являются «российскими немцами», 4,3% – «русскими немцами», несколько человек сказали, что они «наполовину немцы». Подавляющее большинство (81,6 %) просто используют этнонимы «немец» и «немка».

Наличие множественной идентичности у российских немцев представляет собой сложную проблему. Значительная часть людей не может определиться, так как является наполовину русскими и немцами. Еще одна часть людей не может точно определить свою этническую принадлежность, поскольку имеет немецкие корни, но среди их предков были люди самых разных национальностей. Дополнительную сложность представляет не немецкое, а голландское, австрийское или польское происхождение некоторых групп российских немцев. Таким образом, для многих людей, кого в ряде случаев можно считать российскими немцами и кто назвал себя немцами при проведении переписи населения, характерна множественная этническая идентичность. Поэтому в опросе в качестве респондентов выступали только те, кто достаточно четко осознает себя немцами.

Первый вопрос, который задавался респондентам, это вопрос о том, что должно быть главным при определении национальности человека, если он имеет смешанное происхождение или живет не в той стране, в которой родился, или еще по какой-то причине, которая ставит вопрос о выборе национальности, например между русской и немецкой.

Вопрос был сформулирован следующим образом: «Что в вашей семье является главным при определении национальности ребенка?». Около половины ответили, что это национальность отца – 47,2%. На втором-третьем месте – национальность матери (25,3%) и желание самого ребенка (вырастет и сам определится – 25,6%). На четвертом месте – культура (19,4%). Таким образом, подавляющее большинство респондентов считает, что национальность ребенка зависит от национальности родителей, главным образом – отца. Данные опроса говорят о том, что право на выезд в Германию стоит в списке мотивов выбора национальности на последнем месте (3,8%), после родного языка (19,4%), религии (4,2%) и места проживания (9,0%). Но на практике многие люди сегодня используют любую возможность для того, чтобы зафиксировать свою немецкую национальность или своих детей в каких-либо документах. Об этом свидетельствует, например, статистика текущего учета населения, данные похозяйственных книг сельских и районных администраций, листки прибытия и убытия в паспортных столах и т.д. Поэтому в формировании этнической идентичности такие мотивы, как национальность родителей, язык, место проживания – они, конечно, важны, но на практике статус группы и миграционная ситуация оказываются определяющими.

При проведении исследования идентичности возникает вопрос о роли в ее формировании фактора происхождения, другими словами, сколько в настоящее время людей, считающих себя немцами, имеют исключительно немецкое происхождение и сколько – смешанное. У немцев в России уже в середине XX века национально-смешанные браки были преобладающими (Смирнова, 2002, сс.152-153). По данным переписи 2010 года, доля этнически смешанных супружеских пар составляет более 90,0% в семьях, где муж – немец, и 88,4% – в семьях, где жена – немка.

В обычной жизни люди смешанного происхождения довольно редко должны стоять перед выбором той или иной этнической принадлежности. Но есть обстоятельства, когда государство ставит перед таким выбором. В советское время это происходило во время получения паспорта, когда человек должен был декларировать свою идентичность (национальность), причислить себя к определенной этнической общности. Кроме того, декларировать свою этническую принадлежность необходимо при заполнении различных документов и при проведении переписи населения. Государство настаивает до настоящего времени на том, что люди со смешанной идентичностью все-таки должны сделать выбор в пользу какой-либо одной этнической принадлежности. Планируется, что перепись 2021 года даст возможность указать вторую национальную принадлежность, но пока приходилось выбирать одну.

И здесь встает вопрос о мотивах такого выбора. Самый популярный ответ, почему респонденты считают себя немцами, если их происхождение является смешанным – это потому, что они имеют немецкое происхождение (один из родителей или кто-то из дедушек или бабушек были немцами), вторым по популярности мотивом выбора они считают свою близость к немецкой культуре.

Большинство опрошенных респондентов находятся в смешанных браках. В однонациональных браках находятся 36% респондентов, в национально-смешанных – 64% (от всех состоящих в браке – 718 чел.). Основным брачным партнером являются русские – они составляют 84,3% брачных партнеров немцев в национально-смешанных браках, а 15,7% – это представители практически всех народов нашей страны.

Респондентам, имеющим детей, задавался вопрос об их национальной принадлежности. Детей имеют 60% респондентов, причем те, у кого дети еще маленькие, часто затруднялись при ответе на этот вопрос.

Особенно это относится к тем респондентам, которые считают, что национальность ребенка должна определяться им самим, когда он вырастет. У четверти респондентов, имеющих детей, они определяются, как русские (21,6%), 64,3% определяют национальность своих детей как немцы (здесь учитывались все – и состоящие в национально-смешанных браках, и в однонациональных), остальные указали другую национальность (украинцы и др.).

6,5% сказали – «русские немцы». 6,7% не смогли выбрать между русскими и немцами и сказали, что их дети являются и теми, и другими, либо поделили детей символически пополам – половина русские (например, если мать русская, то и дочери русские, если отец – то сыновья), половина детей – немцы.

Все это свидетельствует о подвижном, мобильном характере этнической идентичности, о значительном ситуативном воздействии на идентичность.

Блок вопросов, касающихся этнической идентичности, был нацелен на выяснение преимущественных типов идентичности и посвящен этническим символам и ориентирам, представлениям российских немцев о своем народе, знанию его истории, мнениям о прошлом, настоящем и будущем своего народа.

Насколько важна национальная принадлежность для немцев? При оценке степени важности национальной принадлежности по 10-балльной шкале наиболее частым ответом был «10 баллов» – так ответили 40,4% респондентов. Индифферентный, неярко выраженный тип идентичности (5 баллов и ниже) характерен для пятой части опрошенных (19,8%).

При характеристике типов идентичности довольно важным представляется самоназвание народа (эндоэтноним), особенно это относится к народам, проживающим вне страны своего происхождения и имеющим двойное название. В переписи населения указывается единое наименование народа «немцы», в обычной речи тоже чаще всего говорится просто «немцы», но при необходимости уточнения на вопрос «какие немцы?», ответы распределились следующим образом: российские немцы – 60,8 %, русские немцы – 14,7%, немцы России – 10,8%. Региональные группы (поволжские, сибирские и др.) назвали 8,4% респондентов, советские немцы – 2,1%, и 3,2% опрошенных назвали другие варианты.

С целью выяснения соотношения таких видов национальной идентичности, как идентичность гражданская и идентичность этническая, респондентам предлагалось отдать какому-либо из этих видов предпочтение. Российские немцы в первую очередь россияне, а уж затем немцы – так сказали 65,1% респондентов. В первую очередь немцы, а уж затем – россияне: так думают 34,9%.

При проведении этносоциологического опроса выявлялись представления немцев об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках. Представляется очень важным понимание того, что объединяет российских немцев в единую этническую общность и что, по их мнению, отличает от других народов. Наиболее значимыми для немцев признаками оказались историческая судьба (54,7% респондентов сказали, что главным объединяющим признаком является именно общая история) и общая культура (55,3%). На третьем по значимости месте находится немецкий язык (48,1%).

Объективно – история, в основном политическая история, отношение государства к различным по происхождению, социальной структуре,

культурным особенностям группам, политика протекционизма, затем – репрессий, а в последние десятилетия – миграционная политика явились важнейшим объединяющим фактором. В условиях распространения массовой культуры, когда более половины российских немцев признают родным не немецкий язык, а русский, эти признаки этничности (национальности) уже приобрели символическое значение. Это подтверждается тем, что при глубинных интервью большинство респондентов затруднялись с характеристикой немецкой культуры, не могли назвать ее основные элементы, а по поводу немецкого языка не было общего мнения, что считать родным языком российских немцев – диалекты или литературный немецкий язык. Скорее, немецкая культура и немецкий язык являются символами, реальное наполнение этих символических характеристик может быть очень разным у разных людей.

Религия (7,5%), психология (25,4%), место проживания (14,2%) для респондентов имеют второстепенное значение. Достаточно большое количество людей указало, что главное, что их объединяет, – это общественные организации российских немцев (МСНК, ФНКА, ЦНК и т.д.) – 13,8%. Довольно большое количество респондентов назвали традиционную культуру – обычаи, обряды, традиции – 29,5%. Но в целом при опросе складывалось впечатление, что респондентам легче ответить на вопрос об этнодифференцирующих признаках, то есть определить, что отличает их от людей других национальностей, чем найти признаки собственной общности.

Основной средой актуализации идентичности является семья. Это отметили 54,8% респондентов при ответе на вопрос о том, в каких ситуациях они ощущают себя немцами в наибольшей степени. На втором месте после семьи стоят центры немецкой культуры – так ответили 31,6% респондентов. Действительно, в условиях дисперсного проживания, в иноэтничном окружении, в русскоязычной среде центр немецкой культуры часто является единственным местом, где можно почувствовать свою принадлежность к немецкому народу. Особенно это относится к городской среде. 14,6% ощущают себя немцами при поездках в Германию и 17,8% – при общении с друзьями (среди которых есть немцы, и, соответственно, общие немецкие темы).

Роль семьи остается по-прежнему ведущей в формировании этнической идентичности. Если строить планы на будущее по целенаправленному формированию идентичности, по конструированию немецкой этнической общности в России, то семье надо уделять гораздо больше внимания, чем сейчас. Необходимо разрабатывать специальные программы по семье и раннему детству. Это подтверждают и ответы на вопрос: «На какие сферы жизни влияет ваша национальная принадлежность?». Больше всего респондентов ответили, что это семейная сфера (38,6%).

Меньше всего национальность влияет на политическую сферу (2,3%). В то же время четверть респондентов (23,1%) ответили, что национальная принадлежность вообще никаким образом на их жизнь влияния не оказывает. Но в таком случае получается, что на жизнь 77% национальность влияет; при анализе этих сфер оказывается, что это в основном область (в дополнение к семейной сфере) культуры (46,5%) и религии (7,9%).

Одним из главных факторов формирования и развития идентичности является, как уже было сказано выше, статус этнической общности. Для выяснения статуса, вернее, ощущения этого статуса мы задавали вопрос о том, как люди воспринимают свою принадлежность к немецкому национальному меньшинству. У большинства опрошенных (61,6%) принадлежность к немецкому народу вызывает чувство гордости. Негативные самооценки значительно уступают, но все же присутствуют. Так, ощущение неуверенности национальная принадлежность вызывает у 3,2% респондентов, а чувство обиды – у 2,8%. У значительной части опрошенных (26,7%) их национальность не вызывает никаких особенных чувств. Эти данные свидетельствуют о формировании нормальной, позитивной этнической идентичности у российских немцев.

Утверждать, что ощущения ущемленного статуса у немцев не было раньше совсем, было бы неверным. Государственная пропаганда и формирование образа врага в лице немцев сделали свое дело. Но в настоящее время можно говорить о том, что те проблемы, которые были связаны с представлениями о немцах как о врагах, ушли в прошлое. Немцы (особенно старшее и среднее поколения) считают самой большой несправедливостью тот факт, что им не позволили сражаться на фронте, как всем, и посчитали предателями. Демобилизация с фронта и депортация послужили причиной последующего негативного отношения к немцам со стороны окружающего населения, так считают опрошенные. Как бы то ни было в прошлом, в настоящее время подавляющее большинство немцев не испытывает никакого дискомфорта по поводу собственной этнической принадлежности. Таким образом, мы получили еще одно подтверждение повышения статуса этнической общности, а, следовательно, и связанного с этим роста этнического самосознания.

Немцы в Казахстане

К сожалению, немцы Казахстана не часто становились объектом этносоциологических исследований. В 1984–85 гг. Институт истории и этнографии им. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР провел обследование структуры и типов семей немцев, проживающих в Семиречье. Ученые пришли к выводу, что доминирующим типом семьи являлась малая двухпоколенная семья, со средней численностью в 3–5 человек, для которой характерны малолетность и равноправные отношения супругов (Калышев, 1998).

В 1986 г. сотрудником Института этнографии Академии наук СССР О.Б. Наумовой (1987) были изучены национально-смешанные семьи у немцев Казахстана, она пришла к выводу об изменениях культурно-психологических особенностей немецкого населения Казахстана в 1980-е гг., их национальных традиций в процессе взаимодействия с другими народами. Особое внимание в статье было уделено проблемам, существовавшим в языковой сфере (постепенное вытеснение родного языка русским, незаинтересованность в его изучении немецкой молодежью и т.д.)

К. А. Сакенова (1998), исследуя социокультурный облик этнических меньшинств в Алматинской области, в том числе немцев, пришла к похожим выводам о сужении сферы применения немцами родного языка, в целом, широкое распространении русско-немецкого двуязычия, а также ею было отмечено усиление ассимиляционных процессов в других сферах культуры.

В 2008 и 2013 гг. было проведено первое комплексное масштабное социологическое исследование немецкого населения Казахстана. На первом этапе были изучены адаптивные практики, выявлены социальные, экономические, культурные проблемные зоны с точки зрения самих немцев Казахстана (Курганская & Дунаев, 2008). На втором этапе исследовались состояние, достижения и недостатки, проблемы и перспективы развития системы общественной самоорганизации немцев (Курганская & Дунаев, 2013).

Во время выполнения проекта «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)», авторы статьи несколько раз посещали Казахстан и работали в среде немцев Нур-Султана (Астаны) и Алматы. Руководители немецких общественных организаций, зная о проведении этносоциологических опросов в России, обратились с просьбой провести аналогичный опрос у немцев Казахстана. Полностью повторить процедуру российского опроса в Казахстане было невозможно: не было финансирования, человеческих ресурсов (координаторов, интервьюеров), времени и других организационных составляющих социологических опросов. К тому же не было сведений о том, где в Казахстане немцы живут более или менее компактно, в какие населенные пункты нужно ехать в экспедиции для проведения исследования. Если в советское время в Северном Казахстане существовало множество компактных немецких поселений, которые были образованы во времена Столыпинской реформы и в результате депортации, то массовая эмиграция 1990-х гг. кардинально изменила географию расселения. По последней советской переписи 1989 г. в Казахской ССР проживало 957518 чел. из 2038603 немцев Советского Союза, главным образом в северных районах, в местах депортации. По данным казахстанской статистики, в настоящее время немцев насчитывается 174632 чел. (Смаилов, 2010, с. 253), то есть снижение за 30 лет составило более 80%. Данные по современному расселению отсутствуют, поэтому проводить опрос традиционными методами интервью не представлялось возможным.

Казахстанская сторона предложила провести онлайн-опрос, с использованием вопросов анкеты, которая применялась в российском исследовании. После совместного обсуждения всех недостатков онлайн-опроса, главным из которых является невозможность проверки данных и отклонения выборки, пришлось согласиться с тем, что другой возможности получить обратную связь от немецкого населения Казахстана и хоть какие-то сведения этнического характера сегодня нет. Онлайн опрос немцев Казахстана проводился в октябре-ноябре 2021 г., с использованием Google-форм, организатором опроса выступил Общественный фонд «Казахстанское объединение немцев «Возрождение», вопросы в онлайн-анкете совпадали с теми, которые использовались при опросе немцев в России, но было уменьшено их количество. Анкета состояла из 33 вопросов. Всего в опросе приняло участие 511 немцев, более половины опрошенных являются членами общественных организаций немцев Казахстана.

Результаты опроса следующие. На вопрос об этнической принадлежности 506 из 511 чел. или 99% указали, что они немцы («немка», «немец», “Ich bin Deutsche”, “Deutsch” и т. д.); 5 человек ответили, что их национальность смешанная, что они метисы, либо указывали, что они наполовину русские, наполовину немцы.

Большинство опрошенных имеют смешанное, сложное происхождение и находятся в смешанных браках. Так, на вопрос о национальности родителей были получены следующие ответы: у 68,7% опрошенных отцы являются немцами, у 22,7% – русскими, у 2% – казахи, у 8% отцы являются представителями других национальностей. Матери-немки – у 48,3% респондентов, русские – у 39,1%, казашки – у 1,8%, других национальностей – у 12,1% опрошенных.

Люди, имеющие смешанное происхождение, отвечали на вопрос о том, почему они считают себя немцами, а не кем-то еще. Для многих определяющим фактором стала национальность отца, для кого-то национальность определяется близостью культурных традиций, менталитета, духа, религии, самоощущением, на кого-то повлияло воспитание бабушки-немки, большинство родственников-немцев и др.

85,7% (438 чел.) указали национальность своего супруга, 14,4% респондентов не находятся в браке. Половина (52,5% от указавших национальность супруга), ответили, что их супруги русские. Супруги немцы (или «наполовину немцы») – 12,5%, украинцы – 5,9%, казахи – 4,8%, татары – 3%, белорусы – 1,1%. Представители других национальностей среди супругов были малочисленны.

На вопрос «Насколько важна для Вас Ваша национальная принадлежность? (1 – самая низкая оценка, 5 – самая высокая)», максимальные 5 баллов выбрали 70,3%; «4» балла отметили 16%; «3» балла – 9%; «2» балла – 0,8%; «1» балл – 3,9%. По сравнению с российскими немцами, немцы Казахстана выбирали наивысший балл оценки почти в два раза чаще. Конечно, из-за разницы в методологии исследования, о которой говорилось выше,

напрямую сравнивать результаты этих двух опросов было бы неправильно, но, тем не менее, высокие, почти рекордные результаты ответов в Казахстане свидетельствуют о том, что идентичность немцев Казахстана находится под воздействием каких-то внешних стимулов. Можно предположить, что это реакция на обвальное снижение численности этнической общности, стремление препятствовать ассимиляции, стрессовое состояние, связанное с продолжающейся эмиграцией, вероятно – с невозможностью эмиграции и какие-то другие причины, свидетельствующие о стремлении сохраниться как народ.

Следующий вопрос был посвящен этноконсолидирующим признакам. На вопрос «Что, по-Вашему, объединяет немцев, живущих в Казахстане?» (можно было выбрать три варианта) – на 1 месте находится ответ «историческая судьба, прошлое», так ответило 69,7%; на 2 месте – «общая культура», так сказали 46,2%; на 3 месте – «общественные организации немцев Казахстана», этот ответ выбрали 41,3%; на 4 месте – «черты характера, менталитет, психология» – 38,2%; на 5 месте – «обычаи, обряды, традиции» – 32,1%; на 6 месте «немецкий язык» – 30,5%; на 7 месте – «родственные связи в Германии» – 27,6%; на 8 месте – «место проживания, территория» – 15,7%; на 9 месте – «религия» – 5,5%; на 10 месте – «внешность» – 5,3%; на 11 месте – «фольклор, предания, сказки» – 4,9%; на 12 месте «финансовая поддержка Германии» – 3,5%; на 13 месте ответ «ничего не объединяет» – 1,2%. Надо сказать, что во всех опросах историческая судьба и общее прошлое находятся на первом месте, но если в России этот консолидирующий признак по своему значению находится очень близко к немецкому языку и немецкой культуре, то у немцев Казахстана между общей исторической судьбой и этнической культурой, которая находится на втором месте, существует разрыв в 20 пунктов. Этот результат, видимо, можно объяснить тем, что подавляющее большинство немцев Казахстана – это потомки депортированных, и именно депортация определила всю их жизнь и идентичность (Блинова, Смирнова & Шлегель, 2021a).

Принадлежность к немцам оказывает влияние на культурную (40,9%) и семейную (40,3%) сферы; не влияет никак – так сказали 27,8%; влияет на профессиональную сферу – 17,2% (такой высокий результат связан, скорее всего, с тем, что среди опрошенных много тех, кто участвует в работе общественных организаций и преподавании немецкого языка; на религиозную – 6,1%; на политическую сферу – 3,7%; затруднились ответить 13,5%. У большинства опрошенных принадлежность к немецкому народу вызывает чувство гордости (65,8%). С большим отрывом были названы ощущение защищенности – 11%, ощущение неуверенности – 1,2%, чувство обиды – 1,2%. Никаких особых чувств не вызывает – у 19,2%.

Далее шли вопросы, посвященные национальным языкам. Так, на вопрос, какой язык немцы Казахстана считают родным, немецкий язык назвали

родным 10,4% участников опроса. Русский язык назвали родным 34,2% и оба языка – 52,6% респондентов. Свободно владеют немецким языком всего 4,1% опрошенных, русским – 98,6% и казахским языком свободно владеют 1,6% респондентов. Большинство респондентов свободно владеют русским языком, и в той или иной степени владеют немецким и казахским языками. Не владеют совсем немецким языком 5,9% респондентов и казахским языком – 23,3%. Во всех сферах жизни респонденты пользуются в основном русским языком, за исключением Центров немецкой культуры, где 74,6% опрошенных пользуются немецким языком. Государственный казахский язык 69,5% респондентов не используют совсем, а 13,1% (это максимум для казахского языка) сказали, что используют его на работе.

Большинство опрошенных (70,6%) знает немецкий язык благодаря курсам, 45,6% изучало его в школе, самостоятельно изучили немецкий 34,8%, с детства немецкий язык знает 20,5% опрошенных, в вузе или колледже изучали язык 13,5%. Не изучали совсем 0,4%. Несмотря на не слишком хорошее владение национальным языком, подавляющее большинство (92,6%) сказали, что в школе надо преподавать немецкий язык детям, 6,7% затруднились ответить, 0,8% ответили отрицательно. При этом 85,5% респондентов считают, что человек, не знающий немецкого языка, может быть немцем. 5,7% сказали «нет», 8,8% затруднились ответить. 74,4% опрошенных считают, что необходимо разработать государственные программы по поддержке немецкого языка.

В заключение были вопросы об эмиграции и о том, что респонденты считают своей Родиной. Больше всего опрошенных назвали своей Родиной Казахстан – 45,2%. 24,9% считают Родиной свой город или свое село. 19,6% считают Родиной Германию. Для сравнения, в российском опросе Россию считают своей Родиной намного больше респондентов – 64,4%, свой город или свое село – почти столько же – 27,3%, а вот Германию – намного меньше, чем в среде немцев Казахстана – всего 2,0%. На вопрос об эмиграции, 65,0% сказали, что хотели бы эмигрировать, 23,7% сказали «возможно», 6,5% не хотели бы уезжать, а 4,9% затруднились ответить. Если сравнивать с российским опросом 2020 года, то в Казахстане эмиграционные настроения выражены гораздо сильнее. В России хотят эмигрировать 18,6% опрошенных, не исключают такую возможность 33,5%. Не хотят менять место жительства – 35,9%, затруднились ответить – 12,0%.

В опросе приняли участие 345 (67,5%) женщин и 166 (32,5%) мужчин. 42,5% имеют высшее образование, 34,8% – среднее профессиональное образование. Респонденты работают продавцами, бухгалтерами, индивидуальными предпринимателями, учителями, директорами, администраторами, менеджерами, воспитателями, самозанятыми, врачами, дизайнерами, водителями, поварами, журналистами, юристами, операторами и т.д. 8,2% от общего числа респондентов – пенсионеры. Обучались на момент проведения опроса в учебных заведениях 2,4%. Временно без работы – 12,7%. В опросе приняли

участие жители Акмолинской, Актюбинской, Алматинской, Атырауской, Восточно-Казахстанской, Жамбылской, Карагандинской, Павлодарской, Костанайской, Мангистауской, Туркестанской области. Большинство респондентов проживает в Павлодарской области – 22,1%; в Карагандинской области – 20,5%, в Алматинской области – 14,7%, из Восточно-Казахстанской области – 5,1%. В г. Нур-Султан (Астана) проживают 11,1% респондентов; в г. Алма-Ата – 11%, в г. Шымкент – 2,2%.

Заключение

За 30 лет, прошедших после распада СССР, с момента, когда немцы стали гражданами суверенных постсоветских государств, их идентичность, на которую определяющее влияние стали оказывать процессы нациестроительства в этих новых государствах, трансформировалась из советской в этнонациональную. Выстраивание государственной национальной политики в независимых государствах повлекло за собой усложнение и без того множественной идентичности немцев России и Казахстана. Национальная политика всех без исключения постсоветских государств направлена на укрепление суверенитета, и в этой политике главные роли играют трактовка национальной истории и вопросы государственных языков. В России главным трендом стало формирование российского народа, единой гражданской российской нации. На этом пути преобладает героическая история, история вклада всех народов в развитие российской государственности, но вопросы национальной политики, в том числе сталинских депортаций и их последствий, остались в дискуссиях 1990-х гг. В Республике Казахстан история меньшинств включена в контекст колониальной истории окраин империи с преобладанием негативных оценок этого периода.

Важным фактором, влияющим на процесс конструирования этнической идентичности немцами, стала Программа поддержки немецкого меньшинства в Российской Федерации и других государствах бывшего СССР со стороны Федеративной Республики Германии и возросшая роль общественных организаций, через которые проходит ее реализация (Блинова & Смирнова, 2020). Программа поддержки реализуется через общегосударственные организации – Международный Союз Немецкой Культуры в России и Общественный фонд «Казахстанское объединение немцев «Возрождение». Деятельность организаций строится на проектной основе, они сами определяют стратегию и направления своей работы, большинство проектов направлены на формирование позитивной этнической идентичности, сохранение языка и культуры немцев на постсоветском пространстве, препятствие ассимиляции. Нужно отметить, что формирование целей и планов реализуемых мероприятий находится в соответствии с этнокультурными запросами немецкого населения,

отсюда важность и актуальность социологических опросов и желание их проводить на постоянной основе.

Подводя итоги, следует отметить, что для российских и казахстанских немцев характерно наличие сложной множественной этнической идентичности; основания отнесения себя к немцам во многом совпадают у обеих групп: национальность родителей, близость истории и культурных традиций, религия, самоощущение. Особенностью этноязыковых процессов в Казахстане является наличие трилингвизма. Казахский язык необходим для повышения своего социального статуса, работы на государственной службе. Часто мотивом для изучения немецкого языка у молодежи служит желание поступить в вуз или более успешно продолжить обучение в нем, поехать на стажировку в Германию или в другие немецкоязычные страны, поучаствовать в программах обмена студентами. Здесь стоит отметить и более высокий эмиграционный потенциал среди немцев Казахстана, по-прежнему довольно много людей хотят переехать в Россию, Германию или другую страну.

В целом, общие черты этнической идентичности на постсоветском пространстве связаны с общей историей (особенно с травмирующими событиями) и культурой, немецким языком, поддержкой Германии. Особенности, специфические черты этой новой идентичности связаны с политическими и культурными реалиями новых государств.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00177 «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)»

Список литературы

- Migrationsbericht, 2007 [The Migration Report, 2007]. (2008). Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. (In German).*
- Балашов, Ю. А. (2007). Разделенные народы на постсоветском пространстве. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 5, 185–189.
- Балашов, Ю. А. (2008). Проблема разделенных этносов и угроза терроризма и политического экстремизма. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 5, 227–231.
- Бараш, Р. Э. (2010). *Явление разделенных этнонациональных групп: Политологический анализ [Диссертация доктора политических наук]. МГУ им. М. В. Ломоносова.*
- Барбашина, Э. Р. (2004). Образ российских немцев в конце XX столетия (на материалах этносоциологических исследований). В *Положение российских немцев в России и в Германии на рубеже XX-XXI веков* (с. 134–163). Саратов.
- Бахлов, И. В., & Бахлова, О. В. (2018). Концептуализация понятия «нациестроительство» в политологическом дискурсе. *Социально-политические науки*, 2, 26–29.

- Блинова, А. Н., & Смирнова, Т. Б. (2020). Немецкие общественные организации в постсоветских государствах Центральной Азии. *Вестник Омского государственного университета*, 7(4), 167–174. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(4\).167-174](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(4).167-174)
- Блинова, А. Н., Смирнова, Т. Б., & Шлегель, Е. А. (2021a). Влияние депортации на идентичность немцев России и Казахстана. *Журнал Фронтирных Исследований*, 6(4), 91–116. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.336>
- Блинова, А. Н., Смирнова, Т. Б., & Шлегель, Е. А. (2021b). Постсоветская идентичность немцев России, Казахстана и Украины: Этнонимы, язык, символы. *Этнография*, 14(4). [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-249-271](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-249-271)
- Брубейкер, Р. (2000a). «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России). *Диаспоры*, 3, 6–32.
- Брубейкер, Р. (2000b). Мифы и заблуждения в изучении национализма. *Ab Imperio*, 2000(1), 204–224. <https://doi.org/10.1353/imp.2000.0038>
- Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. (2011, июнь 4). Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=0
- Гаджиев, К. С. (Ред.). (2006). *Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве*. Институт мировой экономики и международных отношений РАН.
- Калышев, А. Б. (1998). Структура и тип семьи у немцев Семиречья. В *История немцев Центральной Азии* (с. 165–171). Алматы.
- Киссер, Т. С. (2020). Негативная идентичность российских немцев. *Вестник Омского государственного университета*, 7(3), 112–122. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(3\).112-122](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(3).112-122)
- Клименко, Е. (2017). *Международная конференция «Национализмы на постсоветском пространстве: Логика, этики, практики»* (Москва, 31 октября–2 ноября 2016 г.). Новое литературное обозрение. http://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/147_nlo_5_2017/article/12726/
- Курганская, В. Д., & Дунаев, В. Ю. (2008). *Немцы Казахстана: Комплексное социологическое исследование адаптивных практик немцев Казахстана*. Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение».
- Курганская, В. Д., & Дунаев, В. Ю. (2013). *Общественное самоуправление немецкой диаспоры Казахстана: Состояние и тенденции развития*. Научно-аналитический отчет по итогам социологического исследования. Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение».
- Лебедева, Н. М. (1998). Русские в странах ближнего зарубежья. Социально-психологический анализ. *Вестник Российской академии наук*, 4, 296–305.
- Летняков, Д. Э. (2016). Создавая нацию: Политика идентичности в постсоветских государствах. *Мир России. Социология. Этнология*, 25(2), 144–167.
- Малиновский, Л. В. (1969). Некоторые предварительные результаты социолого-лингвистического обследования немецкого населения Западной Сибири. В *Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири* (с. 20–29). Новосибирск.

- Наумова, О. Б. (1987). Национально-смешанные семьи у немцев Казахстана (по материалам экспедиции 1986 г.). *Советская этнография*, 6, 91–100.
- Ратленд, П. (2002). Глобализация и посткоммунизм. *Мировая экономика и международные отношения*, 4, 15–18. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2002-4-15-18>
- Ратленд, П. (2016). Постсоветские элиты России. *Полис. Политические исследования*, 3, 55–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.06>
- Рябиченко, Т. А., Лебедева, Н. М., & Плотка, И. Д. (2019). Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии. *Культурно-историческая психология*, 15(2), 54–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>
- Савоскул, М. С. (2006). Российские немцы в Германии: Интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг - Эрланген). *Демоскоп Weekly*, 243–244.
- Сакенова, К. А. (1998). Характерные особенности этнокультурного облика сельских немцев Казахстана в местах дисперсного расселения (на материалах этносоциологического обследования Алматинской области). В *История немцев Центральной Азии* (с. 171–187). Алматы.
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Бардин, А. Л., & Пантин, В. И. (2017). Между государством и нацией: Дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. *Полис. Политические исследования*, 5, 54–78. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
- Семченков, А. С., & Бараш, Р. Э. (2009). Проблема разделенных народов в контексте трансформации мирового политического пространства. *Политическая наука*, 1, 137–167.
- Смаилов, А. (2010). Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. *Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан*. Астана.
- Смирнова, Т. Б. (2002). *Немцы Сибири: Этнические процессы*. Русинко.
- Смирнова, Т. Б. (2003). *Немцы Сибири: Этнические процессы и этнокультурное взаимодействие*. Институт археологии и этнографии СО РАН.
- Смирнова, Т. Б. (2010). Результаты этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций российских немцев. В *Немцы новой России: Проблемы и перспективы развития: Материалы 2-й международной научно-практической конференции* (с. 6–58). Москва.
- Смирнова, Т. Б., & Киссер, Т. С. (2017). Многообразие немцев России. *Уральский Исторический Вестник*, 2, 44–53.
- Смит, Э. (2004). *Нации и национализм. Критический обзор современных теорий нации и национализма*. Праксис.
- Тишков, В. А. (1998). Забыть о нации: (Постнационалистическое понимание национализма). *Этнографическое обозрение*, 5, 3–26.
- Трифоновна, А. В. (2021). Роль локальной идентичности и воспринимаемого контекста в психологическом благополучии русских Эстонии. *Культурно-историческая психология*, 17(4), 83–91. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170409>
- Цагараев, М. А. (2009). *Этнополитические проблемы разделенных народов: Политико-правовые основы их регулирования: на примере осетинского народа* (с. 198) [Диссертация кандидата

политических наук]. Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ягафова, К. А. (2015). Чувашская диаспора на постсоветском пространстве (на примере общин в Казахстане, Белоруссии и Эстонии). *Этнографическое обозрение*, 3, 147–164.

References

- All-Union Population Census of 1989. *Ethnic composition of the population by republics of the USSR*. (2011, June 4). Demoscope Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=0 (In Russian).
- Bakhlov, I. V., & Bakhlova, O. V. (2018). Conceptualization of the concept of “nation-building” in political science discourse. *Social and Political Sciences*, 2, 26–29. (In Russian).
- Balashov, Y. A. (2007). Divided Peoples in the Post-Soviet Space. *Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 5, 185–189. (In Russian).
- Balashov, Y. A. (2008). The Problem of Divided Ethnic Groups and the Threat of Terrorism and Political Extremism. *Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 5, 227–231. (In Russian).
- Barash, R. E. (2010). *The phenomenon of divided ethno-national groups: A Political Science Analysis* [Doctoral Thesis]. Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
- Barbashina, E. R. (2004). The Image of Russian Germans at the End of the Twentieth Century (on the Materials of Ethnosociological Research). In *The Situation of Russian Germans in Russia and Germany at the Turn of the 20th and 21st Centuries* (pp. 134–163). Saratov. (In Russian).
- Blinova, A. N., & Smirnova, T. B. (2020). German Public Organizations in Post-Soviet States of Central Asia. *Herald of Omsk University. Series: Historical Studies*, 7(4), 167–174. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(4\).167-174](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(4).167-174) (In Russian).
- Blinova, A. N., Smirnova, T. B., & Schlegel, E. A. (2021a). The Influence of Deportation on the Identity of Germans of Russia and Kazakhstan. *Journal of Frontier Studies*, 6(4), 91–116. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.336> (In Russian).
- Blinova, A. N., Smirnova, T. B., & Schlegel, E. A. (2021b). Post-Soviet Identities of the Germans of Russia, Kazakhstan, and Ukraine: Ethnonyms, Language, Symbols. *Etnografija*, 14(4). [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-249-271](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-249-271) (In Russian).
- Brubaker, R. (2000a). “Cataclysmic Diasporas” in Central and Eastern Europe and Their Relationship to Their Homelands (Case Study of Weimar Germany and Post-Soviet Russia). *Diaspory*, 3, 6–32. (In Russian).
- Brubaker, R. (2000b). Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism. *Ab Imperio*, 2000(1), 204–224. <https://doi.org/10.1353/imp.2000.0038> (In Russian).
- Gadzhiev, K. S. (Ed.). (2006). *Diasporas and Divided Peoples in the Former Soviet Union*. Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Kalyshev, A. B. (1998). The structure and type of the family among the Germans of Semirechye. In *History of the Germans of Central Asia* (pp. 165–171). Almaty. (In Russian).
- Kisser, T. S. (2020). Negative Identity of Russian Germans. *Herald of Omsk University. Series: Historical Studies*, 7(3), 112–122. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(3\).112-122](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(3).112-122) (In Russian).

- Klimenko, E. (2017). *International Conference “Nationalisms in the Post-Soviet Space: Logics, Ethics, Practices”* (Moscow, October 31–November 2, 2016). *New Literary Review*.
http://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/147_nlo_5_2017/article/12726/ (In Russian).
- Kurganskaya, V. D., & Dunayev, V. Yu. (2008). *Germans of Kazakhstan: A Comprehensive Sociological Study of the Adaptive Practices of Germans in Kazakhstan*. Association of Public Associations of Germans of Kazakhstan “Revival”. (In Russian).
- Kurganskaya, V. D., & Dunayev, V. Yu. (2013). *Public Self-Government of the German Diaspora in Kazakhstan: Status and Trends of Development*. *Scientific and analytical report on the results of sociological research*. Association of Public Associations of Germans of Kazakhstan “Revival”. (In Russian).
- Lebedeva, N. M. (1998). Russians in the Countries of the Near Abroad. Socio-psychological analysis. *Vestnik of the Russian Academy of Sciences*, 4, 296–305. (In Russian).
- Letnyakov, D. E. (2016). Creating a Nation: Identity Politics in Post-Soviet States. *The World of Russia*. *Sociology. Ethnology*, 25(2), 144–167. (In Russian).
- Malinovsky, L. V. (1969). Some Preliminary Results of the Sociological and Linguistic Survey of the German Population of Western Siberia. In *Collection and development of materials of socio-linguistic research in Siberia* (pp. 20–29). Novosibirsk. (In Russian).
- Migrationsbericht, 2007 [The Migration Report, 2007]*. (2008). Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. (In German).
- Naumova, O. B. (1987). Nationally mixed families among the Germans of Kazakhstan (based on a 1986 expedition). *Soviet Ethnography*, 6, 91–100. (In Russian).
- Rutland, P. (2002). Globalization and Post-Communism. *World Economy and International Relations*, 4, 15–18. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2002-4-15-18> (In Russian).
- Rutland, P. (2016). Russia’s Post-Soviet Elite. *Polis. Political Studies*, 3, 55–72.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.06> (In Russian).
- Ryabichenko, T. A., Lebedeva, N. M., & Plotka, I. D. (2019). Multiple Identities, Acculturation and Adaptation of Russians in Latvia and Georgia. *Cultural-Historical Psychology*, 15(2), 54–64.
<https://doi.org/10.17759/chp.2019150206> (In Russian).
- Sakenova, K. A. (1998). Characteristic features of ethno-cultural image of rural Germans of Kazakhstan in the places of dispersed settlement (on the materials of ethno-sociological survey of Almaty region). In *History of the Germans of Central Asia* (pp. 171–187). Almaty. (In Russian).
- Savoskul, M. S. (2006). Russian Germans in Germany: Integration and Types of Ethnic Self-Identification (based on a study of Russian Germans in the Nuremberg – Erlangen region). *Demoscope Weekly*, 243–244. (In Russian).
- Semchenkov, A. S., & Barash, R. E. (2009). The Problem of Divided Peoples in the Context of the Transformation of World Political Space. *Political Studies*, 1, 137–167. (In Russian).
- Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L., & Pantin, V. I. (2017). Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Policy in Post-Soviet Societies. *Polis. Political Studies*, 5, 54–78.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05> (In Russian).
- Smailov, A. (2010). *National composition, religion and language proficiency in the Republic of Kazakhstan*. Results of the 2009 national census in the Republic of Kazakhstan. Astana. (In Russian).

- Smirnova, T. B. (2002). *The Germans of Siberia: Ethnic Processes*. Rusinko. (In Russian).
- Smirnova, T. B. (2003). *The Germans of Siberia: Ethnic Processes and Ethno-Cultural Interaction*. Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Smirnova, T. B. (2010). Results of an ethno-sociological survey and monitoring of public organizations of Russian Germans. In *Germans of New Russia: Problems and Prospects of Development: Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference* (pp. 6–58). Moscow. (In Russian).
- Smirnova, T. B., & Kisser, T. S. (2017). The diversity of Germans in Russia. *Ural Historical Bulletin*, 2, 44–53. (In Russian).
- Smith, E. (2004). *Nations and Nationalism. A Critical Review of Contemporary Theories of Nation and Nationalism*. Praxis. (In Russian).
- Tishkov, V. A. (1998). Forgetting the Nation: (A Post-Nationalist Understanding of Nationalism).. *Ethnographic Review*, 5, 3–26. (In Russian).
- Trifonova, A. V. (2021). Role of Local Identity and Perceived Context in Psychological Well-Being of Russians in Estonia. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 83–91. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170409> (In Russian).
- Tsagaraev, M. A. (2009). *Ethnopolitical Problems of Divided Peoples: Political and Legal Basis for Their Regulation: The Case of the Ossetian People* [PhD Thesis]. Russian Academy of Public Service under the President of the Russian Federation. (In Russian).
- Yagafova, K. A. (2015). The Chuvash Diaspora in the Post-Soviet Space (Case Studies of Communities in Kazakhstan, Belarus, and Estonia). *Ethnographic Review*, 3, 147–164. (In Russian).

Nakhichevan Armenian Colony on the Don (1779–1870)

Levon V. Batiev

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences.
 Rostov-on-Don, Russia. Email: [batiev\[at\]ssc-ras.ru](mailto:batiev[at]ssc-ras.ru)

Received: 1 September 2022 | Revised: 10 November 2022 | Accepted: 24 November 2022

Abstract

The article is devoted to the study of the Armenian colony of New Nakhichevan on the Lower Don with an emphasis on institutional aspects, which should help in solving the general task of analyzing the mechanisms and methods of effective self-organization of ethno-cultural groups in a foreign environment in different times.

The author assumes that the system of self-government, formed on the basis of Catherine the II's letter of grant, was an important tool for ensuring the identity and preserving the ethno-cultural specificity of the residents of Nakhichevan-on-Don and five Armenian villages of the Armenian district.

A characteristic feature of its public administration was its formation on an ethnic basis – it united the Armenians (urban and rural residents) who had migrated from the Crimea. The legal basis of the colony was, in addition to the all-Russian laws, the Armenian “rights and customs”. At the same time, from the very first years of the colony's foundation there started a process of its quite close integration into the all-Russian system of administration as well as gradual limitation of the granted privileges and benefits in other issues. Limitation of independence of the colony occurred in connection with the gradual unification of urban governance, and it was also associated with an increase in the Orthodox (Russian) population of the city. Full and final transition to the all-Russian model occurred in the era of “great reforms”.

Nevertheless, until the February Revolution of 1917 and the radical democratization of suffrage (“four-tail”) the Armenian element entirely dominated the city authorities. After the complete loss of influence in the city Duma, the Armenian community had to create the “Nakhichevan on the Don Armenian Community” in the form of national-cultural autonomy in order to preserve its ethnic identity.

The self-government of Nakhichevan provided internal stability and the possibility to preserve the ethno-cultural identity. The rapid socio-economic development of the region and the ethno-demographic changes inevitably led to assimilation processes. The loss of autonomy and actual dominance in Nakhichevan-on-Don by the Armenian part of the population only accelerated these processes.

Keywords

Colony; Autonomy; Demography; Self-Government; Magistrate; City Mayor; City Council; Reforms; Armenian Judicial Law; City Charter

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Нахичеванская армянская колония на Дону (1779–1870 гг.)

Батиев Левон Владимирович

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН). Ростов-на-Дону, Россия. Email: [batiev\[at\]jssc-ras.ru](mailto:batiev[at]jssc-ras.ru)

Рукопись получена: 1 сентября 2022 | Пересмотрена: 10 ноября 2022 | Принята: 24 ноября 2022

Аннотация

Статья посвящена исследованию армянской колонии Новая Нахичевань на Нижнем Дону с акцентом на институциональных моментах, что должно помочь в решении общей задачи анализа механизмов и способов эффективной самоорганизации этнокультурных групп в инородной среде в различные эпохи.

Автор исходит из того, что система самоуправления, сформированная на основании жалованной грамоты Екатерины II, являлась важным инструментом обеспечения самобытности и сохранения этнокультурного своеобразия жителей Нахичевани-на-Дону и пяти армянских сел армянского округа.

Характерной чертой общественного управления было ее формирование на этнической основе – она объединяла армян- (городских и сельских жителей) переселенцев из Крыма. Правовую основу колонии составили, помимо общероссийских законов, армянские «права и обыкновения». Вместе с тем, уже с первых лет основания колонии шел процесс достаточно плотного встраивания ее в общероссийскую систему управления, а также постепенного ограничения дарованных льгот и привилегий в других вопросах. Ограничение самостоятельности колонии происходило в связи с постепенной унификацией городского управления. Оно также было связано с увеличением численности православного (русского) населения города. Полный и окончательный переход на общероссийскую модель произошел в эпоху «великих реформ».

Тем не менее, до Февральской революции 1917 г. и радикальной демократизации избирательного права («четырёххвостка») армянский элемент целиком доминировал в городских органах власти. После полной утраты влияния в городской думе армянская общественность в интересах сохранения этнической идентичности вынуждена была создать «Нахичеванскую на Дону армянскую общину» в форме национально-культурной автономии.

Самоуправление Нахичевани обеспечивало внутреннюю стабильность и возможность сохранения этнокультурной идентичности. В условиях быстрого социально-экономического развития региона и этно-демографических изменений неизбежными становились процессы ассимиляции. Утрата армянской частью населения автономии и фактического доминирования в Нахичевани-на-Дону лишь ускорила эти процессы.

Ключевые слова

колония; автономия; демография; самоуправление; магистрат; городской голова; городская дума; реформы; Армянский судебник; городской устав

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В данной статье рассматривается история армянской колонии на Нижнем Дону, которая сформировалась в результате организованного российским правительством в 1778-1779 гг. переселения армян из Крымского ханства. Крымские армяне поселились поблизости от крепости Дмитрия Ростовского и получили значительные площади пустующей земли преимущественно на правом берегу реки Дон для хозяйственного освоения и строительства города Нахичеван и пяти сел. На армянском языке использовалось название Нор (Новый) Нахичеван. В 1838 г. во избежание путаницы с городом Нахичеван в Армянской области императором Николаем I было утверждено название Нахичеван-на-Дону (ПСЗ-II, 1838), мягкий знак в конце утвердился постепенно во второй половине XIX в. «явочным порядком».

В центре внимания автора – преимущественно организационно-правовые аспекты жизнедеятельности колонии, связанные с ее автономией в решении внутренних вопросов. Автономия была дарована «императорским милостивым словом» Екатерины II (жалованной грамотой 14 ноября 1779 г.), которым переселенцам дозволялось пользоваться «всеми теми правами и преимуществами, каковыми все подданные наши от нас и предков наших издревле наслаждаются». Сверх того, переселенцы наделялись дополнительными привилегиями. Среди прочего крымским армянам милостивейше дозволялось «учредить магистрат и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям, выбираемыми из вас же по жребию начальниками» (ПСЗ-I, 1830а). Апелляционной инстанцией для органов армянского самоуправления было определено наместническое правление. А для защиты прав и интересов населения в городе и в деревнях определялись особые начальники из России. Им было запрещено вмешиваться в судопроизводство поселян, но вменялось в обязанность «быть токмо охранителями и их заступать» (ПСЗ-I, 1830а). Указанные «преимущества» были пожалованы «торжественно и потомственно всему обществу на вечные времена» и неоднократно подтверждалось позднее (ПСЗ-I, 1830b; ПСЗ-I, 1830c; ПСЗ-I, 1830e; ПСЗ-I, 1830f; РГИА, 1844, Л. 13-13 об.; Келле-Шагинов, 2015, с. 238). Но уже в указе Александра сделана была примечательная оговорка о том, что подтверждаются «все права и преимущества оному присвоенные и доселе без отмены существующие, поколику они сходны с общими Государственными узаконениями» (Налбандян, 1968, с. 320), а по вступлении императора Николая I в царствование «новой подтвержденной грамоты уже не последовало, как и при следующих после него царствованиях» (Келле-Шагинов И. М., 2015, с. 251).

Этнодемография Нахичевани-на-Дону

Первая перепись армянского населения, составленная в ноябре 1779 г., показала наличие четырнадцати тысяч душ на Нижнем Дону. В 1793 г. в г. Нор-Нахичеване и пяти селах округа оставалось всего 10552 жителей (Келле-Шагинов И. М. 2015, с. 244). Сокращение произошло вследствие естественной убыли (высокой смертности и низкой рождаемости) из-за тягот обустройства в суровых и непривычных условиях, а также в связи с самовольным возвращением переселенцев обратно в Крым (Араджиони, 2008, с. 81). В Национальном архиве Армении сохранилась дело 1790–1791 гг. с перепиской о брожении среди армянских поселян, желающих вернуться в Крым (НАА, 1790–1791).

Автор фундаментальной истории нахичеванской колонии В. Б. Бархударян писал, что в 1810 г. численность горожан составляла 8,7 тыс., а в 1828 г. – 9 тыс. человек (Бархударян, 1995, с. 95). По данным от А. Ф. Рихтера, путешествовавшего с государственным канцлером Н. П. Румянцевым по Южной России, на 1823 год численность населения составляла 9501 чел. в Нахичеване и 3089 поселян в пяти армянских селениях (Статистические сведения, 1825, с. 283.). На 1825 г. российская статистика давала по Нахичевану другую численность – 7,5 тыс. чел. (Статистическое изображение, 1829, с. 48–49). Данные, как видим, разнятся, но общая демографическая тенденция очевидна. Она заключалась в достаточно медленном росте городского населения в сравнении с сельским. Тем не менее, Нахичеван не одно десятилетие по демографическому показателю превосходил Ростов, Мариуполь (основанный греками – такими же переселенцами из Крыма), губернский центр Екатеринослав, а до 1820-х годов – и Таганрог. Город Нахичеван и Армянский округ в целом долгое время оставались моноэтническими. Но в середине XIX в. в городе уже отмечалось присутствие двух и более тыс. православных жителей. По оценкам В. Б. Бархударяна, в конце 1850-х гг. они составляли 15–17% жителей Нахичевана и округа (Бархударян, 1996, с. 94). По переписи 1897 г. 68% горожан были русскими (19.224 чел.) и 29% армянами (8.277 чел.). Однако мы полагаем, что реальный баланс показывают данные оперативного учета и материалы исследования «Города России», согласно которым на 1900 г. в Нахичевани православных насчитывалось 10 тыс. чел., а армяно-григориан – 20,4 тыс. И только по состоянию на 1910 г., вследствие продолжающейся высокой внутренней миграции из регионов России, соотношение резко изменилось – численность православных выросла до 23.544 чел. (54 %), а армян уменьшилась до 18.411 (42 %) (Батиев, 2021б, с. 90–97). Абсолютное уменьшение армянского населения Нахичевани может быть объяснено усиленным перетоком армян в соседний Ростов. Так, например, уже в феврале 1879 г., городское начальство Нахичевани писало в отчете Екатеринославскому губернатору об упадке торговли в городе вследствие, в том числе, переселения большинства торговцев в г. Ростов (ГАРО,

1878, л. 2). Со временем этот поток только возрастал; с 1897 по 1910 г. число армян, переселившихся и обосновавшихся в Ростове увеличилось в четыре раза – с двух до восьми тысяч (Бархударян, 1996, с. 94; Смирнов, 1905, с. 7–8). В 1914 г. в Ростове насчитывалось 10.244 армян (Статистический сборник, 1915, с. 33). Нахичевань по отношению к мощно растущему Ростову-на-Дону превращалась в город-спутник.

Правовые основания самоуправления

Армянские «права и обыкновения», по которым управлялся Нахичеванский армянский округ, составили: Армянский судебник, Каноны духовного суда, Союз единения (Дашнадрутюн миабанутян), Правило нерасторжимое и условие вечное, Устав сиротского суда.

Армянский Судебник был написан на армянском языке в Астрахани во второй половине XVIII в. (Алексеев К., 1870, с. 2) Составителями Судебника были Саркис Иоаннов, Григор Сафар Кампаниан, Егиазар Григорьян, о чем они и извещали в Предисловии к созданному им собранию (ГАСО, б.д., л. 11). На русском языке есть только подробный пересказ положений Судебника, изданный К. Алексеевым в 1870 г. Исследование и научное издание Судебника (на армянском языке) было осуществлено Ф. Г. Погосяном в 1962–1967 гг. (Погосян, 1962, с. 171–195; Погосян, 1967). Хачатурян В. А., ссылаясь на труды Ф. Г. Погосяна, указывал, что работа над судебником началась в 1749 г. и была завершена в 1765 г. (Хачатурян, 1963, с. 58).

Считается, что список Армянского судебника был привезен духовным пастырем армян России (Собрание актов, 2014, с. 320–322) архиепископом Иосифом Аргутинским-Долгоруким (Овсепом Аргутяном) из Астрахани в 1782 г. в Нахичевань, где и стал основой все правовой системы колонии (Алексеев, 1870, с. 1–7). Однако это свидетельство сопряжено с неточностью. Сенатор М. Н. Жемчужников в отчете о ревизии Нахичевани в 1844 г. писал о том, что архиепископ привез Судебник из Астрахани в 1782 г., «когда он в первый раз посетил Нахичеван» (РГИА, 1844, л. 17–17 об.). Но известно, что И. Аргутинский был в Нахичевани уже при его основании в 1780 г. и не мог посетить его в первый раз в 1782 г., а магистрат и другие органы были созданы уже в 1780 г. Поэтому вопрос о точном времени появления Судебника в Нахичевани остается пока без ответа.

По указанию сенатора М. Н. Жемчужникова в 1844 г. Судебник был переведен на русский язык для последующего его анализа на соответствие российскому законодательству и допустимость применения в Российской империи. По результатам проверки нахичеванцам разрешено было и впредь пользоваться Армянским судебником при решении гражданских дел (Алексеев, 1870, с. 5).

В жалованной грамоте Екатерины II был лишь назван орган самоуправления армянской колонии – магистрат, но не конкретизировано его устройство. На практике Нахичеванский армянский магистрат был организован в соответствии с нормами Армянского судебника. Позднее, в связи с трудностями, возникшими при реализации в Нахичевани «Грамоты на права и выгоды городам российской империи, 21 апреля 1785 г., нахичеванцы получили право организовать самоуправление на основании разработанного архиепископом И. Аргутинским устава под названием «Союз единения» («Дашнадрутюн миабанутян»). Этот документ, принятый 26 мая 1795 г., закрепил систему органов самоуправления Нахичеванской армянской колонии на последующие десятилетия. Изменения в него (самое заметное – увеличение числа попечителей от 24 до 36 человек) были внесены И. Аргутинским в 1800 г. в связи с конфликтом части городской элиты во главе с Иваном (Ованесом) Абрамовым со всесильным архиепископом, в который оказались вовлечены имперские власти (Шахазиз, 1903, с. 204–206).

Традиционные нормы повседневной жизни были систематизированы и утверждены нахичеванским обществом в тридцати девяти статьях местного сборника обычного права. Лейтмотивом норм сборника было требование сохранения умеренности в повседневной жизни и в праздники, и в целом традиционного образа жизни, который устоялся во время пребывания в Крыму. В качестве мер принуждения были предусмотрены достаточно высокие штрафы и другие наказания (Патканян, 1917, с. 78; Шахазиз, 1903, с. 32, 20–25; Богданян, 1989, с. 16).

Церковная сфера до 1836 г. регламентировалась «Канонами духовного суда», которые были составлены архиепископом Иосифом Аргутинским в 1781 году к учреждению духовного суда в Нахичеване. «Каноны» прекратили свое действие после того, как 11 марта 1836 г. были утверждены и 10 апреля «распубликованы» «Положения о управлении делами Армяно-Григорианской церкви в России» (ПСЗ-II, 1837).

Еще один локальный нормативный акт – Устав сиротского суда – был принят нахичеванским обществом на общем сходе в 1812 г. (РГИА, 1844, л. 122–137). Приговором нахичеванского общества была определена организация Сиротского суда и его задачи – установление опеки над малолетними сиротами и вдовами, управление наследным имуществом до достижения сиротами совершеннолетия. Сенатский указ 30 сентября 1831 г., согласившись оставить «учреждение опек над малолетними сиротами армян в городе Нахичеване по их правам и обыкновениям», тем не менее, вменил в непрременную обязанность Нахичеванскому магистрату доставлять «Екатеринославской гражданской палате надлежащие по общим государственным правилам, в указе 1801 января 13 (31) изложенным (ПСЗ-I. 1830g), отчеты и объяснения по жалобам» (ПСЗ-II, 1832).

Система самоуправления

Органы управления Нахичеванской колонии включали в себя магистрат, городского голову, шестигласную думу, совет 24 (в 1800 г. – 36) попечителей, Духовное правление, сиротский суд, старосту. На первых порах для решения всех вопросов, связанных с переселенцами, была создана специальная «Комиссия о поселении выведенных из Крыма христиан». В 1781–1782 гг. в ее состав входили: «надворный советник Николай Алексеевич Марин, секунд-майор Петр Трофимович Горленский, секунд-майор Иван Васильевич Тыбекин. В должности секретаря полковой квартирмейстер Петр Апурин. В Армянском Магистрате: Председатель капитан Иван Абрамов» (Месяцослов, 1781, с. 416; Месяцослов, 1782, с. 463).

Согласно свидетельству Г. Патканяна, «на первых выборах на три года – 1779, 1780 и 1781 гг. – единогласно был избран главой Микаэль Когпетлян, которого и до учреждения города называли главой» (Патканян, 1917, с. 43). Как указывал сенатор М. Н. Жемчужников в отчете о ревизии г. Нахичевана, официальных сведений о том, на каком основании, когда и кем именно было учреждено звание городского головы, обнаружено не было (РГИА, 1844, л. 78 об.-79; Бархударян, 1995, с. 55). Полномочия городского головы в г. Нахичеване также не были юридически определены, поэтому его фактический статус и возможности определялись в первую очередь личными качествами городского головы. Именно к нему смещался фактический центр власти в колонии. К середине XIX в. в ведении городского головы оказались городские финансы (доходы и расходы), управление городскими землями, попечение о неимущих нахичеванцах и др. (РГИА, 1844, л. 79–80 об.). Особенно заметным было указанное усиление власти в бытность городским головой (в общей сложности в течение пятнадцати лет) Артемия Халибова.

Главный орган самоуправления – армянский магистрат – соединял в себе все функции власти, включая хозяйственную, судебную и полицейскую. При этом он управлял не только городом, но и делами всего Армянского округа (пяти армянских сел со множеством хуторов). Первым председателем магистрата был избран капитан Иван (Ованес) Абрамов, который затем неоднократно переизбирался на эту должность (Патканян, 1917, с. 44; Месяцослов, 1781, с. 416; Месяцослов, 1782, с. 463; Месяцослов, 1787, с. 355.). В качестве высшего органа в отношении действий магистрата действовал основанный в соответствии с нормами Армянского судебника Суд девяти, который горожане должны были выбрать из числа жителей, знающих законы. Этот орган осуществлял надзорно-ревизионные и апелляционные функции. Кроме того, Суд девяти должен был совместно с судьями магистрата участвовать в определении суммы сборов с каждого жителя и ежегодно ревизовать счета старосты, который собирал подати (ГАСО, б.д., л. 222 об. –223, 225 об.; Шахазиз, 1903, с. 7). В конце первой трети XIX в. апелляционная власть в отношении решений маги-

страта в связи с рассмотрением жалоб нахичеванцев была закреплена за Екатеринославским палатой гражданского суда (Шахазиз, 1903, с. 30–31).

Полицейская власть находилась под надзором двух судей магистрата. Первым непосредственным руководителем полицейской службы (в справочниках и исторической литературе использовался также термин «городничий») был избран сотник Степан Чалхушьян (Челехушев) (Чалхушьян; Патканян, 1917, с. 81; Месяцослов, 1783, с. 477). Летописец Нахичевани Г. Патканян пишет об этом: «Ловкому молодому человеку отдали в распоряжение полицейскую команду из 5-и конных и 5-и пеших полицейских» (Патканян, 1917, с. 43).

При магистрате состоял городской староста, который «назначается по выбору общества и с утверждения судебного места» (ГАСО, б.д., л. 232–235 об.). В его обязанности входил сбор податей, а также взимание судебных штрафов и ведение прихода и расхода магистрата (РГИА. 1844, л. 95–95 об.).

В 1888 г. в Нахичевани в соответствии с Городовым положением 1785 г. (ПСЗ-I, 1830d) была образована шестигласная дума. Однако новая организация управления оказалась для нахичеванцев малопонятной и неудобной. По ходатайству горожан в Нахичевани было разрешено сформировать собственную систему самоуправления на основе составленного И. Аргутинским «Союза единения». В качестве представительного органа (заменителя думы) был создан Совет 24 попечителей. В 1800 г. он был заменен Советом 36 попечителей, куда входили также городской голова, председатель и заседатели (судьи) магистрата, избираемые жителями колонии. Неизвестно, как долго этот орган существовал в таком расширенном составе. В документах середины XIX в. есть упоминания о Совете 24 попечителей. Однако и в таком составе Совет практически перестал созываться уже во второй четверти XIX в. Его недолгое возрождение было связано с настойчивыми предложениями имперских чиновников создать в Нахичевани городскую думу в соответствии с общероссийскими законами. Не желая изменять сложившийся порядок и опираясь на жалованную грамоту Екатерины II, нахичеванцы сумели получить согласие властей на то, чтобы взамен думы возродить Совет 24 попечителей при городском голове, растянув этот процесс на целое десятилетие (с 1854 г. до 1866 г.).

9 мая 1781 г. был написан устав и сформирован духовный суд Нахичевани из двух судей – старших иереев, и председателя суда вардапета (архимандрита) Карапета (Шахазиз, 1903, с. 141–142, 147; Келле-Шагинов, 2015, с. 246). Каждые понедельник, среду и пятницу духовные судьи должны были рассматривать и решать все духовные вопросы нахичеванского армянского общества, согласно церковным канонам. Известно, что со временем члены духовного суда стали обязаны участвовать в заседаниях городской думы, а судьи магистрата приглашались на собрания духовного суда.

Первые два десятилетия истории Нор-Нахичевана, пока был жив архиепископ Иосиф Аргутинский-Долгорукий, в его власти было решение всех

принципиальных вопросов не только церковной, но и светской жизни, и в частности, касавшихся организации самоуправления. Попытка части городской верхушки ослабить влияние архиепископа Аргутинского в конце XVIII в. путем обвинения в имущественных и прочих злоупотреблениях («абрамовская смута», названная по имени застрельщика кампании подполковника Ивана Абрамовича Абрамова, многие годы руководившего магистратом) оказалась безуспешной (Шахазиз, 1903, с. 191-195). Однако после смерти И. Аргутинского в 1801 г. ситуация изменилась. Епархиальное руководство редко посещало город, а управляло Духовным судом через местных священников, зависимых от городских властей. Не назначив в Нахичевани своего представителя, епархия учредила должность местоблюстителя, отдав ее городскому голове. В итоге городская элита стала решать вопросы, которые были в компетенции Духовного суда, и сумела полностью «подмять» его под себя (Шахазиз, с. 147-150). Авторитет церковного суда упал, он «превратился в орган магистрата и городского головы» (Патканян, 1917, с. 58; Бархударян, 1996, с. 54).

Нахичевань-на-Дону в течение девяноста лет оставалась, по сути, автаркичным «полисом» со своим сельским округом из пяти сел и примерно двух десятков хуторов (Экономическое состояние, 1863, с. 37). Российские власти высоко оценивали город Нахичевань, называя его одним из лучших городов Новороссийского края, а также благосостояние армянских сел (Бархударян, 1996, с. 81). Поскольку «права и привилегии» (земельные владения, административная автономия, налоговые льготы, освобождение от рекрутского набора...) были дарованы крымским армянам-переселенцам, нахичеванцы старательно сохраняли закрытость армянской колонии, опасаясь, что наплыв новых переселенцев может привести к утрате его особого статуса. Поэтому они отказывали армянам из других регионов в просьбах стать частью местного сообщества (Бархударян, 1996, с. 93). Этнический принцип самоуправления армянской колонии на Дону, утвержденный Екатериной II, воспринимался нахичеванцами как важнейший элемент их самостоятельности. В то же время, как отмечал в 1844 г. сенатор М. Н. Жемчужников, российские власти неоднократно и ясно выражали желание «подчинить армян общему учрежденному в государстве порядку» (РГИА, 1844, л. 96 об.). Действительно, уже с первых лет основания колонии шел процесс достаточно плотного встраивания ее в общероссийскую систему управления, а также постепенного ограничения дарованных льгот и привилегий в других вопросах. В середине XIX в. у Нахичевани из «привилегий» осталась, по сути, только устаревшая система самоуправления, которая, однако же, было полностью подчинена к этому времени российским законам и находилась под неусыпным надзором и контролем вышестоящих властей.

Сдерживание наплыва армян извне не препятствовало притоку рабочей силы (прислуга, чернорабочие, сезонные работники, каменщики, плотники, штукатуры, некоторые ремесленники) из регионов России (Келле-Шагинов,

2015, с. 278). С 1860-х годов с открытием в Нахичевани ряда крупных производств русское население стало прибывать еще активнее. К 1864 г. речь уже шла о 2,5 тыс. православных в Нахичевани (26%), и 1,2 тыс. в сельском округе (Материалы, 1877, с. 73, 189). Охранительный сценарий не мог остановить изменение этнического состава населения Нахичевани, структур повседневности и традиционного строя жизни в условиях бурного промышленного развития региона.

Во второй половине XIX в. увеличение численности русского населения Нахичевани и его бесправное положение стало веским основанием для требований упразднения особого статуса города (Городские поселения, 1861, с. 77). Предлагалось, как минимум, «без нарушения привилегий ... преобразовать общественное их управление, с допущением некоторого участия в сем управлении местных жителей – русских и иностранных гостей» (Материалы, 1877, с. 202–203). Министерство внутренних дел склонялось к тому, что привилегии «иметь свой суд и расправу, нисколько не относятся до городского общественного управления» (Материалы, 1877, с. 205).

Не менее значимым доводом в пользу преобразований стали обвинения в архаичной организации и крайне низкой эффективности армянского самоуправления в Нахичевани. Соединение управленческих, судебных и полицейских функций в магистрате в середине XIX в. противоречило новым общероссийским реалиям и тенденциям в организации общественного управления. Объединение всех армян переселенцев из Крыма – как горожан, так и поселян, в одно сообщество – также вызывало у начальства вопросы об «обоснованиях призыва поселян армянских селений к участию в собраниях общества собственно по делам городского хозяйства» (НАА, 1866, л. 3).

Преобразования городского управления

Процесс преобразований в Нахичевани-на-Дону был запущен в 1850-е годы и завершился в 1872 г. переходом к общероссийской модели городского общественного самоуправления в соответствии с Городовым положением 1870 г. Между этими двумя датами вместился период промежуточных решений, вызванных нежеланием нахичеванцев отказываться от привычных форм общественного управления и боязнью потерять дарованные «права и преимущества». Так, в 1854 г. началось обсуждение проекта преобразования городского управления в некоторых городах Новороссийского края и Бессарабской области, инициированное министерством внутренних дел. Обсуждение и согласование связанных с этим вопросов затянулось до 1857 г. В июне 1857 г. в соответствии с предписанием Таганрогского градоначальника в Нахичевани собранием общества было предложено не менять сложившуюся структуру управления, но вернуться к прошлому опыту и воссоздать выборный совет 24-х опекунов, а в помощь городскому голове назначить четырех горожан.

Однако до середины 1860-х годов это решение не было реализовано (НАА, 1854, л. 4-48 об.). В феврале 1864 г. под контролем Екатеринославского губернского правления были проведены двухступенчатые выборы (на первом этапе избирали выборщиков – по 75 чел. от дворян и купцов, и столько же – от мещан, на втором – избирались сами опекуны) и сформирован совет 24 опекунов в качестве заместителя городской думы (НАА, 1866, л. 2; НАА, 1865-1869, л. 79-83).

В 1865 г. Нахичеванский магистрат утратил функции полицейского органа в связи с передачей полномочий Ростовскому полицейскому управлению по прямому указанию генерал-губернатора Екатеринославской губернии. Нахичевань-на-Дону составила третий участок единого управления. (Бархударян, 1996, с. 336; ПСЗ-II, 1873). Все попытки Нахичевани создать в городе собственное полицейское управление даже с финансированием за счет городского бюджета оказались безуспешными, натолкнувшись на плохо скрываемое нежелание властей (НАА, 1869, л. 16 об.-17; НАА, 1870, л. 7-28 об.; ГАРО, 1872-1876, л. 1-20 об.).

Еще один промежуточный орган – шестигласная дума – был создан в 1866 г. Однако он так и не стал реально функционирующим, поскольку по итогам согласований было решено в связи с ожидаемыми реформами городского управления оставить пока на прежних основаниях общественное управление в Нахичевани (НАА, ф. 139, оп. 1, д. 197). В 1866 г. были утверждены «Правила об упразднении магистратов и судебных ратуш». Но Нахичевань добилась небольшой отсрочки, получив право на создание временного упрощенного городского управления. В 1869 г., когда в Екатеринославской губернии были введены в действие Судебные уставы 20 ноября 1864 г., Нахичеванский магистрат потерял остатки судебной власти по гражданским делам (НАА, 1869, л. 24, 45), сохранив лишь некоторые хозяйственные и распорядительные функции (НАА, 1869, л. 2-2 об., 5, 16 об., 45). В 1870–1871 гг. оставшиеся от магистрата части были подчинены городскому голове, а магистрат официально упразднен (НАА, 1869, л. 46 об.-47).

Так закончилась не только история магистрата, но и девяностолетнее существование самобытного армянского общественного управления, основанного на жалованной грамоте Екатерины II и так называемых «правах и обыкновениях» крымских армян. Нахичевань-на-Дону превратился в обычный заштатный город, хотя и с преобладающим в демографическом и социально-экономическом отношении армянским населением. Одновременно с этим произошло упразднение армянского округа и прямое подчинение армянских сел уездным властям. В 1875 г. жители армянских сел были окончательно переведены «в общий состав сельских обывателей». Их причислили к разряду поселян-собственников и подчинили ведению общих учреждений. Общественное управление в селениях решено было устроить на основаниях «Общего положения о крестьянах» 19 февраля 1861 года, все делопроизводство вести на русском языке. Еще более чувствительным для поселян стало подчи-

нение их общим правилам при отбывании общей воинской, а равно воинской квартирной повинностям (ПСЗ-II, 1877).

Окончательный и полный переход к общероссийской модели городского общественного управления произошел в результате введения Городового положения 1870 г. (ПСЗ-II, 1874). В августе 1872 г. были избраны и приведены к присяге гласные Нахичеванской городской думы, а 12 сентября новоизбранный городской голова Е. Г. Ходжаев вступил в должность и открыл первое заседание городской управы, (ГАРО, 1872–1878, л. 12, 24). Состав Нахичеванской городской думы в соответствии с нормами Городового положения включал в себя 72 гласных, в управу было избрано семь членов, двое из которых получали жалованье. Состав управы показывает прямую преемственность власти в Нахичевани-на-Дону: ее члены были представителями городской элиты, в том числе неоднократно занимавшими выборные должности в городском управлении в прежние годы, и они отличались определенным консерватизмом. Достаточно компактная группа лиц, связанных в том числе родственными узами (отец и сын, братья и т.д.), из года в год занимала должности в городском управлении (Батиев, 2021, с. 13–18; Батиев, 2021а, с. 88–98).

Тем не менее, следует отметить существенное увеличение числа избирателей, которые приняли участие в избрании гласных, и в особенности несопоставимое с прежними число самих гласных представителей нахичеванского общества в думе. Сословный состав думы был преимущественно купеческим (более 72%) (ГАРО, 1874, л. 1-3; ГАРО, 1875. Л. 1-5, 7). Произошло также и расширение управленческой элиты. Со временем среди гласных Нахичеванской городской думы появляются представители иных сословий и профессий: юристы, врачи, архитектор... В условиях общероссийских реформ и бурного социально-экономического развития страны обновление городской власти на основе Городового положения 1870 г. способствовало последующей экономической и социокультурной модернизации Нахичевани.

Этнический состав Нахичеванской городской думы и управы оставался вплоть до 1917 г. практически полностью армянским, даже несмотря на то, что в начале XX в. численное преобладание получило русское население. Избирательная система, основанная на имущественном цензе, была в этом отношении союзником городской армянской элиты. Даже на выборах в думу на 1913–1917 гг., несмотря на грубое вмешательство Ростовского градоначальника И. Н. Зворыкина, своей властью внесшего в избирательные списки дополнительно 213 русских избирателей (25% от прежнего списка), абсолютное большинство получили гласные из армян (45 мест из 60) (Батиев, 2020, с. 160–177). Такое доминирование в органах городского общественного управления позволяло беспрепятственно реализовывать городскую политику с учетом этнокультурного и религиозного своеобразия.

Коренный переворот произошел в 1917 г.: в Думе, избранной по новым демократическим законам («четырёххвостка») из 64 гласных, лишь 14 были

этническими армянами (Сидоров, 1999, с. 56). Армянское население Нахичевани-на-Дону утратило весомый инструмент сохранения этнокультурной идентичности. Нужно отметить, что проблема постепенной ассимиляции, искажения и забвения родного языка осознавалась в Нахичевани задолго до 1917 г. Так, еще в середине XIX в. Микаэл Налбандян писал о том, что «в настоящее время нахичеванец говорит скорее по-русски и по-татарски, потому что из ста слов едва осталось тридцать или сорок собственно армянских» (Налбандян, 1968, с. 324–325). Полвека спустя Е. Шахазиз также указывал:

«нахичеванский разговорный язык, ... в городе близок к исчезновению, так как молодое поколение уже почти не говорит по-армянски, а в устах старого поколения этот язык потерял все качества независимого, самостоятельного языка и превратился в грубый уличный «жаргон» на котором нельзя вести связной беседы, нельзя выразить ни одной содержательной и отвлеченной мысли, в нем больше татарских и русских слов, чем армянских, в нем многие обороты и даже целые предложения выражаются на русском языке» (Шах-Азиз, 2005, с. 162).

Озабоченность проблемой сохранения родного языка и этнокультурной идентичности в новых условиях (после утраты доминирования в органах городского управления) стала причиной создания «Нахичеванской на Дону армянской общины» – первой национально-культурной автономии. Армянская интеллигенция Нахичевани и Ростова-на-Дону, совместно с представителями торгово-промышленной и финансовой верхушки, сформировала ее в целях «управления культурной жизнью» членов общины. Конкретные задачи, вписанные в устав общины, предполагали, помимо заботы о просвещении армян, поддержку культурно-просветительных и благотворительных учреждений и армянской печати, а также «призрение» армян Ростова и Нахичевани и заботу об «экономическом развитии» (Армянский настольный календарь, 1918, с. 15). Существование «Нахичеванской на Дону армянской общины» должно было прекратиться с установлением Советской власти на Дону, в соответствии с «Постановлением об упразднении армянских национальных советов, советов обороны, военно-революционных комитетов и других буржуазных армянских организаций» (Декреты Советской власти, 1964, с. 15).

Выводы

Нахичеванская армянская колония на протяжении девяноста лет сохраняла дарованную центральной властью автономию в вопросах внутреннего управления, несмотря на постепенное сокращение и упразднение ряда других прав и привилегий. Созданная нахичеванцами организационно-правовая система самоуправления обеспечивала внутреннюю стабильность, возможность экономического развития колонии и сохранения этнокультурной идентичности. Переход на общероссийскую модель городского общественного управления был обусловлен общими буржуазно-демократическими преобразованиями в стране. И хотя нахичеванская армянская элита сохраняла доми-

нирование в городском управлении, однако остановить процессы ассимиляции, ставшие очевидными в середине XIX в., и особенно усилившиеся в связи с превращением армян Нахичевани в городское этническое меньшинство в начале XX в., она оказалась не в состоянии.

Благодарности

Статья выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № 122020100350-2

Список литературы

- Алексеев, К. (1870). Изложение законоположений в Армянском судебнике. Университетская типография.
- Араджioni, М. А. (2008). Формирование армянских общин в Восточном Крыму (конец XVIII – первая половина XIX веков) (с. 79–93). ЧП «Предприятие Феникс».
- Армянский настольный календарь на 1919 год, с приложениями и иллюстрациями. (1918). Типография товарищества на вере «Ашхатанк».
- Бархударян, В. Б. (1996). История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Айастан.
- Батиев, Л. В. (2020). «Нахичеванская армянская община»—Первая форма национально-культурной автономии на Дону в 1918–1919 гг. *Новое Прошлое*, 4, 160–177. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-4-160-177>
- Батиев, Л. В. (2021a). Нахичеванская-на-Дону Городская дума во второй половине XIX в. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 3, 13–18.
- Батиев, Л. В. (2021b). Первая городская управа Нахичевани-на-Дону: Происхождение, структура и состав. *История: факты и символы*, 1, 88–98. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2020-26-1-88-98>
- Батиев, Л. В. (2021c). Численность и этнический состав населения Нахичевани-на-Дону: Перепись 1897 vs данные полицейского учета. *Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы IV Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2021 г)*, 90–98.
- Богданян, А. М. (1989). *Из прошлого: Краткий исторический очерк*. Ростовское книжное издательство.
- Городские поселения в Российской Империи (Т. 2). (1861). Типография товарищества «Общественная польза».
- Государственный архив Ростовской области (ГАРО). (б. д.-а). Ф. 91, оп. 1. Д. 15.
- Государственный архив Ростовской области (ГАРО). (б. д.-b). Ф. 91. Оп. 1. Д. 18.
- Государственный архив Ростовской области (ГАРО). (б. д.-c). Ф. 91. Оп. 1. Д. 118.
- Государственный архив Ростовской области (ГАРО). (б. д.-d). Ф. 91. Оп. 1. Д. 123.
- Государственный архив Ростовской области (ГАРО). (б. д.-e). Ф. 91. Оп. 1. Д. 183.

- Государственный архив Саратовской области. (б. д.). Ф. 660. 1 оп. Д. 477.
- Декреты Советской власти: Т. III. (1964). Политиздат.
- Келле-Шагинов, М. И. (2015). *Моя единственная жизнь. Воспоминания и дневники. «Старые русские».*
- Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи: (Городовое положение 16 июня 1870 г.):* Т. I. (1877). Типография министерства внутренних дел.
- Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1781 от Рождества Христова.* (1781). Императорская Академия Наук.
- Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1782 от Рождества Христова.* (1782). Императорская Академия Наук.
- Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1783 от Рождества Христова.* (1783). Императорская Академия Наук.
- Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1787 от Рождества Христова.* (1787). Императорская Академия Наук.
- Налбандян, М. Л. (1968). Дневник. В *Сочинения* (Т. 1, сс. 324–325). Ереван.
- Национальный архив Армении (НАА). (б. д.-а). Ф. 139. Ново-Нахичеванский армянский магистрат (1780-1918 гг.) *Опись 1.* Ф. 329. Д. 87.
- Национальный архив Армении (НАА). (б. д.-b). Ф. 139. Оп. 1. Д. 197.
- Национальный архив Армении (НАА). (б. д.-c). Ф. 139. Оп. 1. Д. 240.
- Национальный архив Армении (НАА). (б. д.-d). Ф. 139. Оп. 1. Д. 249.
- Национальный архив Армении (НАА). (б. д.-e). Ф. 139. Оп. 1. Д. 251.
- Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 год.* (1864). Типография Я. Чаусского.
- Патканян, Г. С. (1917). *История Новой Нахичевани.* С.Ю. Авагян. (На армянском).
- Погосян, Ф. Г. (1962). Астраханский Армянский судебник. *Вестник Матенадарана*, 6, 171–195.
- Погосян, Ф. Г. (1967). *Астраханский Армянский судебник.* Издательство АН АССР. (На армянском).
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (в 48 томах). ПСЗ-1: Т. 20. № 14942. (1830a).* Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (в 48 томах). ПСЗ-1: Т. 21. № 15700. (1830b).* Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (в 48 томах). ПСЗ-1: Т. 22. № 15908. (1830c).* Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (в 48 томах). ПСЗ-1: Т. 22. № 16187. (1830d).* Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (в 48 томах). ПСЗ-1: Т. 24. № 18033. (1830e).* Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (в 48 томах). ПСЗ-1: Т. 25. № 18811. (1830f).* Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (в 48 томах). ПСЗ-1: Т. 26. № 19741. (1830g).* Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.

- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: В 55 томах. (ПСЗ-II): Т. 6. № 4842. (1877a). Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: В 55 томах. (ПСЗ-II): Т. 11. № 8970. (1877b). Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: В 55 томах. (ПСЗ-II): Т. 13. № 10976. (1877c). Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: В 55 томах. (ПСЗ-II): Т. 43. № 45541. (1877d). Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: В 55 томах. (ПСЗ-II): Т. 45. № 48498. (1877e). Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: В 55 томах. (ПСЗ-II): Т. 50. № 54506. (1877f). Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: В 55 томах. (ПСЗ-II): Т. 50. № 54506. (1877g). Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (б. д.). Ф. 1405, оп. 42, д. 6812.
- Сидоров, В. (1999). Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону (Т. 5). Гефест.
- Смирнов, С. Д. (1905). К вопросу о населении, рождаемости и смертности г. Ростова-на-Дону. Электрпеч. М.И. Турцевич.
- Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Часть 1. (2014). Издательство ЕГУ.
- Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Часть 3. (2014). Издательство ЕГУ.
- Статистический сборник по г. Ростову-на-Дону. 1-я часть. № 1-6. Январь-июнь 1914. (1915). Издание Ростовской на Дону городской управы.
- Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. (1829). Типография Ивана Глазунова.
- Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных уставов 20 ноября 1864 года (по 32 губерниям). Часть I. (1866). Типография при Правительствующей Сенате.
- Хачатурян, В. А. (1963). Административно-правовое положение астраханских армян во второй половине XVIII века. Известия Академии наук Армянской ССР. Серия: «Общественные науки», 12, 57-68.
- Чалхушьян, Г. Х. (2000). История города Ростова-на-Дону. Историческая записка о городе Ростове-на-Дону. Глава XV. http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=802
- Шахазиз, Е. (1903). Исторические зарисовки. Типография Т.М. Ротиняна. (На армянском).
- Шах-Азиз, Е. (2005). Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана. ЗАО «Книга».
- Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-62 г. Часть первая. (1863). Типография К. Вульфа.

References

- A statistical representation of the cities and towns of the Russian Empire to 1825.* (1829). Ivan Glazunov Printing House. (In Russian).
- Alekseev, K. (1870). *Description of legal provisions in the Armenian Judicial Code.* University Printing House. (In Russian).
- Aragioni, M. A. (2008). *Formation of Armenian Communities in Eastern Crimea (late 18th century to the first half of the 19th century)* (pp. 79–93). The Phoenix company. (In Russian).
- Armenian desk calendar for 1919, with appendices and illustrations.* (1918). Printing house of the “Ashkhatank” partnership. (In Russian).
- Barkhudarian, V. B. (1996). *History of the Armenian colony of New Nakhichevan (1779-1917).* Ayastan. (In Russian).
- Batiyev, L. V. (2020). “The Nakhichevan Armenian Community” – The First Form of National Cultural Autonomy on the Don in 1918-1919. *The New Past*, 4, 160–177. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-4-160-177> (In Russian).
- Batiyev, L. V. (2021a). Nakhichevan-on-Don City Council in the second half of the 19th century. *Vestnik Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 3, 13–18. (In Russian).
- Batiyev, L. V. (2021b). First Town Government of Nakhichevan-On-Don: Origin, Structure and Composition. *History: Facts and Symbols*, 1, 88–98. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2020-26-1-88-98> (In Russian).
- Batiyev, L. V. (2021c). Population Size and Ethnic Composition of Nakhichevan-on-Don: 1897 Census versus Police Records. *The Armenians of the South of Russia: History, Culture, Common Future: Materials of the IV International Scientific Conference (Rostov-on-Don, September 28-29, 2021)*, 90–98. (In Russian).
- Bogdanian, A. M. (1989). *From the Past: A Brief Historical Sketch.* Rostov Book Publishers. (In Russian).
- Chalhushian, G. H. (2000). *History of Rostov-on-Don. Historical note about the city of Rostov-on-Don. Chapter XV.* http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=802 (In Russian).
- Collection of Acts Relating to a Review of the History of the Armenian People. Part 1.* (2014). YSU Press. (In Russian).
- Collection of Acts Relating to a Review of the History of the Armenian People. Part 3.* (2014). YSU Press. (In Russian).
- Commemorative book of Yekaterinoslav Governorate for 1864.* (1864). The printing house of J. Chausky. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (in 48 volumes). PSZ-I: Vol. 20. No 14942.* (1830a). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (in 48 volumes). PSZ-I: Vol. 21. No 15700.* (1830b). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).

- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (in 48 volumes). PSZ-I: Vol. 22. No 15908. (1830c). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (in 48 volumes). PSZ-I: Vol. 22. No 16187. (1830d). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (in 48 volumes). PSZ-I: Vol. 24. No 18033. (1830e). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (in 48 volumes). PSZ-I: Vol. 25. No 18811. (1830f). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (in 48 volumes). PSZ-I: Vol. 26. No 19741. (1830g). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2: In 55 volumes. (PSZ-II): Vol. 11. No 8970. (1877b). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2: In 55 volumes. (PSZ-II): Vol. 13. No 10976. (1877c). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2: In 55 volumes. (PSZ-II): Vol. 43. No 45541. (1877d). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2: In 55 volumes. (PSZ-II): Vol. 45. No 48498. (1877e). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2: In 55 volumes. (PSZ-II): Vol. 50. No 54506. (1877f). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2: In 55 volumes. (PSZ-II): Vol. 50. No 54506. (1877g). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2: In 55 volumes. (PSZ-II): Vol. 6. No 4842. (1877a). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).*
- Decrees of the Soviet government: Vol. III. (1964). Politizdat. (In Russian).*
- Judicial and Statistical Information and Considerations on the Introduction of the Judicial Statutes of November 20, 1864 (in 32 provinces). Part I. (1866). Typography under the Governing Senate. (In Russian).*
- Kelle-Shaginov, M. I. (2015). My Only Life. Memories and Diaries. "Old Russians". (In Russian).*

- Khachatryan, B. A. (1963). Administrative and legal status of the Astrakhan Armenians in the second half of the 18th century. *Proceedings of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. Series: "Social Sciences"*, 12, 57–68. (In Russian).
- Materials concerning the new social structure in the cities of the empire: (Town regulations of June 16, 1870):* Vol. I. (1877). Printing house of the Ministry of the Interior. (In Russian).
- Monthly list of officials in the state for the summer of 1781.* (1781). Imperial Academy of Sciences. (In Russian).
- Monthly list of officials in the state for the summer of 1782.* (1782). Imperial Academy of Sciences. (In Russian).
- Monthly list of officials in the state for the summer of 1783.* (1783). Imperial Academy of Sciences. (In Russian).
- Monthly list of officials in the state for the summer of 1787.* (1787). Imperial Academy of Sciences. (In Russian).
- Nalbandian, M. L. (1968). Diary. In *Works* (Vol. 1, pp. 324–325). Erevan. (In Russian).
- National Archives of Armenia (NAA). (б. д.-а). Ф. 139. Ново-Нахичеванский армянский магистрат (1780-1918 гг.) *Опись 1. Ф. 329. Д. 87.* (In Russian).
- National Archives of Armenia (NAA). (n. d.-b). F. 139. In. 1. C. 197. (In Russian).
- National Archives of Armenia (NAA). (n. d.-c). F. 139. In. 1. C. 240. (In Russian).
- National Archives of Armenia (NAA). (n. d.-d). F. 139. In. 1. C. 249. (In Russian).
- National Archives of Armenia (NAA). (n. d.-e). F. 139. In. 1. C. 251. (In Russian).
- Patkanyan, G. S. (1917). *History of New Nakhichevan*. S.Y. Avagyan. (In Armenian).
- Poghosyan, F. G. (1962). Astrakhan Armenian Judicial Code. *Matenadaran Bulletin*, 6, 171–195. (In Russian).
- Poghosyan, F. G. (1967). *Astrakhan Armenian Judicial Code*. Publishing House of the Academy of Sciences of the ASSR. (In Armenian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.). F. 1405, In. 42, C. 6812. (In Russian).
- Shah Aziz, E. (2005). *New Nakhichevan and New Nakhichevanites. Surb Khach Monastery of New Nakhichevan*. Kniga. (In Russian).
- Shahaziz, E. (1903). *Historical Sketches*. Printing house of T.M. Rotinyan. (In Armenian).
- Sidorov, V. (1999). *Encyclopedia of old Rostov and Nakhichevan-on-Don* (Vol. 5). Gefest. (In Russian).
- Smirnov, S. D. (1905). *On the Population, Birth Rate, and Mortality in Rostov-on-Don*. Jeletropech. M.I. Turcevich. (In Russian).
- State Archive of Saratov Region. (n. d.). F. 660. 1 In. C. 477. (In Russian).
- State Archive of the Rostov Region (SARR). (n. d.-a). F. 91, In. 1. C. 15. (In Russian).
- State Archive of the Rostov Region (SARR). (n. d.-b). F. 91. In. 1. C. 18. (In Russian).
- State Archive of the Rostov Region (SARR). (n. d.-c). F. 91. In. 1. C. 118. (In Russian).
- State Archive of the Rostov Region (SARR). (n. d.-d). F. 91. In. 1. C. 123. (In Russian).

State Archive of the Rostov Region (SARR). (n. d.-e). F. 91. In. 1. C. 183. (In Russian).

Statistical collection for the city of Rostov-on-Don. Part 1. № 1-6. January-June 1914. (1915). Publication of the Rostov-on-Don City Council. (In Russian).

The Economic Condition of Urban Settlements in European Russia in 1861-62 Part One. (1863). K. Wolfe Printing Works. (In Russian).

Urban settlements in the Russian Empire (Vol. 2). (1861). Printing house of the “Public Benefit” partnership. (In Russian).

Judaic Communities of the Crimea and Internal Colonization in the Russian Empire (at the end of 18th – on the First Half of 19th Centuries)

Dmitry A. Prokhorov¹ & Elena V. Latysheva²

V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Simferopol, Russia

Received: 28 August 2022 | Revised: 25 October 2022 | Accepted: 11 November 2022

Abstract

At the end of the 18th – in the beginning of the 19th century in Crimea there took place significant changes in the ethnic and confessional spheres. The eviction of Christians, the mass emigration of the Crimean Tatars led to a reduction in the population. The Russian authorities have begun to implement measures to settle Novorossia in general and Crimea in particular with colonists from internal provinces and migrants from abroad. One of the main issues in the study of the past of the Jewish communities of Crimea is the problem of transforming the identity of the old-time population. The domestic policy of the Russian government in the “national regions” at the end of the 18th – in the first half of the 19th century greatly complicated interethnic and interfaith relations both between Jewish rabbis and representatives of the “titular” nation of the empire, and between the Karaite and rabbinic communities of Crimea. The Karaites had to prove their difference from the Rabbinical Jews in order to achieve civil and economic preferences. The assistance of the government in many matters allowed the Karaites to strengthen their economic and legal position. The paper analyzes the legislative acts and resolutions adopted by the Russian government in relation to Jewish rabbis and Karaites. In the legal field of the Russian Empire, the Karaites received a new legal status according to which they were granted various rights and freedoms. On the other hand, the tax burden and social oppression against the Jewish population increased.

Keywords

Russian Empire; Crimea; Novorossia; Jews; Karaites; Colonization; Migration; Legislation; Economy; Religious Communities

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: prohorov1da@yandex.ru

2 Email: elenakfu@yandex.ru

Иудейские общины Крыма и внутренняя колонизация в Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX века)

Прохоров Дмитрий Анатольевич¹, Латышева Елена Владимировна²

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. Симферополь, Россия

Рукопись получена: 28 августа 2022 | Пересмотрена: 25 октября 2022 | Принята: 11 ноября 2022

Аннотация

В конце XVIII – начале XIX в. в Крыму произошли существенные изменения в этнической и конфессиональной сферах. Выселение христиан, массовые эмиграции крымских татар привели к сокращению численности населения. Российские власти приступили к осуществлению мероприятий по заселению Новороссии в целом и Крыма в частности колонистами из внутренних губерний и мигрантами из-за рубежа. Одним из основных вопросов в изучении прошлого иудейских общин Крыма является проблема трансформации идентичности старожильского населения. Внутренняя политика российского правительства в «национальных регионах» в конце XVIII – первой половине XIX в. в значительной степени осложнила межнациональные и межконфессиональные взаимоотношения как между евреями-раввинистами и представителями «титულიной» нации империи, так и между караимской и раввинистической общинами Крыма. Караимам предстояло доказать своё отличие от евреев-раввинистов для получения гражданских прав и достижения экономических преференций. Содействие правительства во многих вопросах позволило караимам упрочить своё экономическое и правовое положение. В публикации проанализированы законодательные акты и постановления, принятые российским правительством в отношении евреев-раввинистов и караимов. В правовом поле Российской империи караимы получили новый юридический статус, по которому им предоставлялись различные права и свободы. С другой стороны, усиливалось налоговое бремя и социальный гнёт в отношении еврейского населения.

Ключевые слова

Российская империя; Крым; Новороссия; евреи; караимы; колонизация; миграция; законодательство; экономика; религиозные общины

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: prohorov1da@yandex.ru

2 Email: elenakfu@yandex.ru

Введение

После трёх разделов Речи Посполитой между Российской империей, Прусским королевством и Габсбургской монархией в 1772, 1793 и 1795 гг. наряду с присоединением территорий, где проживали представители иудейских общин, наблюдался активный рост численности еврейского населения в самой Российской империи, причиной которого стала миграция евреев из-за рубежа. Например, в 1770–1780-х гг. в материковые губернии России переселялись евреи из Польши и Галиции, отошедшей после первого раздела Польши к Австрии. Манифестом 4 декабря 1762 г. разрешалось всем «иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России», а евреи по указу от 16 ноября 1769 г. получили право на жительство в Новороссийском крае. Миграция евреев и караимов из Галиции и Герцогства Варшавского в Россию продолжилась в начале XIX в. По некоторым оценкам, в период с 1772 по 1827 гг. сюда добровольно или вынужденно иммигрировали несколько десятков тысяч евреев, большинство которых осело в Новороссии, в том числе, и в Бессарабии (Куповецкий, 1994, стлб. 382; ПСЗ РИ, 1830а, сс. 126–127; ПСЗ РИ, 1830b, с. 1018).

Одним из наиболее привлекательных в экономическом плане регионов для переселенцев стал Крым, на территории которого после присоединения к России была образована Таврическая область. Начиная с 1783 г., российские власти осуществляли мероприятия по заселению полуострова, так как в период политической и военной борьбы в этом регионе происходила значительная миграция жителей, и многие его населённые пункты фактически опустели. С одной стороны, причиной послужил вывод А. В. Суворовым христианской части жителей Крыма в 1778 г., а с другой – эмиграция значительной части крымских татар в Турцию и на Кубань (в дальнейшем было зафиксировано несколько крупных эмиграционных волн крымских татар). Русско-турецкая война 1768–1774 гг., военные действия на полуострове в период правления последнего крымского хана Шагин-Гирея, эпидемия чумы, свирепствовавшая в Крыму в 1783–1784 гг., крайне негативно отразились на состоянии региона.

Иудейские общины в Новороссии и в Крыму в конце XVIII – первой половине XIX века

Под руководством правителя Новороссии, светлейшего князя Г. А. Потёмкина, созданное из представителей российской администрации и крымско-татарской знати «Крымское правительство» (1784–1787), а затем и пришедшее ему на смену Таврическое областное правление (с 1787 по 1796 гг.) занимались вопросами переселения в Крым и обустройства представителей различных категорий населения. Все переселенцы освобождались на полтора года от уплаты податей и на три года от постоя войск. В 1785 г. по распоряжению

Г. А. Потёмкина весь скот, оставшийся после первой волны эмиграции крымских татар, предложено было передать в распоряжение колонистов, а местной администрации рекомендовалось «приложить своё старание о действительном и порядочном оных поселении с доставлением им всех предписанных выгод и пособий» (Муравьев, 1867, с. 603).

По данным составленного в 1784 г. генерал-поручиком бароном О. А. Игельстромом «Камерального описания Крыма», на полуострове всего проживало 140 тыс. человек; из них – более 50 тыс. мужчин нехристианского населения, в том числе и 1407 «жидов» (евреев-раввинистов, крымчаков, а также караимов) (Лашков, 1916, с. 159). 23 декабря 1791 г. Екатерина II подписала указ «О предоставлении евреям прав гражданства в Екатеринославском наместничестве и Таврической губернии», согласно которого евреям разрешалось постоянное жительство в Белоруссии и Новороссии, но одновременно воспрещалась запись в купечество (в частности, в Москве) (ПСЗ РИ, 1830с, с. 287). Этот документ фактически положил начало введению черты еврейской оседлости. На Крымский полуостров активно переселялись еврей-ашкеназы, которые впоследствии обосновались в Керчи, Симферополе, Севастополе, Евпатории, Феодосии.

С 1791 г. евреям-раввинистам разрешили селиться в Новороссийском крае (в Екатеринославской, Херсонской губерниях и в Таврической области, а с 1812 г. – и в Бессарабской области). С 1794 г. евреи получили право на проживание в северо-восточных губерниях Украины (в Киевской, Черниговской и Полтавской). Указом от 23 июня 1794 г. для евреев, проживавших в Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской губерниях и в Таврической области Екатерина II установила двойную норму налогообложения. «Позволив евреям отправлять мещанские и купеческие промыслы их <...> записываться по городам в мещанство и купечество, – говорилось в этом документе, – повелеваем с тех из упомянутых евреев, которые таковым дозволением пользоваться желают, собирать с 1 числа следующего июля установленные подати вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий». Тем же из евреев, кто не изъявил желаний остаться в российском подданстве, по уплате ими трёхлетней двойной подати разрешалось покинуть пределы империи. Указом от 1 мая 1800 г. евреев, которые были не в состоянии уплатить подать за три года, велено было высылать за границу, а бродяг «иностранный нации» – отправлять на рудокопные заводы, как это было в Курляндской губернии (ПСЗ РИ, 1830d, с. 532; ПСЗ РИ, 1830h, с. 150). Вскоре евреи, состоявшие в купеческом и мещанском сословиях в местностях, где «им жительство, торги и промыслы дозволены», получили, в соответствии с указом от 21 января 1796 г., право на откуп (по 500 руб. за 1 чел.) от обязанности предоставлять из своей среды рекрутов для военной службы (ПСЗ РИ, 1830g, с. 857–858).

Что касается караимского населения полуострова, то ещё во второй половине XVIII в., благодаря тесным связям с караимскими общинами Литвы, в Крым переехала группа караимских интеллектуалов из Луцка (среди них были Й.-Ш. Луцкий, А. Й. Луцкий, А. С. Фиркович, М. Султанский и Д.-М. Мордкович (Кокизов) (Гаммал, 2012, с. 267–270). Представители караимских общин западных регионов внесли заметный вклад в распространение идей Гаскалы (еврейского Просвещения) среди караимских общин Крыма. В свою очередь, миграция караимов из западных губерний на юг России обуславливалась постепенным угасанием общин Польши и Литвы и, напротив, экономическим ростом вновь присоединённого региона и перспективами, открывавшимися перед переселенцами в Крыму (Гаммал, 2012, с. 270).

Караимы Крыма поначалу тоже подпадали под действие антиеврейского законодательства, поскольку различия между ними и евреями-раввинистами местные власти не делали, обозначая их во всех документах как «евреев-караимов». Представители светской и духовной элиты караимской общины, стремившейся получить экономические и другие льготы, обратились к высшей администрации с прошениями. В частности, они выступили перед правителем Таврической области генерал-майором С. С. Жегулиным и правителем Новороссии и Бессарабии графом П. А. Зубовым с ходатайствами об освобождении их от уплаты двойного промыслового налога. В 1795 г. в Санкт-Петербург отправилась делегация, представлявшая интересы караимов, для того, чтобы лично передать это ходатайство. В конечном итоге эта миссия завершилась успехом, и 8 июня 1795 г. по рескрипту императрицы Екатерины II крымские караимы были освобождены от двойного налогообложения, уплаты «рекрутских» денег и солдатского постоя (ПСЗ РИ, 1830е, с. 705–706). Таким образом, караимов «изъяли от уплаты» дискриминационного налога, установленного для российских евреев.

При составлении различных прошений и ходатайств во властные структуры караимские светские лидеры часто использовали формулировки, которые должны были продемонстрировать их различие с евреями-раввинистами – очевидно, это было сделано для достижения новых правовых льгот и дополнительных экономических преференций. Например, в одном из таких прошений, авторство которого принадлежало купцу, будущему караимскому гахаму Симхе бен Шеломо Бабовичу, говорилось, что «с самого переселения своего в Крым караимы приняли одежду татар, от коих не разнятся и нравами. Преимущественно они занимаются извозом, частью земледелием и обработыванием огородов. По покорению Крыма Россиею главное местное начальство неоднократно свидетельствовало о хорошем их поведении, честности и трудолюбии». В свою очередь, в заключении министра внутренних дел графа Л. А. Перовского, сделанном о караимах западных губерний Российской империи, говорилось, что они «занимаются хлебопашеством, огородничеством, мелкою торговлею, ремёслами, подрядами <...> и письмоводством,

преданы престолу, трудолюбивы, ведут себя благопристойно, в общении человеколюбивые, не замечаются в преступлениях и вообще отличаются честностью» (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 77, 136; Корева, 1861, с. 123–124; Прохоров, 2017, с. 136–145; Прохоров, 2020, с. 173–174).

Дальнейшие контакты между караимской верхушкой и российской администрацией в сфере гражданского законодательства побудили представителей власти инициировать сбор сведений об истории, этногенезе и основных занятиях караимов, что было вызвано прежде всего практическим интересом, связанным с вопросами инкорпорации караимов в правовое поле Российской империи и интеграции их в российское языковое и культурное пространство (Прохоров, 2019, с. 513–515).

Согласно сведениям, собранным в «Окладной книге о числе душ по V ревизии» на 1 января 1800 г., в уездах Новороссийской губернии проживали 106 купцов – евреев и караимов (в 1804 г. – 111), причём наибольшее их число приходилось на Херсонский уезд – 39 человек (в 1804 г. – 44 человека). В 1801 г. купцы уплатили в казну налоговых сборов на сумму 2134 руб. 71 коп. Мещан насчитывалось 1750 человек (наибольшее число проживало в Тираспольском уезде – 455 человек). Ими было уплачено окладного сбора и подушной подати на сумму 7875 руб. (из расчёта двойного налогообложения евреев – по 4 руб. 50 коп. с чел.), а с учётом прочих выплат – 8182 руб. 50 коп. (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 72 об., 73–74; Прохоров, 2020, с. 419–420).

По предоставленной, согласно указам правительства 1795, 1796 и 1796 гг., 10-летней льготе (указ от 12 мая 1795 г.), в Новороссийской губернии не «положенных в оклад» числилось 505 купцов, 1341 мещанин и 247 евреев (ПСЗ РИ, 1830f, с. 807–809; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 73 об. – 74). После того, как 8 октября 1802 г. указом Сената Новороссийскую губернию разделили на Екатеринославскую, Николаевскую и Таврическую губернии (Херсонский уезд вошёл в состав Николаевской губернии), в Херсонской губернии в 1805 г. насчитывались 43 купца (уплатили налог на сумму 1236 руб.) и 1153 мещанина (евреев и караимов). В Таврической губернии проживало 29 купцов и 451 мещанин из евреев и караимов (ревизией учитывалось только мужское население) (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 5. Л. 84, 86 об.).

В первой половине XIX в. часть караимов иммигрировала из Крыма в Одессу, где наблюдалась наибольшая, по сравнению с другими губернскими городами на юге Российской империи, концентрация представителей купеческого сословия. Статус «порто-франко», присвоенный городу в 1819 г. (он действовал до 1859 г.), привлекал многочисленных купцов из внутренних губерний России, а также из стран Европы. Так, если в 1797 г. в Одессе всего насчитывалось 134 купца, то уже в 1857 г. их было уже 5676 (Донік, 2004, с. 86, 92, 93). Тем не менее, численность переселившихся в Одессу караимов в начале XIX в. была сравнительно небольшой, и местная община состояла лишь из нескольких десятков караимов (в 1845 г. во всём Новороссийском крае их

проживало 3751 человек, тогда как евреев-раввинистов – 95 787) (Пространство и народонаселение, 1848, сс. 357, 362).

В 1802 г. был образован «Комитет по благоустройству евреев», который занимался разработкой законодательства по вопросам, связанным с еврейским населением. 9 декабря 1804 г. правительством было принято «Положение об устройстве Евреев». В документе, статьи которого власти находили «сообразными сколько умеренности и попечению об истинном благе Евреев, столько и основанными на пользах коренных обывателей тех Губерний, где людям сим жить дозволяется», закреплялись права и свободы российского еврейства. Перечислялись территории, где евреи могли жить и торговать (правительство ограничивало их расселение во внутренних губерниях Российской империи, тем самым законодательно утвердив «черту оседлости»). В список местностей, в которых евреям жительство дозволялось, вошла и Таврическая губерния (кроме Севастополя). «Положением» 1804 г. утверждался пункт, по которому «никто из Евреев нигде в России терпим быть не может, если он не будет записан в одном из сих состояний. С Евреями, кои не предъявят в том письменного законом установленного вида, будет поступаемо, как с бродягами, по всей строгости законов». Реформа была призвана решить две основные задачи: улучшить материальное благосостояние евреев и защитить христиан от так называемой «еврейской эксплуатации» (ПСЗ РИ, 1830i, с. 731, 732, 734, 737; Клиер, 2000, с. 98, 109–111, 132). Вскоре в Таврической губернии провели перепись еврейского населения. По окладным книгам 1805 г. в Таврической губернии числилось: купцов из числа евреев – 29 человек, мещан-евреев – 451 (Шабад, стлб. 669).

В 1829 г. император Николай I объявил, что не служащие в армии евреи должны покинуть Севастополь и Николаев. Власти сочли их пребывание там «неудобным и вредным», и «велено им было оттуда переселиться в другие города, где им пребывание дозволено» (из числа евреев оставаться в городе разрешалось находившимся на военной службе солдатам и матросам). 20 ноября 1829 г. правительство подготовило указ «О воспрещении не служащим евреям иметь постоянное пребывания в Севастополе и Николаеве»: «1) Евреи не должны иметь в Севастополе и Николаеве постоянного пребывания, ни заведений для отправления обрядов их, равным образом не могут они приписываться к тамошним городским обществам. 2) Евреи, имеющие ныне в Севастополе и Николаеве оседлость, или только приписанные к этим городам, должны в течение одного года переписаться в другие города, открытые для постоянного их пребывания» (ПСЗ РИ, 1830j, с. 790, Прохоров, 2020, с. 178–179).

Тем же указом объявлялось, что «все сии меры не должны относиться до Евреев Караимов, коим отнюдь не запрещается жить и владеть собственностью в Севастополе и Николаеве на прежнем основании» (ПСЗ РИ, 1830j, с. 791). 10 июня 1830 г. указом «О мерах к переселению евреев из Севастополя и Нико-

лаева» правительство подтвердило разрешение, выданное караимам ранее, и разрешило проживать в этих городах «на прежнем основании» (ПСЗ РИ, 1831, с. 501). К 1832 г. евреи, кроме семей служивших солдат и матросов, были из Севастополя выселены. В 1829 г. Николай I распорядился выслать из Курляндии всех евреев, приехавших туда из других мест, а в 1830 г. евреи были высланы из сел Киевской губернии. В 1837 г. в соответствии с устным распоряжением императора Николая I им запретили вновь селиться в Ялте (Евреи России, 1994, с. 318).

13 апреля 1835 г. вступило в силу новое «Положение о евреях». Данным документом закреплялись новые правила жительства и передвижения евреев в Российской империи. Закон гласил, что отныне евреям разрешалось проживать в губерниях: Гродненской, Виленской, Волынской, Подольской, Минской, Екатеринославской, а также в областях Бессарабской и Белостокской. Помимо этого, евреям было дозволено постоянное жительство с ограничениями: в Киевской губернии (кроме Киева) и в Херсонской губернии (кроме Николаева). Также они могли проживать на территории Таврической губернии, за исключением Севастополя. В Могилёвской и Витебской губерниях евреи получили право проживания исключительно в городах, а в Черниговской и Полтавской губерниях им было дозволено селиться везде, кроме казённых и казачьих селений, «из коих совершилась уже высылка Евреев» (в 1829 г.). В прибалтийских губерниях могли жить только их уроженцы. Так, например, в Курляндской губернии постоянное жительство разрешалось только евреям, уже проживавшим там и записанным по итогам ревизии вместе с их семьями; переселение еврейского населения из других губерний запрещалось. Евреи также получали возможность обосноваться в Лифляндской губернии (в Риге и в Шлоке – посаде Лифляндской губернии Рижского уезда, который находился в 32 вёрстах от Риги), однако с теми же ограничениями, какие действовали в Курляндской губернии (ПСЗ РИ, 1836, с. 309).

Параграф 5 «Положения» гласил, что в западных пограничных губерниях, в сёлах и деревнях, отстоящих от границы ближе 50 вёрст (то есть, в пограничной полосе), евреям воспрещалось «всякое новое водворение». Во внутренние губернии евреям разрешали приезжать не более чем на срок в шесть недель по паспортам, выдаваемым губернаторами. При этом указанные документы должны были выдаваться непосредственно уездными казначействами или городскими думами и магистратами, «с означением, что паспорта сии имеют действие единственно в местах, для постоянного их жительства определённых, или же с объяснением, когда сие нужно, что они выданы для предъявления при перевозках водяных и сухопутных, ограничиваемых чертой ближайшей к оседлости Евреев губернии». В законе специально оговаривалось, что «на отлучки за черту, для постоянного жительства Евреев назначенную <...> они должны испрашивать паспорта от Начальников губернии сверх плакатных» (ПСЗ РИ, 1836, с. 310).

В пункте 10 «Положения» 1835 г. было закреплено, что «во время же самого пребывания за чертой, Евреи, кроме тех же случаев, обязаны носить одежду, употребляемую в местах временного пребывания, без всякого отличия от прочих обитателей одинакового с ними гражданского состояния» (ПСЗ РИ, 1836, с. 310). Но уже в 1840 г. власти приняли окончательный запрет на ношение еврейской одежды, и евреи обязаны были сменить её на «общую, в государстве употребляемую, сообразно с состоянием, к которому они принадлежат» (Мендес-Флор и др., 2003, с. 168). Евреи Царства Польского (то есть евреи, проживавшие в северо-западных губерниях России), которые отправлялись по коммерческим или иным делам в губернии вне «черты оседлости», должны были носить одежду, употребляемую христианами жителями, и не могли отличаться от остального населения «никакими наружными признаками, исключительно свойственным евреям», как это декларировалось законом от 27 февраля 1851 г. Дополнительно в постановлении 1 мая 1851 г. было определено, что генерал-губернаторам предоставлялось право (за определённую плату) разрешать «донашивать Еврейское платье престарелым евреям», если их возраст составлял не менее 60 лет, и если они носили традиционную еврейскую одежду до 1850 г. Наконец, постановлением 12 апреля 1851 г. женщинам-еврейкам запрещалось брить головы, а за нарушение этого правила грозил штраф до 5 руб. серебром (Свод законов, 1857, сс. 266–267).

«Положением» 1835 г. вне черты постоянного жительства евреям дозволялось только временное пребывание, и только в следующих случаях: 1) для получения наследства; 2) для подтверждения законных прав собственности в судебных и правительственных учреждениях; 3) для ведения торговых дел и для торгов на подряды, поставки и откупа, «имеющие совершаться в местах, для постоянной оседлости Евреев определённых» (ПСЗ РИ, 1836, с. 309–310). При этом срок пребывания евреев в губерниях вне «черты оседлости» ограничивался шестью неделями, а следить за неукоснительным исполнением данного распоряжения вменялось в обязанности полиции; дальнейшее нахождение евреев свыше этого срока зависело от губернского правления, и только «по причинам, заслуживающим уважение», но не «далее двух месяцев без решения высшего начальства» (ПСЗ РИ, 1836, с. 310). Если же кто-то из евреев уезжал за границу без разрешения в соответствии с буквой закона, то такие лица исключались из подданства России без права на возвращение. Что касается непосредственно территорий, входивших в «черту оседлости», то здесь евреям («равно как и везде, где дозволено им постоянное пребывание»), было предоставлено право свободно переселяться на общих основаниях, приобретать недвижимость, «кроме имений населённых, владение коими Евреям вовсе воспрещается» (ПСЗ РИ, 1836, с. 310).

Отдельно оговаривались в «Положении» 1835 г. наследственные права евреев:

«Если бы Еврею досталось по наследству имение населённое, то он обязан в течении шести месяцев продать оное; если же сего не исполнить, то оное, по распоряжению правительства, имеет быть продано в его пользу с публичного торга. До продажи имение отдаётся в опеку, а доходы поступают к тому, кому оное по наследству досталось <...> Имение недвижимое ненаселённое, доставшееся Евреям по наследству вне тех мест, где им владение таковым дозволяется, они обязаны продать в тот же срок, какой постановлением выше для имений населённых» (ПСЗ РИ, 1836, с. 310).

Подтверждался запрет христианам работать в домах евреев. Тем не менее, евреи могли задействовать христиан в наёмном труде: а) для выполнения кратковременных работ, а именно – принимать их на службу извозчиками, рабочими на судах, плотниками, каменщиками и пр.; б) для сезонных работ в таких отраслях хозяйствования, как хлебопашество, садоводство, для работы «на землях, собственно Евреям принадлежащих, и особенно в то время, когда нужна первоначальная обработка сих земель»; в) для работ на фабриках и заводах, кроме винокуренных заводов; г) комиссионерами и приказчиками по торговым делам; д) на должностях поверенных, приказчиков и служителей по винным откупам; е) на должностях приказчиков и писарей по содержанию почтовых станций. При этом лицам женского пола из числа христиан, нанимаемых евреями для приготовления пищи и белья служителям из числа христиан, а также для работ на фабриках, принадлежавших евреям, запрещалось проживать в одних домах с евреями, причём без выполнения данного условия наём их на работу запрещался (ПСЗ РИ, 1836, с. 310–311).

Евреи получили право занимать посты в магистратах, думах и ратушах «на том же основании, как избираются на сии должности лица других исповеданий» (§ 77 «Положения») (ПСЗ РИ, 1836, с. 318). Однако после протестов некоторых представителей высшей администрации (в большинстве случаев их инициаторами стали христиане, проживавшие в губерниях «черты оседлости»), это правило уже в 1836 г. было отменено: евреи теперь могли избирать не более одной трети депутатов (Евреи России, 1994, с. 319).

Одним из важных пунктов указа стало требование вести деловую документацию на русском языке, закреплённое в § 18 «Положения» 1835 г.:

«Евреи во всех публичных актах и во всех бумагах, подаваемых или присылаемых ими местам и лицам правительственным, судебным и полицейским, должны употреблять язык Российский, или тот, на котором в месте их пребывания дела производятся, но отнюдь не Еврейский. Сие же самое правило наблюдается ими и при ведении книг, установленных законом для торговых дел» (ПСЗ РИ, 1836, с. 311).

«Положением» закреплялось правило, что евреи должны сохранять наследственную, или на основании законов принятую фамилию, или прозвание, а также имя, данное по вере или при рождении (даже если они принимали христианство и проходили через обряд крещения). Помимо всего прочего, каждый представитель еврейской общины должен был быть приписан

на законном основании к одному из установленных в государстве состояний. В случае же несоблюдения тем или иным евреем данного правила с ним могли поступать, как с бродягой (ПСЗ РИ, 1836, с. 311).

Что касается гражданских прав караимов, они закреплялись § 21 Первой главы «Положения» 1835 г.: «Караимы, где таковые находятся, сверх прав, сим положением Евреям предоставляемых, пользуются ещё и теми, кои предоставлены им особенными грамотами и постановлениями» (ПСЗ РИ, 1836, с. 311). А в марте 1837 г. правительство утвердило «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин. «Живущие в пределах Таврической губернии караимы ходатайствуют об устройении состояния их духовенства и о даровании им некоторых из тех прав, которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство», – говорилось в указе (Прохоров, 2020, с. 180).

Караимы продолжили укреплять свои позиции в сфере гражданского права, что в итоге привело к изменениям как в географии их расселения, так и к трансформациям традиционного уклада жизни караимских общин. Правительство в течение первой половины XIX в. приняло ряд законов и постановлений, которыми подтверждались различные права и привилегии караимского населения империи. Так, 10 декабря 1839 г. был опубликован правительственный указ «О дозволении караимам принимать в услужение христиан, а приезжающим из-за границы вступать в Российское подданство»; 7 января 1842 г. – постановление «О форме присяги для караимов с сохранением их достоинства» (форма присяги, принимавшейся караимами, отличалась от формы, разработанной в Государственном совете для евреев-раввинистов). 15 ноября 1843 г. последовал указ «О возведении караимов в почётное гражданство на основе общих по сему предмету правил, без ограничения, для евреев установленных». 19 декабря 1844 г. в принятом правительством «Положении о подчинении Евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением Еврейских кагалов» специально оговаривалось, что эти правила не распространяются на караимов. 11 декабря 1850 г. было опубликовано постановление «О нераспространении на караимов запрета жительства по деревням и селениям и продажи горячих напитков», а с 11 января того же года караимское духовенство (вместе с семьями) освобождалось от внесения в IX общегосударственную ревизию (то же касалось и представителей караимского духовенства, занимавших должности гахама, газзанов и шамашей на момент проведения X переписи населения). 15 мая 1851 г. власти приняли решение «О даровании местечку Чуфут-Кале льготы от городских и земских повинностей»; 10 октября 1852 г. – «О дозволении Евреям Караимам свободно приезжать в столицы и другие внутренние города империи»; 26 июля 1853 г. – «О дозволении Евреям Караимам причисляться к портовым городам северо-

восточного берега Чёрного моря, жить и владеть в оных собственностью» (Прохоров, 2020, с. 181–182).

В 1840 г. Государственный совет приступил к рассмотрению представленных губернаторами проектов «преобразования» евреев, которые предлагали следующие меры: разделение евреев на разряды и их отправку в военно-рабочие роты, которые занимались бы обработкой казённых земель. Тем не менее, Госсовет этих предложений не одобрил. Николай I поручил министру госимуществ графу П. Д. Киселёву проанализировать представленные документы и выработать на их основании общий проект. В конечном итоге Николай I одобрил записку министра, и 27 декабря 1840 г. было объявлено о создании «Комитета для определения мер коренного преобразования евреев в России», который возглавил сам П. Д. Киселёв. Одним из ключевых направлений деятельности Комитета стала модернизация системы еврейского образования. В его состав вошли министры внутренних дел, просвещения и финансов, управляющие 2-м и 3-м отделениями Собственной его императорского величества канцелярии и министр, статс-секретарь по делам Царства Польского. Как полагает ряд специалистов, комитет фактически не являлся новым учреждением, а стал возобновлённым, действовавшим ранее (с перерывами в течение всего царствования Николая I) «Комитетом для лучшего устройства евреев» (Миндлин, 2000, с. 51).

В 1844 г. было принято «Положение о подчинении Евреев в городах и уездах общему управлению», которым упразднялись кагалы и определялся порядок подчинения евреев в городах и уездах общему административному управлению. Правилами 23 ноября 1851 г. еврейское население, «для побуждения к оседлости и полезному труду», было разделено на пять разрядов: купцов, земледельцев, ремесленников, а также мещан оседлых и неоседлых (Свод, 1857, с. 268). В мае 1855 г. состоялось заседание «Комитета по устройству евреев», по итогам которого в журнале постановлений определялось:

«...предпринятые доселе меры ограничений касались только Евреев раввинистов, но отнюдь не караимов, которые, не принадлежа к еврейскому населению и не разделяя с ними Талмудических заблуждений, следуют учению Ветхого Завета, и которых Правительство всегда отличало от Евреев по известным их правилам и трудолюбию» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 28–28 об., 30 об.).

В конце XVIII – начале XIX в. осуществлялось заселение территории Новороссийского края и Крымского полуострова переселенцами из внутренних губерний России (главным образом из Малороссии, а также евреев из северо-западных губерний России), и мигрантами из-за рубежа (немецкие колонисты, выходцы из Пруссии составили 20,34% от общего числа жителей). Например, в Херсонской губернии с 1801 по 1809 г. возникло 47 новых селений, среди которых – 8 еврейских. В 1811 г. заселение Новороссии евреями правительством было временно прекращено, и продолжилось только в 1822 г. (Кабузан, 1976, с. 171, 173, 192). В результате проведения IV и V ревизий (1792 и 1796 гг.) в Таври-

ческой области насчитывалось около 800 евреев-раввинистов и 2300 караимов (Водарский, Елисеева, Кабузан, 2003, с. 121–122). К началу 1860 г. в Таврической губернии численность евреев достигла 10 907 человек (5507 мужчин и 5403 женщины), а караимов – 3717 человек (1881 мужчина и 1836 женщин) (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 487. Л. 28–29; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 19. Л. 70).

Выводы

Основным фактором увеличения численности иудейских общин в Российской империи стал высокий естественный прирост. Одновременно с иммиграцией в Россию наблюдался и отток отдельных еврейских семей в Германию. При этом первая крупная волна еврейской эмиграции в 1827–1856 гг., насчитывавшая несколько десятков тысяч человек, была нелегальной (Куповецкий, 1994, стлб. 384). Новые законодательные ограничения положили начало процессу отчуждения между караимской и еврейской общинами. В апреле 1863 г. был принят закон, предоставивший караимам все права «коренных российских подданных». Различие в правовом статусе между евреями и караимами сопровождалось углублением социально-экономических различий.

В то же самое время ассимиляторская политика правительства не привела к желаемым результатам: в первой половине XIX в. большинство евреев России сохранило традиционный уклад жизни и приверженность догматическим религиозным нормам. Различие подходов к правовому статусу караимов и евреев-раввинистов и начавшаяся вскоре в научных и политических кругах дискуссия об этногенезе караимов в конечном итоге привели к размежеванию крымских иудейских общин и к последующей деиудаизации караимов.

Список литературы

- Водарский, Я. Е., Елисеева, О. И., & Кабузан, В. М. (2003). *Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков*. Институт Российской истории РАН.
- Гаммал, М. И. (2013). Интеллектуалы против прагматиков: Польские караимы в Крыму. В Г. С. Зеленина (Ред.), *Евреи: Другая история* (с. 265–286). РОССПЭН.
- Государственный архив Республики Крым (ГАРК). (б. д.). Ф. 241. Оп. 1. Д. 19.
- Донік, О. М. (2004). Соціальний статус купецької верстви в підросійській Україні наприкінці XVIII–у XIX ст. [Социальный статус купеческого слоя в подросийской Украине в конце XVIII–в XIX вв.]. *Проблеми історії України XIX–початку XX ст.* [Проблемы истории Украины XIX–начала XX в.], 8, 86–108. (На украинском).
- Евреи России в 1-й половине 19 в. (1994). В И. Орен (Надель) & М. Занд (Ред.), *Краткая еврейская энциклопедия* Изд. При содействии Общества по исследованиям еврейских общин в странах рассеяния, Иерусалим (7, сс. 382–389). Кетер.

- Кабузан, В. М. (1976). *Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII - первой половине XIX века (1719-1858 гг.)*. Наука.
- Клиер, Дж. Д. (2000). *Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России, 1772-1825*. Мосты культуры.
- Корева, А. (1861). Караимы в Виленской губернии. В *Памятная книжка Виленской губернии на 1861 год* (сс. 115-129). Вильно.
- Куповецкий, М. (1994). Демография еврейского населения Российской империи (1772-1917). В И. Орен (Надель) & М. Занд (Ред.), *Краткая еврейская энциклопедия* Изд. При содействии Общества по исследованиям еврейских общин в странах рассеяния, Иерусалим (7, сс. 382-390). Кетер.
- Лашков, Ф. Ф. (1916). К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX столетия. *Известия Таврической учёной архивной комиссии*, 53, 158-176.
- Мендес-Флор, П., & Рейнхарц. (2003). *Евреи в современном мире: История евреев в новое и новейшее время: Антология документов*. Мосты культуры.
- Миндлин, А. Б. (2000). Деятельность комитетов, комиссий и совещаний по еврейским реформам в России в XIX - начале XX века. *Вопросы истории*, 8, 43-60.
- Муравьев, М. (1867). Материалы для местной истории. *Записки Одесского общества истории и древностей*, 6, 601-605.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб. (1830a). Т. 16. № 11720.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб. (1830b). Т. 18. № 13383.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб. (1830c). Т. 23. *Омд.* 1. № 17006.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб. (1830d). Т. 23. *Омд.* 1. № 17224.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб. (1830e). Т. 23. *Омд.* 1. № 17340.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб. (1830f). Т. 23. *Омд.* 1. № 17398.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб. (1830g). Т. 23. *Омд.* 1. № 17432.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб. (1830h). Т. 26. № 19409.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб. (1830i). Т. 28. № 21547.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. СПб. (1830j). Т. 4. № 3286.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. СПб. (1831). Т. 5, *Омд.* 1. № 3703.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. СПб. (1836). Т. 10, *Омд.* 1. № 8054.
- Пространство и народонаселение Новороссийского края в 1845 году. (1848). В *Новороссийский календарь на 1849 год; издание Ришельевского лицея* (сс. 348-379). Одесская городская типография.

- Прохоров, Д. А. (2017). К истории контактов караимов Крыма и караимских общин Западных губерний Российской империи в конце XVIII – 50-х годах XIX вв. (По документам Государственного Архива Республики Крым). *Вестник Пермского университета. Серия «История»*, 1(36), 136–145.
- Прохоров, Д. А. (2019). Проекты Шломо Бейма и Авраама Фирковича по сохранению «пещерного города» Чуфут-Кале. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, 24, 511–538.
- Прохоров, Д. А. (2020). *Крымские караимы в эпоху Средневековья и в Новое время* [Диссертация на соискание учёной степени доктора наук]. Крымский Федеральный университет.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (б. д.-а). РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 5.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (б. д.-б). РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 487.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (б. д.-с). Ф. 571. Оп. 9. Д. 1.
- Свод законов Российской империи: Законы о состояниях* (Т. 9). (1857). Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии.
- Шабат, Я. (1991). Таврическая губерния. В Каценельсон (Ред.), *Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем* (14, сс. 669–672). Терра.

References

- Code of Laws of the Russian Empire: State Laws* (Vol. 9). (1857). Typography of the Second Department of His Imperial Highness' Own Chancellery. (In Russian).
- Donik, O. M. (2004). Social status of the merchant class in sub-Russian Ukraine in the late 18th and 19th centuries. *Problems of the history of Ukraine of the 19th and early 20th centuries*, 8, 86–108. (In Ukrainian).
- Gammal, M. I. (2013). Intellectuals vs. Pragmatists: Polish Karaites in the Crimea. In G. S. Zelenina (Ed.), *Jews: Another History* (pp. 265–286). ROSSPEN. (In Russian).
- Kabuzan, V. M. (1976). *Population of Novorossia: (Ekaterinoslav and Kherson provinces): In the 18th – First Half of the 19th Century (1719–1858)*. Nauka. (In Russian).
- Klier, J. D. (2000). *Russia Gathers its Jews: The Origins of the Jewish Question in Russia, 1772–1825*. Mosty Kultury. (In Russian).
- Koreva, A. (1861). The Karaites in Vilno province. In *Commemorative book of Vilno province for 1861* (pp. 115–129). Vilno. (In Russian).
- Kupovetsky, M. (1994). Demography of the Jewish Population of the Russian Empire (1772–1917). In I. Oren (Nadel) & M. Zand (Eds.), *The Concise Jewish Encyclopedia, published in cooperation with the Society for the Study of Jewish Communities in the Dispersion Countries, Jerusalem* (7, pp. 382–390). Keter. (In Russian).
- Lashkov, F. F. (1916). To the Question of the Population of Tavrisheskaya Gubernia in the Early 19th Century. *News of the Tavrishesky Scientific Archival Commission*, 53, 158–176. (In Russian).
- Mendez-Flor, P., & Reinharz. (2003). *Jews in the Modern World: A History of the Jews in Modern and Contemporary Times: An Anthology of Documents*. Mosty Kultury. (In Russian).

- Mindlin, A. B. (2000). Activities of committees, commissions and meetings on Jewish reforms in Russia in the 19th and early 20th centuries. *Voprosy Istorii*, 8, 43–60. (In Russian).
- Muravyev, M. (1867). Materials for local history. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*, 6, 601–605. (In Russian).
- Prokhorov, D. A. (2017). To the History of Contacts of the Karaites of the Crimea and the Karaites communities of the Western provinces of the Russian Empire in the late 18th – 50th years of the 19th century (According to the documents of the State Archive of the Republic of Crimea). *Vestnik of Perm University. Series "History"*, 1(36), 136–145. (In Russian).
- Prokhorov, D. A. (2019). Projects of Shlomo Beim and Avraham Firkovich for the Preservation of the "Cave City" of Chufut Qale. *Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tavria*, 24, 511–538. (In Russian).
- Prokhorov, D. A. (2020). *Crimean Karaites in the Middle Ages and Modern Times* [Doctoral Thesis]. Crimean Federal University. (In Russian).
- Shabad, Ya. (1991). Taurian Gubernia. In Katsenelson (Ed.), *Jewish Encyclopedia. The body of knowledge about Jewry and its culture in the past and present* (14, pp. 669–672). Terra. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Crimea (SARC). (n. d.). F. 241. In. 1. C. 19. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 1. St. Petersburg. (1830b). Vol. 18. No 13383. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 1. St. Petersburg. (1830c). Vol. 23. Dep. 1. No 17006. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 1. St. Petersburg. (1830d). Vol. 23. Dep. 1. No 17224. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 1. St. Petersburg. (1830e). Vol. 23. Dep. 1. No 17340. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 1. St. Petersburg. (1830f). Vol. 23. Dep. 1. No 17398. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 1. St. Petersburg. (1830g). Vol. 23. Dep. 1. No 17432. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 1. St. Petersburg. (1830h). Vol. 26. No 19409. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 1. St. Petersburg. (1830i). Vol. 28. No 21547. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 2. St. Petersburg. (1830j). Vol. 4. No 3286. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 2. St. Petersburg. (1831). Vol. 5. Dep. 1. No 3703. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 2. St. Petersburg. (1836). Vol. 10. Dep. 1. No 8054. (In Russian).
- The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 1. St. Petersburg. (1830a). Vol. 16. No 11720. (In Russian).

- The Jews of Russia in the first half of the 19th century. (1994). In I. Oren (Nadel) & M. Zand (Eds.), *The Concise Jewish Encyclopedia, published in cooperation with the Society for the Study of Jewish Communities in the Dispersion Countries, Jerusalem* (7, pp. 382–389). Keter. (In Russian).
- The Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-a). F. 571. In. 9. C. 5. (In Russian).
- The Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-b). F. 821. In. 8. C. 487. (In Russian).
- The Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-c). F. 571. In. 9. C. 1. (In Russian).
- The Space and Population of the Novorossiysk Territory in 1845. (1848). In *Novorossiysk calendar for 1849; publication of the Lyceum of Richelieu* (pp. 348–379). Odessa City Printing House. (In Russian).
- Vodarsky, J. E., Eliseeva, O. I., & Kabuzan, V. M. (2003). *The population of the Crimea at the end of the 18th and the end of the 20th centuries*. Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. (In Russian).

On the Universal Access to the Primary School Education in the Orenburg Region at the Beginning of the 20th Century (Based on the Materials of the Turgay Region)

Yuliya A. Lysenko

Altai State University. Barnaul, Russia. Email: [iulia_199674\[at\]mail.ru](mailto:iulia_199674@mail.ru)

Received: 20 August 2022 | Revised: 17 October 2022 | Accepted: 3 November 2022

Abstract

For the first time in historiography the article analyzes the experience of universal access to elementary school education for children from 8 to 11 years old in the Turgay region of the Orenburg governorship on the basis of records of the Turgay regional school inspector, the trustee of the Orenburg school district, the Turgay regional government, found in the Russian State Historical Archive. The purpose of this article is to reconstruct this process, its results and regional characteristics. It was determined that the reform was carried out in line with all-Russian trends. At the same time, a number of peculiarities of the region were taken into account: its multi-ethnicity and multi-confessional character, high rates of peasant migration, and lack of local self-government bodies. Therefore, the construction and maintenance of primary schools in Turgay region was carried out at the expense of the state. The author concludes that the administration of the Orenburg school district failed to implement the idea of universal primary school education. The reason was insufficient funding for school construction, the dispersed settlement of peasant settlers in the region, the mismatch rate of peasant migration to the pace of school construction, etc. At the same time the reform had a positive value, as it provided the integration of the regional education system into the imperial educational space. The article is intended for specialists in the history of social policy of the Russian Empire.

Keywords

Russian Empire; Orenburg Region; Turgay; Peasant-Settlers; Universal Access to Primary School Education; Public Schools; Orenburg Educational District; School Inspector

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

О введении всеобщего начального школьного образования в Оренбургском крае в начале XX в. (по материалам Тургайской области)

Лысенко Юлия Александровна

Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия. Email: iulia_199674[at]mail.ru

Рукопись получена: 20 августа 2022 | Пересмотрена: 17 октября 2022 | Принята: 3 ноября 2022

Аннотация

В статье на основе делопроизводственной документации Тургайского областного правления, Тургайского областного училищного инспектора, попечителя Оренбургского учебного округа, выявленной в Российском государственном историческом архиве, впервые в историографии анализируется опыт введения всеобщего начального школьного образования для детей в возрасте от 8 до 11 лет в Тургайской области Оренбургского губернаторства. Целью статьи является реконструкция данного процесса, его результатов и региональных особенностей. Определено, что реформа проводилась в русле общероссийских тенденций. В то же время учитывался ряд особенностей региона – ее полиэтничность и поликонфессиональность, высокие темпы крестьянской миграции, отсутствие органов местного самоуправления. Поэтому строительство и содержание начальных училищ осуществлялось в Тургайской области за счет средств государства. Автор приходит к выводу о том, что администрации Оренбургского училищного округа не удалось реализовать идею всеобщего начального школьного образования. Причиной стали недостаточное финансирование школьного строительства, дисперсное расселение крестьян-переселенцев на территории области, несоответствие темпов крестьянской миграции темпам школьного строительства и т.д. В то же время реформа имела и позитивное значение, поскольку обеспечивала интеграцию региональной системы образования в общеимперское образовательное пространство. Статья рассчитана на специалистов в области истории социальной политики Российской империи.

Ключевые слова

Российская империя; Оренбургский край; Тургайская область; крестьяне-переселенцы; всеобщее начальное школьное образование; народные училища; Оренбургский учебный округ; училищный инспектор

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

На рубеже XIX–XX в. в правительственных и общественных кругах Российской империи активно обсуждался вопрос о введении всеобщего начального школьного обучения. Необходимость реформы образования диктовалась новыми социально-экономическими реалиями, связанными с определенными успехами в сфере модернизации (Аллагулов & Рындак, 2010; Шайдуров, 2021, с. 156). Введение в стране всеобщего начального образования рассматривалось как важный механизм перехода российского общества от аграрного типа к индустриальному и трансформации традиционного сознания крестьянского населения.

К этому периоду система школьного образования функционировала на основании Положения о начальных народных училищах 1874 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 49. Отделение 1. СПб., 1877. № 53574. С. 836–840). В ее модели присутствовали одно- и двухклассные народные училища с трех- и пятилетним сроком обучения соответственно. В городах «открывались городские двухклассные училища, период обучения в которых составлял шесть лет». Все народные училища содержались за счет средств земств или сельских обществ и были подотчетны Министерству народного просвещения. Несмотря на предпринимаемые правительством в 80–90-е гг. XIX в. усилия, направленные на поддержку и распространение церковно-приходских школ, численность министерских / земских школ в стране неизменно увеличивалась (Иванова, 2014, с. 115–119).

К началу XX в. политика государства в области народного образования оценивалась как низкоэффективная (Захаров & Иванова, 2019). По данным Первой всероссийской переписи 1897 г., уровень грамотности населения составлял 21,1%, в том числе среди мужчин – 29,3%, среди женщин – 13,1%. Для городского населения это показатель был равен 45,3%, в сельской местности – 17,4% (Богданов, 1964).

С целью дальнейшего углубления реформы образования Министерством народного просвещения был разработан законопроект «О введении всеобщего обучения в Российской империи» (Чарнолуский, 1908). Сам законопроект и его новые редакции обсуждались в Государственной думе на протяжении 1907–1910 г. Принятый в 1911 г. Думой, законопроект был отвергнут Государственным советом по целому ряду причин. Тем не менее, несмотря на отсутствие правовой основы политики введения всеобщего школьного обучения, Министерство народного просвещения с 1907 г. приступило к финансированию строительства земских школ и их содержанию в нескольких «пилотных» регионах Российской империи. Как отмечает А. Н. Иванова,

«в 1909 г. Министерство стало выплачивать жалование учителям земских школ, а земства стали расходовать свои средства только на содержание школ. Сельские общества с этого времени освобождались от обязательных расходов на

образование. Кроме денежных пособий, уездные земства стали получать от государства ежегодные трехпроцентные кредиты на строительство школ» (Иванова, 2014, с. 118).

Очевидно, что предпринимаемые Министерством просвещения меры в области образования являлись его попыткой перевести дискуссию правительственных кругов о введении всеобщего начального обучения в практическую плоскость и ускорить данный процесс. В связи с этим значительный научный интерес представляет вопрос о реализации реформы о всеобщем начальном образовании в региональном срезе.

Речь будет идти о Тургайской области Оренбургского края, регионе, который являлся фронтирным и на протяжении пореформенного периода активно интегрировался в социокультурное пространство Российской империи. Особенностью его социального пространства выступал тот факт, что этническим большинством населения являлись казахи, ведущие полукочевой образ жизни и исповедовавшие ислам в сочетании с языческими культами. Переселенческое крестьянство Тургайской области, находившееся в меньшинстве, испытывало определенные проблемы в адаптации на новом месте. Развитие системы школьного образования, безусловно, рассматривалось правительственными кругами и региональной администрацией как важный аспект политики, связанной с решением проблем его социокультурной адаптации.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе делопроизводственной документации городских правлений Тургайской области, Тургайского областного правления, Тургайского областного училищного инспектора, попечителя Оренбургского учебного округа, выявленной в Российском государственном историческом архиве (Фонд 733 – Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения (1803–1917)). Среди привлеченных документов: переписка региональных органов власти по вопросам развития школьного образования с Министерством народного просвещения, журналы и протоколы заседаний, планы и отчеты реализации всеобщего начального обучения в Тургайской области. Кроме этого, к анализу предметной области исследования привлекались нормативно-правовые акты Российской империи, регламентирующие развитие системы светского школьного образования, как на общегосударственном, так и региональном уровне. Совокупность используемых источников позволила в полной мере решить поставленные задачи исследования.

Теоретической основой статьи выступает теория модернизации. Она позволяет оценивать реализацию планов по введению всеобщего начального обучения в степных областях Оренбургского края как составную часть политики формирования государственной светской модели образования

в регионе, а вместе с ней и трансформации традиционной социальной сферы. Вполне очевидно, что сеть российских начальных школ способствовала интеграции данного этнорегиона в общеимперское пространство. Историко-генетический метод, применявшийся в статье, позволил выявить факторы, обусловившие необходимость внедрения всеобщего школьного обучения в Тургайской области Оренбургского края. Историко-сравнительный метод применялся при выявлении специфики данного процесса.

Обсуждение

История создания и эволюции системы светского школьного образования в Оренбургском крае представлена в историографии в значительном объеме (Болодурин, 2000; Васильев, 1896; Злобин, 1999, с. 49–59; Леонтьева, 2012, с. 5–20; Любичанковский, 2018, 2019; Савицкая, 2006 и др.). Исследователи в широком хронологическом диапазоне анализируют этапы становления и эволюции региональной образовательной системы, выявляют особенности и специфику данного процесса, его управленческие механизмы (Блинов, 2011, с. 35–39).

Значительный пласт исследований посвящен образовательной политике государства среди инородческого населения региона – казахов, калмыков, башкир и т. д. (Тажобаев, 1961; Dzhundzhuzov & Lyubichankovskiy, 2017, с. 1194–1206; Сулейманова, 2011, с. 101–104). Современные авторы рассматривают образовательные реформы Российской империи в Оренбуржье в контексте геополитических задач, как политику «мягкой силы», «которая обеспечивала в итоге аккультурацию и лояльность инокультурных подданных в большей степени, нежели стандартные экономические и военно-административные мероприятия (Любичанковский, 2019, с. 1; Лысенко Ю.А., Жанбосинова А.С. & Омурова, 2021, с. 138–147). Не обошли вниманием исследователи и вопросы развития церковно-школьного образования в Оренбургском крае. Его, как правило, связывают с церковно-приходским строительством и миссионерской деятельностью Оренбургской епархии (Лысенко, 2009, с. 150–156).

В то же время история развития системы образования среди крестьян-переселенцев Тургайской области, в том числе такой узкий сюжет данной темы, как введение всеобщего школьного обучения, не стала предметом специального научного исследования.

Результаты

Тургайская область, входившая в состав Оренбургского генерал-губернаторства, до 70–80 гг. XIX в. была заселена преимущественно коренным казахским населением. В пореформенный период этническая ситуация в области стала существенно изменяться, что было связано, главным образом, с начавшейся крестьянской миграцией в Азиатскую часть Российской империи.

За период с 1868¹ по 1894 гг. численность крестьян-переселенцев в Тургайской области увеличилось до 16 тысяч человек, в период аграрной реформы П.А. Столыпина, с 1905 по 1912 гг. – до 116,7 тыс. человек (Бекмаханова, 1986). Наиболее активно переселенцы осваивали Кустанайский уезд Тургайской области, где, по данным региональной администрации, к 1907 г. было открыто 102 переселенческих поселка. В Актюбинском уезде к этому же периоду было создано 65 поселков для новоселов.

Резкое увеличение численности переселенцев в регионе ставило перед региональным руководством новые задачи, связанные с адаптацией новоселов на новом месте жительства. Одной из основных являлась проблема вовлечения детей школьного возраста в образовательный процесс. На начало 1907 г. в области функционировало всего 40 школ.

К этому периоду система управления учебными заведениями Тургайской области соответствовала общеимперской. В ее четырех уездах работали инспекторы народных училищ. Они подчинялись Дирекции народных училищ Тургайской области, располагавшейся в г. Оренбург. Последняя, в свою очередь, была подотчетна Дирекции Оренбургского училищного округа с центром в Уфе.

Функционирование сети школьных учебных заведений в Тургайской области имело ряд специфических особенностей. Во-первых, к началу XX в. наиболее распространенной формой образовательных учреждений являлись народные училища, выполнявшие функции начальных школ. Это было связано с преобладанием аграрного населения в области, низкими темпами модернизационной динамики и отсутствием потребности в средне-профессиональных кадрах. Во-вторых, полиэтничность региона предопределила основной формат сети школьных учреждений, которые образовывались как смешанные в этническом плане. В уездах Тургайской области, как правило, создавались русско-казахские школы, а в аулах – аульные школы грамоты, в которых велось совместное обучение русских и казахских детей (Стурова, 2018, с. 88–98).

В-третьих, крайне низкой являлась возможность участия крестьянского населения в процессе открытия новых школ, содержания школьных зданий и учителей. Региональные власти и общественность в унисон отмечали бедственное материальное положение новоселов, трудности в «духовном смысле», связанные с отсутствием «на инородческой окраине» «старых культурных связей, а также церкви и школы». Отмечался и тот факт, что переселенцы в таких условиях часто и массово «попадали под влияние окружающих инородцев-мусульман» (РГИА, 1907–1915, л. 2об.; Духин, 2012, С. 3–22).

1 В 1868 г. было принято Временное положение об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями, на основании которого в регионе вводилась российская модель административно-территориального, судебного, налогового управления. Это, по сути, означало завершение присоединения степного края к Российской империи. Уральская и тургайская области вошли в состав оренбургского генерал-губернаторства, Акмолинская и Семипалатинская – в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

В-четвертых, усложняло ситуацию отсутствие в Тургайской области земств, в функционал на которые возлагались бы задачи развития школьной системы, в том числе ее финансирование. Только в двух уездных городах области из четырех действовали Городские управы. Однако они имели минимальные поступления от сборов налогов с городского населения и его недвижимого имущества (Лысенко, 2020). В сельской местности у новоселов фактически отсутствовала практика организации самоуправляющихся сельских обществ. Данными обстоятельствами объясняется то, что в «неземских губерниях» Министерство народного просвещения с 1869 г. приступило к открытию и содержанию так называемых «министерских» или «образцовых» школ. В Тургайской области их было открыто незначительное количество.

Таким образом, в начале XX в. стало крайне актуальным вовлечение детей школьного возраста из переселенческих семей Тургайской области в систему школьного образования. Начало реализации Министерством народного просвещения в 1907 г. планов по развитию начального школьного образования побудило Директора народных училищ Тургайской области М. Ронгинского, год спустя, обратиться к министру с предложением о введении всеобщего школьного обучения среди русского населения Тургайской области. Мероприятия, связанные с этим, признавались им «в высшей степени важным делом с государственной точки зрения, как вернейшее средство к укреплению русской культуры и русских государственных начал на отдаленной окраине». Чиновник был убежден, что открытие новых школ должно осуществляться быстрыми темпами. Во всех новых переселенческих поселках он предлагал сразу открывать образовательные учреждения с одним преподавателем на 50 человек.

В ходатайстве М. Ронгинский подробно остановился на анализе социально-экономической ситуации в Тургайской области, исключавшей, по его мнению, возможность организацию масштабных работ по школьному строительству за счет собственных ресурсов. В частности, он отмечал, что «за немногим исключением, переселенцы ютятся в небольших землянках, построенных из дерна или саманного кирпича и приспособленных исключительно к нуждам и потребностям каждого семейства, а потому чрезвычайной трудности является вопрос о подыскании для училищ более менее подходящих наемных помещений. Только при помощи казенных ассигнований вопрос этот может быть решен удовлетворительным образом», – заключал он. Таким образом, М. Ронгинский просил государственной субсидии на «содержание помещений или постройку новых школьных зданий и выплату заработной платы учителям» (РГИА, 1907–1915, л. 1).

Далее Директор народных училищ Тургайской области предложил план поэтапного введения всеобщего начального школьного образования в Тургайской области. Он предусматривал открытие в 1908–1910 гг. по 40 начальных училищ в год; в последующий период – «расширять данные

училища или открывать новые в населенных пунктах, где уже были открыты училища в первые три года». Параллельно М. Ронгинский считал необходимым решать кадровую проблему – «начиная с 1911 года ежегодно учреждать по 18 комплектов учителей и законоучителей, чтобы к концу десятилетия открыть требуемое число училищ» (РГИА, 1907–1915, л. 2).

В представленном М. Ронгинским плане имелась смета на общую сумму в размере 169540 рублей, которую он запрашивал на строительство начальных училищ Тургайской области в 1908–1910 гг. В последующий период, по его расчетам, субсидия Министерства на содержание каждого одноклассного училища должна была составлять по 700 руб. в год (420 рублей – на учительский персонал, 280 рублей – на содержание помещений, хозяйственные нужды и учебники) (РГИА, 1907–1915, л. 4об.).

Из анализа делопроизводственной документации Дирекции народных училищ Тургайской области и Попечителя Оренбургского училищного округа следует, что ходатайство М. Ронгинского было удовлетворено. В Тургайской области началось массовое строительство новых начальных училищ для детей крестьян-переселенцев за счет государственных средств. Данная работа выстраивалась на основании Правил от 22 июня 1909 г. «О выдаче пособий на школьные строительные надобности». В 1911 г. процесс был унифицирован. На основании циркуляра «По вопросу введения всеобщего обучения в степных областях», разработанного Министерством народного просвещения, его региональные органы обязывались составлять унифицированные таблицы: план школьного строительства, финансовый план, и прилагать к ним «копию обязательств, принятием которого МПН обуславливает отпуск Городским управлениям постоянных пособий на введение всеобщего обучения» (РГИА, 1907–1915, л. 7об.).

Реализация данных правительственных актов началась с создания в уездных городах Тургайской области специальных Комиссий. Так, в Кустанайской городской управе Комиссия была сформирована в 1912 г. Для выявления численности детей школьного возраста Комиссия организовала работу переписных групп из средств городского бюджета. Население уезда было заранее оповещено о предстоящей переписи детей через местные периодические издания. Данная информация также оглашалась в церквях и мечетях. По итогам работы переписных групп удалось установить, что в г. Кустанае 330 детей, возрастом от 8 до 11 лет, оказались не вовлеченными в систему начального школьного образования. Комиссия планировала решить проблему в течение шести лет. Начиная с 1914 г. по 1919 гг. предлагалось открывать в первый год – 1 школу, во второй и последующие – по две. Все документы – план введения системы начального школьного обучения и план строительства школ со сметой – были утверждены на заседании Кустанайской городской управы и направлены в Министерство народного просвещения. Важно отметить, что, согласно п. 6 Закона от 3 мая 1908 г., во всех училищах, содержав-

шихся на средства Городских управ и государства, устанавливалось бесплатное обучение (РГИА, 1907–1915, л. 12).

Планы по введению всеобщего начального обучения в Тургайской области корректировались в зависимости от конкретной ситуации. Так, в 1913 г. было предусмотрено строительство начальных училищ в Зоевском и Весело-Крутском поселках Кустанайского уезда Тургайской области. Однако по донесению Директора народных училищ М. Ронгинского, строительство школьных зданий, как собственно открытие школ, «не представлялось возможным из-за слабой заселенности данной местности». Поэтому инспектор предлагал выделенные на строительство школы и ее содержание средства перенаправить в п. Федоровский. В этом поселке, по его словам, уже имелось одноклассное училище. Однако в связи с проведением через территорию района Тургайской ветви Оренбургско-Ташкентской железной дороги п. Федоровский «превратился в бойкий торговый центр, привлекавший к себе отовсюду новых жителей. Вместе с этим увеличивалась и численность детей школьного возраста». Предложение М. Ронгинского было утверждено (РГИА, 1907–1915, л. 70).

Имели место случаи, когда ранее открытые школы со временем переносились из одного населенного пункта в другой. Так, например, произошло с Азанбаевским и Чекеевским одноклассными училищами, открытыми в Кустанайском уезде Тургайской области в 1910 г. Спустя два года они были перенесены из данных населенных пунктов в пп. Карпыковский и Кошелевский Тургайской области. Главной причиной принятия данного решения было численное преобладание детей школьного возраста в данных поселках (РГИА, 1907–1915, л. 51). Аналогичная ситуация имела место в 1913 г. На основании предложений Министерства народного просвещения годом ранее было разрешено строительство четырех начальных одноклассных училищ в Кустанайском уезде Тургайской области, в поселках – Аккаргинском, Кияккульском, Ибраевском, Богдановском. Но выяснилось, что некоторых из перечисленных поселков «вовсе не существуют, по причине переселения жителей на новые места, а другие стали так малочисленны, что существование в них училищ не вызывает надобности». На этом основании, по ходатайству Директора народных училищ Тургайской области, новые школы были перенесены в более плотно заселенные поселки Кустанайского уезда (РГИА, 1907–1915, лл. 26–26об.).

При строительстве сети школьных помещений в Тургайской области имели место случаи, когда в данном процессе финансовое участие принимали переселенческие сельские общества. Так, в октябре 1910 г. Полтавкинское сельское общество Актюбинского уезда заявило о готовности построить здание для школы и дом для учителя за счет собственных средств. Общий объем финансирования составил 3500 руб., из которых 2000 руб. крестьяне получили у Министерства народного просвещения в виде процентной ссуды, 1500 руб. – в виде беспроцентной субсидии. Жители села бесплатно доставляли строительные

материалы, рыли фундамент и вели добычу бутового камня. Школьное здание было построено на 90 учащихся. В 1913 г. М. Ронгинский обратился к директору Оренбургского училищного округа с просьбой о выделении дополнительной ссуды на покраску и штукатурку стен школьного здания в размере 500 руб. (РГИА, 1907–1915, л. 35об.).

К решению задач всеобщего начального образования в Тургайской области привлекались органы местного самоуправления, появление которых относится к первому десятилетию XX в. Так, Кустанайской городской управой в течение 15 лет с момента ее создания в 1898 г. на содержание учебных заведений г. Кустаная ежегодно выделялось 24452 рублей. Из них 12908 рублей шло на содержание начальных училищ, 3105 рублей – городского 4-х классного училища и 8438 рублей – средних учебных заведений (РГИА, 1907–1915, л. 3).

В 1913 г. на средства Кустанайской городской управы было завершено строительство Кустанайского одноклассного женского училища и «заключено вчерне строительство еще 4 таких же каменных зданий, суммой около 100 тыс. руб. правительственной ссуды» (РГИА, 1907–1915, л. 4). В общей сложности из суммы бюджета города, составлявшей 82513 рублей, более трети выделялось «на нужды народного образования – 27060 рублей». Для Городской управы это было очень обременительно, «так как лишало ее возможности решать другие неотложные вопросы, связанные с развитием города». По этой причине оренбургский губернатор просил министра народного просвещения удовлетворить ходатайство Кустанайской городской думы и выделять дополнительные средства на содержание народных училищ города (РГИА, 1907–1915, лл. 4об. –5).

В годы первой мировой войны реализация планов по введению всеобщего школьного обучения в Тургайской области приостановилось. Традиционно, в начале календарного года Министерство народного просвещения издавало циркулярный указ о составлении сети высших начальных училищ и сметы на их строительство. Однако финансирование строительства фактически прекратилось. Так, в феврале 1916 г. Попечитель Оренбургского учебного округа сообщал министру народного просвещения, что в 1915 г. в Тургайской области проектировалось к открытию только три высших начальных училища в Кустанайской уезде – в пп. Денисовском и Федоровском, в Актюбинском уезде – в пп. Ак-Булак и Кос-Истек. Но реализация даже этих малых планов оказалась невозможной. Причин было несколько: отсутствие помещений для открытия школы, участков земли под их строительство, и самое главное, денежных ресурсов у Министерства для выдачи ссуд под строительство. На этом основании Тургайское областное правление постановило в 1916 г. завершить постройку ранее начатого высшего начального училища в г. Ирғиз. Через 4–5 лет предлагалось вернуться к обсуждению вопроса о строительстве школьных зданий в вышеперечисленных поселках (РГИА, 1916, л. 1).

По оценке региональных органов власти, в сфере создания системы всеобщего начального образования в Тургайской области прилагаемых государством усилий было недостаточно. Грамотность населения области по-прежнему оставалась низкой, что ощущалось, в первую очередь, «при выборе лиц на разные сельские общественные должности и, особенно, на должности сельских и волостных писарей». Этому препятствовал ряд обстоятельств, которые для властей были очевидными: ограниченность финансовых ресурсов государства, «местные условия» – обширные территории, низкая плотность населения, слабо развитая промышленность. Однако главной причиной виделось отсутствие мотивации к обучению у крестьянского населения, связанной с невозможностью применения полученных знаний на практике.

Выводы

Начало XX в. стало для Российской империи поиском новых механизмов решения проблемы низкой грамотности населения. Данная проблема была особенно актуальной для азиатских провинций страны, куда в начале двадцатого столетия устремился поток крестьян-переселенцев. Именно поэтому в первое десятилетие XX в. государство предприняло попытку введения всеобщего начального школьного образования для детей в возрасте от 8 до 11 лет. На территории Тургайской области Оренбургского губерновства данная реформа проводилась в русле общероссийских тенденций и отвечала, по мнению правительственных кругов, задачам ее социально-экономического развития. В ситуации отсутствия в регионе органов местного самоуправления, как на уездном, так и на волостном и сельском уровне, государство взяло на себя финансовое обязательство по строительству и содержанию начальных училищ. Для этих целей оно, через Попечителя Оренбургского училищного округа и Директора народных училищ Тургайской области, предоставляло субсидии или беспроцентные ссуды городским и сельским обществам. Стремление государства к управлению процессом развития системы начального школьного образования в Тургайской области выражалось в его регулировании, ежегодном планировании, контроле, в том числе в вопросе распределения и использования финансов.

Решить задачу стопроцентного охвата детей начальным школьным обучением административным кругам Оренбургского училищного округа в Тургайской области не удалось. Причиной стали недостаточные финансовые вливания государства, дисперсное расселение крестьян-переселенцев на территории области, несоответствие темпов крестьянской миграции темпам школьного строительства, начавшаяся Первая мировая война и т.д. Несмотря на это, объективно сама реформа способствовала приближению уровня и форм организации учебного процесса к общероссийским стандартам,

стимулировала рост численности начальных учебных заведений, совершенствовала школьное образование в пределах данного региона.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1. ББ97АА00002).

Список литературы

- Аллагулов, А. М., & Рындак, В. Г. (2010). Образовательная политика в России во второй половине XIX – начале XX в. *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*, 2, 103–111. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2010-2-103-111>
- Бекмаханова, Н. Е. (1986). *Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.-1917 г.)*. Наука.
- Блинов, А. В. (2011). Организация училищных советов в рамках Западно-Сибирского учебного округа (конец XIX – начало XX века). *Вестник Томского государственного университета. Серия История*, 13, 35–39.
- Богданов, И. М. (1964). *Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР (историко-статистические очерки)*. Статистика.
- Болодурин, В. С. (2000). *История образования в Оренбурге*. Издательство ОГПУ.
- Джунджузов, С. В., & Любичанковский, С. В. (2017). Калмыки на Южном Урале в XVIII – начале XX века: Проблемы ассимиляции, аккультурации и сохранения этнической идентичности. *Былые годы*, 46(4). <https://doi.org/10.13187/bg.2017.4.1194>
- Духин, Я. К. (2012). Столыпинские переселенцы в Тургайских степях. *Вопросы истории*, 10, 3–22.
- Захаров, В. Ю., & Иванова, А. Н. (2019). Всеобщее начальное образование в Российской империи в XIX – начале XX вв.: Причины неудачи реформы. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*, 2, 11–26.
- Злобин, Ю. П. (2000). Средние учебные заведения в Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX века. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*, 2, 49–59.
- Иванова, А. Н. (2014). Соотношение светских и религиозных начал при разработке проекта введения всеобщего начального образования в России на рубеже XIX–XX вв. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*, 3, 115–119.
- Кабытов, П. С., Дубман, Э. Л., & Леонтьева, О. Б. (2012). «Обретение родины». Средняя Волга и Заволжье в процессе развития Российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): К постановке проблемы. *Вестник Самарского государственного университета*, 8-2, 5–20.
- Лысенко, Ю. А. (2009). Структура, цели и задачи деятельности киргизских православных миссий Оренбургской и омской епархий (сравнительный анализ). *Известия Алтайского государственного университета*, 4-4, 150–156.

- Лысенко, Ю. А. (2020). Введение системы особых сборов и пошлин в центральноазиатских окраинах российской империи (конец XIX – начало XX в.). VIII востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица: материалы международной научно-практической конференции, 48–52.
- Лысенко, Ю. А., Жанбосинова, А. С., & Омурова, Ж. О. (2021). К вопросу о развитии русско-казахской аульной школы в областях Степного края (середина XIX – начало XX в.). *Вопросы истории*, 10–2, 138–147. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi59>
- Любичанковский, С. В. (2018). Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: Исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Издательский центр ОГАУ.
- Любичанковский, С. В. (2019). Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу. *Электронный Научно-Образовательный Журнал «История»*, 10(8), 1–15. <https://doi.org/10.18254/S207987840006065-0>
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 49. Отделение 1. № 53574. (1877). СПб. Российский государственный исторический архив (РГИА). (1907–1915). Ф. 733. Оп. 186. Д. 1912.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1916). Ф. 733. Оп. 183. Д. 178.
- Савицкий, Г. В. (2006). Начальное образование в Оренбургском крае во второй половине XIX начале XX в. Оренбургский государственный медицинский университет.
- Стурова, М. В. (2018). Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал-губернаторства начала XX в. *Народы и религии Евразии*, 3, 88–98. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2018\)3-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2018)3-08)
- Сулейманова, Ю. Ф. (2011). Политика царской администрации в сфере просвещения мусульман Оренбургской губернии в XVIII–XIX вв.: Цели и результаты. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 17, 102–106.
- Тажибаев, Т. (1961). *Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850–1869)*. Наука.
- Чарнолуский, В. И. (1908). К школьной реформе. Товарищество И.Д. Сыгина.
- Шайдуров, В. Н. (2021). Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900-х – 1920-х гг. *Журнал Фронтирных Исследований*, 6(3), 94–112. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.259>

References

- Allagulov, A. M., & Ryndak, V. G. (2010). The educational policy in Russia in the second half of XIX – the beginning of XX century. *Moscow University Pedagogical Education Bulletin*, 2, 103–111. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2010-2-103-111> (In Russian).
- Bekmakhanova, N. E. (1986). *The Multinational Population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the Age of Capitalism (1960s–1917)*. Nauka. (In Russian).
- Blinov, A. V. (2011). Organization of School Councils within the West Siberian Educational District (late 19th – early 20th century). *Bulletin of Tomsk State University. Series History*, 13, 35–39. (In Russian).
- Bogdanov, I. M. (1964). *Literacy and education in pre-revolutionary Russia and the USSR (historical and statistical sketches)*. Statistika. (In Russian).

- Bolodurin, V. S. (2000). *History of education in Orenburg*. OSPU Publishers. (In Russian).
- Charnolusky, V. I. (1908). *Towards school reform*. I.D. Sytin's Partnership. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection 2. Vol. 49. Sec. 1. No. 53574. (1877). ЦПБ. (In Russian).
- Dukhin, Y. K. (2012). Stolypin's Migrants in the Turgai Steppes. *Voprosy istorii*, 10, 3–22. (In Russian).
- Dzhunzhuzov, S. V., & Lubichankovsky, S. V. (2017). Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity. *Bylye Gody*, 46(4). <https://doi.org/10.13187/bg.2017.4.1194> (In Russian).
- Ivanova, A. N. (2014). The Correlation of Secular and Religious Principles in the Development of the Project for the Introduction of Universal Primary Education in Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science.*, 3, 115–119. (In Russian).
- Kabytov, P. S., Dubman, E. L., & Leontieva, O. B. (2012). “Obtaining a Homeland”. Middle Volga and Zavolzhye in the development of Russian civilization and statehood (second half of the 16th – beginning of the 20th century): Toward the problem statement. *Bulletin of Samara State University*, 8–2, 5–20. (In Russian).
- Lubichankovsky, S. V. (2018). *Acculturation Policy by means of Education of Islamic Subjects of the Russian Empire: Historical Experience of the Orenburg Region (Mid 19th – Early 20th Centuries)*. OSAU Publishing Center. (In Russian).
- Lysenko, Y. A., Zhanbosinova, A. S., & Omurova, J. O. (2021). On the Development of the Russian-Kazakh Aul School in the Stepnoi Region (mid-19th – beginning of the 20th century). *Voprosy istorii*, 10–2, 138–147. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi59> (In Russian).
- Lysenko, Yu. A. (2009). Structure, Goals, and Objectives of the Kyrgyz Orthodox Missions of the Orenburg and Omsk Dioceses (Comparative Analysis). *Izvestia of the Altai State University*, 4–4, 150–156. (In Russian).
- Lysenko, Yy. A. (2020). Introduction of the system of special fees and duties in the Central Asian outskirts of the Russian Empire (late 19th – early 20th century). *VIII Oriental Studies in Memory of S.G. Livshits: Materials of the International Scientific-Practical Conference*, 48–52. (In Russian).
- Lyubichankovskiy, S. V. (2019). Accultural Model of an Empire as a Methodological Alternative to the Colonial Approach. *Istoriya*, 10(8), 1–15. <https://doi.org/10.18254/S207987840006065-0> (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1907–1915). F. 733. In. 186. C. 1912. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1916). F. 733. In. 183. C. 178. (In Russian).
- Savitsky, G. V. (2006). *Primary Education in the Orenburg Region in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries*. Orenburg State Medical University. (In Russian).
- Shaidurov, V. N. (2021). Gypsies of the Belarusian Provinces and Land Management Policy at the turn of the 1830s–1840s. *Journal of Frontier Studies*, 6(3), 94–112. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.259> (In Russian).
- Sturova, M. V. (2018). Russian-kazakh schools in the system of state administration. *Nations and religions of the Eurasia*, 3, 88–98. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2018\)3-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2018)3-08) (In Russian).

- Suleimanova, Y. F. (2011). The Policy of the Tsarist Administration in the Field of Education of Muslims in the Orenburg Province in the 18th-19th Centuries: Goals and Results. *Bulletin of the Orenburg State University*, 17, 102-106. (In Russian).
- Tazhibaev, T. (1961). *Kazakh School at the Orenburg Frontier Commission (1850-1869)*. Nauka. (In Russian).
- Zakharov, V. Yu. & Ivanova, A. N. (2019). General Elementary Education in the Russian Empire in the 19th - Early 20th Centuries: Reasons for the Reform's Failure. *Locus: people, society, cultures, meanings*, 2, 11-26. (In Russian).
- Zlobin, Y. P. (2000). Secondary Educational Institutions in the Orenburg Province in the Second Half of the 19th - the Beginning of the 20th Century. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 2, 49-59. (In Russian).

“Our Friend Wang”: Cultural Frontiers in Concepts of the Chinese in the Urals during 1950 – beginning of the 1960s

Mikhail S. Kamenskikh (a) & Andrey A. Avdashkin (b)

a) Perm Federal Research Center of Ural branch of Russian Academy of Science. Perm, Russia.

Email: mkamenskih27[at]gmail.com

b) South Ural State University; Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia.

Email: adrianmaricka[at]mail.ru

Received: 15 September 2022 | Revised: 17 November 2022 | Accepted: 30 November 2022

Abstract

The article is devoted to the visualization of the image of a Chinese in the periodical press of the Urals in the 1950s. Using the methodology of critical discourse analysis, the authors identify several target groups that form the image, describe their characteristic features and highlight the general and the special characteristics. The source base was made up of materials from the Ural periodical press. During “Great friendship” the Chinese who took part in labor training at enterprises and universities in the USSR became an object of attention of the Ural periodical press from the moment of their appearance in the region in 1954 and up to the almost complete return to their homeland. Periodical publications formed and broadcast to readers a positive image of the Chinese, using some lasting methods of description: putting in an industrial environment, displaying a certain hierarchy in the relationship “diligent” student – “wise” mentor, ‘humanizing’ the character, describing a “typical” and “correct” biography showing positive changes in China after its transition to the socialist path of development.

Keywords

Migration; Image of the Other; Soviet-Chinese Relations; Chinese Migrants; Ural Press

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Наш друг Ван»: культурные фронтиры в представлениях о китайцах на Урале в период 1950 – начала 1960-х гг.

Каменских Михаил Сергеевич (а), Авдашкин Андрей Александрович (б)

а) Пермский федеральный исследовательский центр Уро РАН. Пермь, Россия.

Email: mkamenskih27[at]gmail.com

б) Южно-Уральский государственный университет; Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. Email: adrianmaricka[at]mail.ru

Рукопись получена: 15 сентября 2022 | Пересмотрена: 17 ноября 2022 | Принята: 30 ноября 2022

Аннотация

Статья посвящена анализу визуализации образа китайца в периодической печати Урала 1950-х годов. Используя методологию критического дискурс-анализа, авторы выделяют несколько целевых групп, формирующих образ, описывают их характерные черты, выделяют общее и особенное. Источниковую базу составили материалы уральской периодической печати. В период «Большой дружбы» китайцы, проходившие трудовое обучение на предприятиях и в университетах СССР, становятся объектом внимания уральской периодической печати с момента своего появления в регионе в 1954 году и вплоть до практически полного возвращения на родину. Периодика формировала и транслировала читателям положительный образ китайцев, применяя для этого устойчивые способы описания: помещение в производственную среду, отображение определенной иерархии в отношениях «прилежный» ученик – «мудрый» наставник, гуманизация персонажа, описание «типичной» и «правильной» биографии, показывающей положительные перемены в Китае после его перехода на социалистический путь развития.

Ключевые слова

миграция; образ Другого; советско-китайские отношения; китайские мигранты; уральская пресса

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Длительный опыт соседства, протяженная общая граница и масштабные миграционные волны с территории Китая сформировали в России сложный комплекс представлений о Китае, китайцах и китайских мигрантах (Лукин, 2007). Важно подчеркнуть, что исторический контекст появления этого комплекса зависел от динамики трансграничных миграций между Россией и Китаем на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков (Ларин, 2009). Образы китайцев, характерные для начала XX века и связанные, в первую очередь, с китайскими рабочими на российских заводах времен Первой мировой войны, к концу 1930-х гг. практически исчезли, оставшись лишь на периферийных участках исторической памяти (Дятлов, 2016, с. 233, 241). Однако наступивший в начале 1950-х годов период тесного внешнеполитического сотрудничества СССР и провозглашенной в 1949 г. Китайской Народной Республики создал условия для появления новых стереотипов, принципиально отличавшихся от тех, что были ранее. Внимание авторов обращено к сравнительно короткому промежутку второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., известному как «Советско-китайская дружба», когда тысячи китайцев вновь стали появляться в нашей стране (Пын Мин, 1959, с. 268).

Несмотря на то, что советско-китайская дружба – сравнительно мало изученный эпизод китайской миграции в Россию, необходимо отметить, что в последние годы вышел ряд интересных публикаций об образах советско-китайской дружбы в кинематографе, плакатах и прессе (Gamsa, 2012; Урбански, 2017; Федомов, 2017; Волошина Н. Н. & Юдина Л. С., 2005; Кириллов А.Д. & Каёта Г. М., 2017). Но все же особенности изображения в печати китайцев, живших в СССР в те годы, освещения не получили. Восполнение этого пробела составляет основную исследовательскую программу авторов. В рамках данной статьи планируется изучить образы китайских мигрантов в годы «Большой дружбы» на примере периодических изданий Урала (тексты, сюжеты, способы описания и др.). В центре внимания находится формируемый прессой нормативный образ, т. е. то, как органы пропаганды, пресса и власти «видели» китайских мигрантов. Именно это видение транслировалось населению в условиях сближения с КНР.

Миграция в СССР из Китая в этот период была централизованной. Практически сразу после установления дипломатических отношений с СССР в феврале 1950 года правительство КНР с целью модернизации собственной страны начинает активно обсуждать организацию подготовки в СССР квалифицированных технических и административных кадров. Всего для трудового обучения в СССР планировалось привлечь примерно 80000 китайских рабочих (ОГАЧО, 1955, Ф. П-288. Оп. 19. Д. 21, Л. 12). После двухлетних переговоров СССР и КНР было принято постановление Совета Министров СССР от 26 апреля 1955 года № 815-488 «О наборе в КНР рабочих для участия в коммунистическом

строительстве и трудового обучения в СССР» (ГАПК, 1955, Ф. Р. 1084. Оп. 2. Д. 12. Л. 2). В соответствии с этим постановлением и рядом других подписанных на его основании договоров, китайцы должны были прибывать на строительство промышленных объектов в города СССР. Китайской стороной набирались здоровые мужчины в возрасте 18-35 лет, согласные на ручной труд, сознательные и имеющие «рабочее» происхождение (Ян Ш., 2015, с. 105).

Учитывая, что взаимодействие между СССР и КНР осуществлялось преимущественно в сферах строительства и научно-промышленного сотрудничества, значительную часть китайцев было решено отправить на Урал: в Молотовскую (Пермскую), Свердловскую и Челябинскую области. Всего для работы в трестах и строительных управлениях Урала планировалось направить 18500 рабочих (6200 – в Челябинскую область, 5600 – в Свердловскую и 6700 – в Молотовскую) (ОГАЧО, 1955, Ф. П-288. Оп. 19. Д. 21. Л. 12, 51). Однако регионы оказались инфраструктурно не готовы к приему. Трест Южуралметаллургстрой, например, открыто писал о неготовности принять китайских рабочих (ОГАЧО, 1955а, Ф. П-288. Оп. 19. Д. 96. Л. 8-9). Кроме этого, как показывают мемуары Н.С. Хрущева, советское руководство опасалось приезда большого количества китайцев в восточные районы страны (Хрущев, 1999, с. 351). В этой связи плановые цифры по набору китайцев были понижены до нескольких тысяч.

Китайцы прибывали на Урал партиями в течение 1955-1956 годов. На полтора десятилетия они стали неотъемлемой частью повседневной жизни крупных уральских городов. Китайцы стали героями тысяч плакатов, агиток, фотовыставок и других форм визуализации, широко применявшихся в условиях послевоенного СССР (Лукин, 2007, с. 12-15). Все это актуализирует изучение визуализации этничности китайцев именно в границах уральского региона.

Методологической основой работы стал критический дискурс-анализ, включающий в себя несколько направлений (Wodak R. 2009; Van Dijk T., 2014; Fairclough N., 2015). Исходной точкой данного исследования послужил диалектико-реляционный подход, подразумевающий изучение отношений (реляции) между такими атрибутами анализа, как дискурс, деятельность, субъекты, социальные отношения, ценности, время и место коммуникации. Цель такого подхода сводится к изучению семиотического отражения социального конфликта в политическом дискурсе. Внимание сосредоточено на том, какие группы китайских мигрантов служат основным источником репрезентаций, какова их деятельность, время и место действия, какие отношения складывались между мигрантами и представителями принимающего общества и т.д.

На этой основе определены основные стратегии изображения китайцев в текстах периодики. 1. Презентация/Исключение (какие категории китайских мигрантов включались в текстовые и визуальные репрезентации прессы,

в каких социальных контекстах они изображались: общества, институты и др.).
 2. Роли (в каких ролях по отношению друг к другу и представителям принимающей стороны изображались китайцы, активны они были или пассивны).
 3. Индивидуальность или социальный тип. Это измерение касалось изображения китайца либо как самостоятельного социального актора, либо только в составе групп.

Применение такой исследовательской оптики позволило проследить не только «что», но и «как» писали газеты о китайцах (язык, способы описания, умолчания, визуальные дополнения к текстам и т.д.).

Образы китайцев в советской пропаганде

Визуальные образы в СССР транслировались с помощью развитой машины пропаганды. Это центральные газеты (Павлюкевич, 2011), журналы (Гулева, 2015), плакаты, радиопередачи и киноленты (Баркова, 2018). Однако все они погружали обывателя в общегосударственный и международный событийный контекст. Плакаты и кинохроника давали аудитории готовые и яркие образы, но именно газетные сообщения закрепляли этот эффект на региональном или локальном уровне (область, город, завод). Представители советской элиты принимали решения в условиях растущих идеологических противоречий с восточным соседом, опасений демографической экспансии, дефицита информации и отсутствия четкого представления о китайцах. Перед редакторами газет и корреспондентами ставилась задача сформировать положительный образ китайцев, близкий и понятный населению, подчеркивающий ведущую роль советского государства и труженика в социалистическом лагере.

Основным источником стали газеты «Уральский рабочий», «За индустриальные кадры» (Свердловская область), «Звезда», «Уральская стройка» (Молотовская область), «Челябинский рабочий», «Магнитогорский рабочий» (Челябинская область). Кроме этого, для подтверждения ряда тезисов использовалась делопроизводственная документация органов советской власти, касавшаяся китайских рабочих Урала, полевые исследования авторов. Ниже нами будут рассмотрены лишь наиболее заметные и типичные образы, тексты и ситуации, связанные с изображением китайцев.

Уральские газеты презентовали читателю несколько категорий китайцев: студентов, рабочих и практикантов, важных и узнаваемых персон. Именно эти группы мигрантов выходили на первый план в репрезентации образа, поскольку были наиболее широко представлены в индустриальных центрах Урала. Значительная роль в визуализации образа китайца принадлежала трансграничным образовательным и научным контактам. Исследователь Д. Хань оценивает численность китайских студентов, отправленных для учебы в СССР, примерно в 8000 человек. Подавляющее большинство из них обучалось на технических специальностях (Han D., 2013). Уральский политехнический

институт (УПИ) в начале 1950-х годов являлся одним из крупнейших вузов Урала по подготовке специалистов технического профиля. В музее университета сохранились поименные списки, где за 1956–1961 гг. значатся фамилии 242 китайских студентов металлургического, механического и химико-технологического факультет («Чтоб крепла дружба», 1958, октябрь 7, с. 3). Помимо университетских аудиторий и мероприятий студенты представлены на практике в заводских цехах, в общении с советскими сверстниками (Ли Паоюй, 1959, октябрь 9, с. 7). Китайские рабочие, численность которых в СССР оценивается примерно в 10 000 человек, трудились на предприятиях Молотовской и Челябинской областей, краткие стажировки организовывались и в Свердловскую область (Каменских М. С., 2019, с. 220). Советский человек контактировал с ними в производственных цехах, лабораториях, на строительных и промышленных объектах, где передавал им свой опыт и знания. Отправной точкой в формировании и развитии образа китайца становится завод как одна из первооснов советского социального, культурного и хозяйственного строя. Китаец, в первую очередь, человек труда – такой же «созидатель», как и советский человек. Главная декорация таких текстов – цеха промышленных предприятий, строительные объекты, лаборатории заводов (Ли Паоюй, 1959, октябрь 9, с. 7).

Значительную поддержку имиджу «Большой дружбы» оказывало освещение визитов важных китайских делегаций и медийных лиц – политиков, спортсменов, ученых и деятелей искусства. У местных жителей с ней повседневных контактов не было, но эти сюжеты подчеркивали дружественные связи советского и китайского народов, укрепляли сопричастность к общемировым и общегосударственным процессам. В 1956 году большая группа журналистов ведущих китайских изданий посетила заводы и институты Челябинской и Свердловской областей. Активно освещался и визит Мао Цзэдуна на Уралмаш в 1957 году (Кириллов А.Д. & Каёта Г. М., 2016, с. 135). Все это влияло на создание единого образа братского для СССР китайского народа.

Неотъемлемой частью образа китайца на советском плакате является образ «большого брата» или «старшего брата», в роли которого выступал советский рабочий, как правило, европейского антропологического типа. «Старшим братом» граждан СССР и саму страну называли и китайцы, поскольку особенности китайского языка не позволяют выразить определение «брат». Для терминов родства китайского языка характерно подчеркивание отношений «старший – младший»¹. Образ «старшего брата» существовал в среде молодежи КНР 1950-х годов, что подтверждается авторскими полевыми исследованиями, записанными в 2009–2010 годах. «...Девушки из Китая хорошо знали нашу страну и наш город еще до приезда Советский Союз», –

1 Применительно к выражению родственных отношений между родными братьями в китайском языке используется два термина (哥哥 – «Старший брат» и 弟弟 – «Младший брат»).

писала в 1959 г. газета Уральского политехнического института «За индустриальные кадры» (Чжоу Хэ!, 1959, март 7, с. 3).

В развитие этой мысли активно транслировался процесс обучения китайцев русскому языку и постепенному овладению им (например, известный плакат «Я русский бы выучил только за то, что на нем разговаривал Ленин»). Обучение русскому языку демонстрировалось и на страницах уральских газет. «На первых порах у практикантов не все идет гладко. Дело в том, что для овладения своей профессией нужно знание русского языка. Приходится одновременно изучать то и другое», – писала через два года после прибытия китайцев в г. Молотов «Уральская стройка» («У китайских практикантов началась теоретическая учеба», 1957, январь 18, с. 3). СССР как старший брат Китая виден на плакатах «Наша цель коммунизм» (1959), «Вперед к великой цели» (1959), а также на многочисленных фото в периодической печати. На этих текстовых и визуальных материалах китайцы наделяются ролью активного, прилежного и упорного ученика, а советский человек представлен как бескорыстный, мудрый наставник и учитель. Освещая визит Мао Цзэдуна на Уралмашзавод в 1957 году, свердловские газеты приводили цитаты китайского лидера о том, что Китай обязательно построит себе заводы по советскому образцу. После того, как при участии свердловских инженеров и ученых в 1952–1953 гг. в Китае заработал Аньшанский металлургический комбинат, газеты активно публиковали воспоминания рабочих, принимавших в этом участие (Чжоу Хэ, 1959, март 7, с. 3). Везде подчеркивалась роль СССР в становлении тяжелой промышленности в Китае (Кириллов & Каёта, с. 134–137). В источниках показано, что с первых дней после прибытия в СССР китайцы закупали и читали много советской технической литературы, скрупулезно вели конспекты, штудировали разговорники и словари. И эти усилия приносили плоды. Этой модели взаимоотношений следует образ китайца Фань Шито, который смог быстро освоить русский язык с помощью своего советского наставника («Великая дружба», 1954, октябрь 1, с. 2). В конце 1954 г. китайский студент первого потока Дань Шуньчжи со страниц газеты сообщал о своих достижениях в русском языке в течение последних двух лет обучения («Китаец Дань Шуньчжи», 1954, октябрь 30, с. 3).

Советские мастера и рабочие для простоты общения русифицировали имена китайцев.

«У каждого китайца, работающего с нами, кроме своего, китайского, имени, было и другое – русское. Они называли себя Юрами, Ленями, Сашами, Мишами, Колями» («Родным домом для них стала стройка» (1958, июль 22). Уральская стройка).

Такая русификация подчеркивала «братские узы» русского и китайца на уровне межличностного общения, подчеркивая статус русской культуры по отношению к китайской. К началу 1960-х гг., газеты писали, что китайцы уже «неплохо изучили русский язык» («Верю в китайский народ», 1963, октябрь

1, с. 2). Китайцев, в свою очередь, уральские газеты характеризовали как трудолюбивых, скромных и любознательных («Дружба», 1955, май 1, с. 3). Упорство и трудолюбие китайских студентов отмечали их преподаватели и сокурсники. «Работали по 8-9 часов в день... не было ни одного ленивого или нерадивого, ни одного, кто пожаловался бы на неудобства и трудности», – писала о китайцах в 1958 г. одна из участниц производственной практики Н. Клишина («Чтоб крепла дружба», 1958, октябрь 7, с. 2). Известно, что на каникулах у китайцев, в отличие от советских студентов, была возможность провести в санаториях не две недели, а все лето. Но они все равно просились на работу, чтоб ни в чем не уступать сверстникам из СССР. «Большинство теперь стабильно имеет такие ежемесячные показатели: 150-200%», – писала о труде китайских рабочих газета «Уральская стройка» (В бригаде Яо Кэцзина, 1959, сентябрь 30, с. 2). Газета «Вечерний Свердловск» в 1959 г. сообщала, что китайцы:

«...это удивительно трудолюбивый, настойчивый и пытливый народ. Их стремление и упорство в учебе вызывают только восхищение. Как бы не шалила погода, китайские практиканты работали на своем участке, не покладая рук, с тем неиссякаемым энтузиазмом, который присущ китайским коммунистам» («Всегда поможем», 1959, октябрь 1, с. 1).

В конце 1950-х годов газеты Молотова неоднократно сообщали о китайцах, овладевших тремя и более специальностями и занявших важное место в работе своих бригад, а также о китайских бригадах. Роль ученика не ограничивалась заводским цехом или университетской аудиторией. Немало текстов посвящено тому, как советские люди вовлекали китайцев в общественную и культурную жизнь. Газеты писали о том, как в городах Урала проводились вечера советско-китайской дружбы, праздничные концерты, игры в шахматы, танцы, организовывались другие формы совместного досуга с местной молодежью. Китайские студенты принимали участие в самодеятельности, студенческой спартакиаде, издавали на кафедре «Русского языка» газету «Наш второй язык» (Ло Иицяо, 1956, декабрь 21, с. 3). Газета «Уральский рабочий» в выпуске, посвященном 5-летию создания КНР, в 1954 г. сообщала, что в Уральском политехническом институте организуются вечера молодежи. «В них принимают участие китайские студенты, обучающиеся в ВУЗах и техникумах Свердловска», – сообщал автор статьи («Великая дружба», 1954, октябрь 1, с. 2).

Помимо общей с советским человеком цели – построить коммунизм – китаец в газетных текстах всегда назван по имени. Он имеет биографию, характер и эмоции. Многие тексты посвящены отдельному человеку или небольшим группам, но, как правило, личность не растворяется в коллективе. Так, некоторые заголовки в газетных заметках начинаются с имен. К примеру «Ван Си и ее уральские друзья» или «Наш друг Ван» («Наш друг Ван», 1959, март 1, с. 1). Многие тексты содержат биографическую информацию. Как правило,

это происхождение из бедной крестьянской или рабочей семьи, затем «массовая» и непрерывная учеба и широкий доступ к образованию, служба в армии, вступление в Коммунистическую партию Китая. Про китайца Лю Шанчена писали, что в его семье было 11 человек. Чтоб прокормить семью, отец отвел Шанчена работать на стройку, когда ему было еще 12 лет («Всем советским людям», 1961, июль 1, с. 1). Эмоциональная составляющая публикаций помимо обязательных атрибутов языка дружбы вращается вокруг желания овладеть профессией и быть полезным родине.

Образы советско-китайской дружбы

Образ китайца дополняла и интернациональная дружба. Официально выступая против государственных границ и за создание единого государства всех трудящихся, советская пропаганда активно подхватывала и тиражировала образы дружбы и неформальных связей китайцев и советских граждан. На страницах газет немало сюжетов, посвященных дружескому общению советских людей с китайцами, показана схожесть жизненного пути обоих друзей. «Актный зал залит ярким светом. В глубине сцены портреты В.И. Ленина, Мао Цзедунa, государственные флаги. Гостей собралось немало, зал переполнен. Поздравить друзей из КНР приехали секретари горкома партии П. В. Помазкин и горкома ВЛКСМ Г. Н. Князев», – так описывала момент праздника газета «За индустриальные кадры» («Ваш праздник – наш праздник», 1959, октябрь 5, с. 1).

Одним из заметных способов визуализации дружбы народов стало описание фактов отношений между китайскими рабочими и русскими девушками. Газеты Молотова активно освещали интернациональную свадьбу в центральном клубе поселка Балатово 30 декабря 1957 г., когда брачный союз заключили сразу пять пар. Газеты писали имена новобрачных, указывали их профессии и социальные статусы. Например, «китаец Лю Вандэ, моторист, герой и ветеран Корейской войны, и Татьяна Вершинина, комсомолка из Сочи», «бетонщик Ян Цзивэнь и разнорабочая Надежда Тонконог», «плотник ДОКа Ван Цзимин и работница ЖКХ Анна Седова», «бетонщик Лю Сюэфын и плиточница Марта Курганова», «токарь АРЗа Гао Чао и фрезеровщица авторемонтного завода Нина Кожина». Такие характеристики подчеркивали разность культур, но при этом определяли людей как близких по социальному статусу. «Этот брак лишний раз свидетельствует о все крепнущей дружбе между двумя великими народами – китайским и русским», – писала «Уральская стройка» («Свадьба», 1958, январь 4, с. 3).

«Братская» тема в периодике четко прослеживается и на примерах сопереживания трагедиям. В случаях производственного травматизма местные газеты выступали со словами поддержки в адрес китайцев. 1 апреля 1960 г. на производстве из-за нарушения технологии обращения с электроприборами

произошел несчастный случай, в результате которого погибли Лян Фуни, Ли Цзиньин, Син Сибао (РГАЭ. Ф. 9562. Оп. 2. Д. 169. Л. 2). После их смерти советское правительство и руководство треста «Молотовстрой» выплачивало родственникам погибших пособие в размере среднего ежемесячного оклада на весь период действия трудового договора. На месте захоронения китайских рабочих 15 июля 1963 г. установили мемориал, на который была нанесена надпись на русском и китайском языках: «Вечная память вам товарищам, умершим при исполнении своего долга, помогавшим строить коммунизм ради укрепления Китайско-Советской дружбы. Мир праху вашему. От коллектива китайских практикантов» (Каменских М. С., 2018, с. 59). Мемориал китайским рабочим является единственным в России подобным объектом, установленным в период советско-китайской дружбы. Для местного населения он по-прежнему играет важную роль при интерпретации образов китайцев для рабочих районов Балатово г. Перми.

Учитывая, что Китай во многом был неизвестен советскому гражданину, немало материалов было посвящено и экзотическим элементам китайской культуры. В честь 10-летия создания КНР и 42 годовщины Октябрьской революции на сцене Челябинского оперного театр им. Глинки по мотивам китайских народных сказок поставили спектакль «Цветок счастья». Неоценимую помощь коллективу театра оказал балетмейстер Ван Сисянь («Праздничные премьеры», 1959, ноябрь 6, с. 2). Красочные представления в Челябинске и Магнитогорске дали артисты Пекинского государственного цирка – участники V Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Варшаве (ОГАЧО. Ф. Р-1282. Оп. 2. Д. 90. Л. 42-45; 97-99). В конкурсах художественной самодеятельности УПИ китаянка Ло Иицяо неоднократно выступала с песней «Без дождя цветы не цветут» (Ло Иицяо, 1956, декабрь 21, с. 2).

Для жителей Молотова практиканты из КНР показывали костюмированные представления («К одной цели», 1959а, октябрь 1, с. 1). Китайцы в местном клубе ставили традиционную китайскую оперу, играли на китайских народных инструментах, а на областном смотре художественной самодеятельности в 1961 г. китайцы Треста № 7 показывали «китайский народный танец с палочками» («Китайская опера на клубной сцене», 1961, февраль 21, с. 2). Были специфические для китайцев спортивные занятия. Часто возвращавшиеся с завода домой русские рабочие видели китайских практикантов, «с азартом» играющих в пинг-понг» («В бригаде Яо Кэцзина», 1959, сентябрь 30, с. 2). Освещая свадьбу китайских рабочих и советских девушек в г. Молотове, газеты тщательно описывали наряды новобрачных: «Следуя китайской традиции, молодожены прицепили на грудь большие красные пионы с алыми лентами» («Свадьба», 1958, январь 4, с. 3).

Выводы

Краткая, но насыщенная визуальными и текстовыми репрезентациями череда публикаций в уральской печати о советско-китайской дружбе 1950-1960-х гг. формирует совершенно новый образ китайца – друга и прилежного ученика Советского Союза. Обладая древней и чрезвычайно интересной культурой, он, благодаря помощи советского народа, встает на путь социализма, который не знает национальных отличий, для которого важен сам человек. Гуманизация – доминирующий прием пропаганды, который намного легче использовать, если «друга» в лице китайского народа олицетворяет один человек, а не «толпа» или «наплыв» как в начале XX в. Редакторы газет и корреспонденты персонифицировали образ китайцев, показывали читателю, что представитель «других» – такой же человек, как и «мы»: прилежный студент, труженик и созидатель, идущий с нами к общей цели (коммунизм, борьба за мир и др.). Он имеет имя, его изображают в производственной обстановке во взаимодействии с конкретными людьми, бригадами, мастерами, коллективами заводов, цехов и др. Тем самым судьбы людей и государств, несмотря на наличие глубоких культурных и до поры скрытых идеологических различий, развиваются в общем русле.

Таким представал перед советским читателем китаец, гражданин провозглашенной Китайской Народной Республики. Уже через 10 лет дружба СССР и Китая закончилась, сменилась и риторика, появились новые образы китайца, связанные с коварством, отступлением от идей социализма и т.д. Однако в исторической памяти населения уральских городов образы советско-китайской дружбы прочно сохранились и были легко реанимированы в начале 1990-х годов, когда Россия и Китай вновь вступили на путь тесного внешнеполитического взаимодействия.

Проанализированные материалы рассказывают не только о китайских мигрантах как таковых. Сквозь призму текстов и иллюстраций в периодике можно судить об инструментах советского пропагандистского аппарата, его подходах к визуализации образов иноэтнических мигрантов. Предложенная методика может быть использована и применительно к другим народам, однако если говорить о 1950-х годах, то именно китайский рабочий стал главным героем своего времени. Перемены в советско-китайских отношениях изменили место «китайских товарищей» в кругу интересов советской пропаганды. С начала 1960-х гг. китайские мигранты отходят на далекую периферию в осмыслении мобильности/оседлости населения и советско-китайского диалога. Когда на границах СССР и Китая начали происходить вооруженные конфликты, китайских мигрантов уже практически не осталось. Внимание сместилось к новым проблемам и сюжетам, но пропагандистский всплеск интереса к пребыванию китайцев оставил в русском языке устойчивую

оценочную метафору, используемую с как положительной, так и с иронической коннотацией, «Русский с китайцем – братья навек».

Благодарности

Статья публикуется в рамках реализации гранта РНФ № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

Список литературы

- Dijk, T. A. van. (2014). *Discourse and knowledge: A sociocognitive approach*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO978110775404>
- Fairclough, N. (2015). *Language and power* (Third edition). Routledge, Taylor & Francis Group.
- Gamsa, M. (2012). The Cultural and the Social in Chinese–Russian Relations. *Cultural and Social History*, 9(3), 391–405. <https://doi.org/10.2752/147800412X13347542916666>
- Han, D. (2013). Returnees and their Political Impact: Evidence from returned students and trainees from the Soviet Union in China, 1950–1966. *Journal of Contemporary China*, 22(84), 1106–1123. <https://doi.org/10.1080/10670564.2013.795318>
- Wodak, R. (2009). The Discourse–Historical Approach. In *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 63–94). Sage.
- Баркова, Э. В. (2018). Культурный мост СССР–Китай – пространство интеграции и дружбы (1940–1950-ые годы). В И. В. Турицын (Ред.), *Дружба навеки: Очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949–1960 гг.)* (с. 173–189). НИИ ИЭП.
- В Бригаде Яо Кэцина. (1958, сентябрь 30). *Уральская стройка*.
- Ваш праздник – наш праздник. (1959, октябрь 5). *За индустриальные кадры*.
- Великая дружба. (1954, октябрь 1). *Челябинский рабочий*.
- Верю в китайский народ. (1963, октябрь 1). *Уральская стройка*.
- Волошина, Н. Н., & Юдина, Л. С. (2005). Китайские специалисты в Челябинске в пятидесятые годы XX века. В *Россия и Китай в меняющемся мире* (с. 287–292). Челябинский государственный университет.
- Всегда поможем. (1959, октябрь 1). *Вечерний Свердловск*.
- Всем советским людям. (1961, июль 1). *За индустриальные кадры*.
- Государственный архив Пермского края (ГАПК). (1955). Ф. Р. 1084. Оп. 2. Д. 12.
- Гулева, М. А. (2015). «Руки прочь от Китая!»: Китайские друзья и враги на страницах журнала «Крокодил» (1922–1950 гг.). *Общество и государство в Китае*, 45(2), 706–729.
- Для дружбы нет преград. (1963, октябрь 1). *Уральская стройка*.
- Дружба. (1955, май 1). *Челябинский рабочий*.

- Дятлов, В. И. (2016). Китайские мигранты и динамика китаефобии в России. В В. С. Малахов & М. Е. Симон (Ред.), *Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности* (с. 230–248). Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- К одной цели. (1959, октябрь 1). *Звезда*.
- Каменских, М. С. (2011). *Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в.* Маматов.
- Каменских, М. С. (2018). *Китайцы Перми: История и культура.* Маматов.
- Каменских, М. С. (2019). Советско-китайская дружба 1950 – середины 1960-х годов: Региональный опыт переосмысления. В *Российско-китайские отношения в условиях глобализации: Общие вызовы и возможности для сотрудничества* (с. 219–232). ИДВ РАН.
- Кириллов, А. Д., & Каёта, Г. М. (2016). *Китай – Урал: Из прошлого в будущее.* «Уральский рабочий».
- Китаец Дань Шуньчжи. (1954, октябрь 30). *За индустриальные кадры.*
- Китайская опера на клубной сцене. (1963, февраль 21). *Уральская стройка.*
- Ларин, А. Г. (2009). *Китайские мигранты в России. История и современность.* Восточная книга.
- Ли Паоюй. (1959, октябрь 9). *Челябинский рабочий.*
- Ло Иицяо. (1956, декабрь 21). *За индустриальные кадры.*
- Лукин, А. В. (2007). *Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках.* Восток-Запад: АСТ.
- Наш друг Ван. (1959, март 1). *Челябинский рабочий.*
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). (1955а). Ф. П-288. Оп. 19. Д. 21.
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). (1955b). Ф. П-288. Оп. 19. Д. 96.
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). (1958). Ф. Р-1282. Оп. 2. Д. 90.
- Павлюкевич, Р. В. (2011). Китай – от «жертвы милитаристов» до «брата пролетария» (эволюция образа Китая в советских СМИ. 1946–1953 гг.). *Известия Иркутского Государственного Университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 2, 117–124.
- Праздничные премьеры. (1959, ноябрь 6). *Челябинский рабочий.*
- Пын, М. (1959). *История китайско-советской дружбы.* Издательство социально-экономической литературы.
- Родным домом для них стала стройка. (1958, июль 22). *Уральская стройка.*
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). (1955). Ф. 9562. Оп. 2. Д. 169.
- Рука об руку. (1959, октябрь 1). *Уральский рабочий.*
- Свадьба. (1958, январь 4). *Уральская стройка.*
- У китайских практикантов началась теоретическая учеба. (1957, январь 18). *Уральская стройка.*
- Урбански, С. (2017). Дружба по приказу: Советско-китайское приграничье в 1950–1960 гг. *Россия и АТР*, 4, 106–124.

- Федосов, Е. А. (2017). «Вперед к великой цели!»: Образ СССР и Китая в агитационных плакатах 1940-х – 1960-х гг. *Вестник Томского государственного университета. История*, 48, 136-144. <https://doi.org/10.17223/19988613/48/22>
- Хрущев, Н. С. (1999). *Воспоминания*. Вагриус.
- Чжоу Хэ! (1959, март 7). *За индустриальные кадры*.
- Чтоб крепла дружба. (1958, октябрь 7). *За индустриальные кадры*.
- Ян, Ш. (2015). Механизм социальной мобилизации китайских рабочих в 1950-е годы. В «*Китайские рабочие в СССР: опыт антропологического осмысления*»: Материалы междунар. Науч.-практ. Конф. (Пермь, Перм. Гос. Гуманит.-пед. Ун-т, 14-15 мая 2015 года) (с. 104-116). Колорит.

References

- Barkova, E. V. (2018). The USSR-China Cultural Bridge - Space of Integration and Friendship (1940s-1950s). In I. V. Turitsyn (Ed.), *Friendship Forever: Essays on the History of Cooperation between the Soviet Union and the People's Republic of China (1949-1960)* (pp. 173-189). NII IEP. (In Russian).
- Chinese opera on the club scene. (1963, February 21). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- Dijk, T. A. van. (2014). *Discourse and knowledge: A sociocognitive approach*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO978110775404>
- Dyatlov, V. I. (2016). Chinese Migrants and the Dynamics of Chinesophobia in Russia. In S. Malakhov & M. E. Simon (Eds.), *Transnational Migration and Modern States under Economic Turbulence* (pp. 230-248). Publishing house "Delo" RANEPА. (In Russian).
- Fairclough, N. (2015). *Language and power* (Third edition). Routledge, Taylor & Francis Group.
- Fedosov, E. A. (2017). "Forward to the great aim!": the image of the USSR and China in propaganda posters of 1940-1960s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 48, 136-144. <https://doi.org/10.17223/19988613/48/22> (In Russian).
- Friendship. (1955, May 1). *Chelyabinskiy Rabochiy*. (In Russian).
- Gamsa, M. (2012). The Cultural and the Social in Chinese-Russian Relations. *Cultural and Social History*, 9(3), 391-405. <https://doi.org/10.2752/147800412X13347542916666>
- Gouleva, M. A. (2015). "Hands off China!": Chinese Friends and Enemies in the Pages of Crocodile Magazine (1922-1950). *Society and Government in China*, 45(2), 706-729. (In Russian).
- Han, D. (2013). Returnees and their Political Impact: Evidence from returned students and trainees from the Soviet Union in China, 1950-1966. *Journal of Contemporary China*, 22(84), 1106-1123. <https://doi.org/10.1080/10670564.2013.795318>
- Hand in hand. (1959, October 1). *Uralskiy Rabochiy*. (In Russian).
- Holiday premieres. (1959, November 6). *Chelyabinskiy Rabochiy*. (In Russian).
- I have faith in the Chinese people. (1963, October 1). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- In the Yao Keqing Brigade. (1958, September 30). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).

- Kamensky, M. S. (2011). The Chinese in the Middle Urals in the late 19th and early 21st centuries. Mamatov. (In Russian).
- Kamensky, M. S. (2018). *The Chinese of Perm: History and Culture*. Mamatov. (In Russian).
- Kamensky, M. S. (2019). Soviet–Chinese Friendship in the 1950s and Mid-1960s: The Regional Experience of Rethinking. In *Russian–Chinese Relations in a Globalized World: Common Challenges and Opportunities for Cooperation* (pp. 219–232). IDV RAS. (In Russian).
- Khrushchev, N. S. (1999). *Memories*. Vagrius. (In Russian).
- Kirillov, A. D., & Kayota, G. M. (2016). *China-Ural: From Past to Future*. “Uralskiy Rabochiy”. (In Russian).
- Larin, A. G. (2009). *Chinese migrants in Russia. History and Modernity*. Oriental Book. (In Russian).
- Li Paoyu. (1959, October 9). *Chelyabinskiy Rabochiy*. (In Russian).
- Lukin, A. V. (2007). *The Bear Watches the Dragon. The Image of China in Russia in the 17th–21st Centuries*. East-West: AST. (In Russian).
- Luo Yiqiao. (1956, December 21). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).
- Our friend Van. (1959, March 1). *Chelyabinskiy Rabochiy*. (In Russian).
- Pavlyukevich, R. V. (2011). China – from “Victim of the Militarists” to “Brother of the Proletarian” (Evolution of the Image of China in the Soviet Mass Media. 1946–1953). *Izvestia of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*, 2, 117–124. (In Russian).
- Pyn, M. (1959). *History of Sino–Soviet Friendship*. Publishers of Social and Economic Literature. (In Russian).
- Russian State Archive of Economy (RSAE). (1955). F. 9562. In. 2. C. 169. (In Russian).
- State Archive of the Chelyabinsk Region (SACHR). (1955a). F. P-288. In. 19. C. 21. (In Russian).
- State Archive of the Chelyabinsk Region (SACHR). (1955b). F. P-288. In. 19. C. 96. (In Russian).
- State Archive of the Chelyabinsk Region (SACHR). (1958). F. P-1282. In. 2. C. 90. (In Russian).
- State Archives of Perm Krai (SAPK). (1955). F. R. 1084. In. 2. C. 12. (In Russian).
- That friendship may grow stronger. (1958, October 7). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).
- The Chinese Dan Shunzhi. (1954, October 30). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).
- The Chinese trainees began their theoretical studies. (1957, January 18). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- The Great Friendship. (1954, October 1). *Chelyabinskiy Rabochiy*. (In Russian).
- The home for them was the construction site. (1958, July 22). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- There are no barriers to friendship. (1963, October 1). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- To all the Soviet people. (1961, July 1). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).
- Toward the same goal. (1959, October 1). *Zvezda*. (In Russian).
- Urbanski, S. (2017). Friendship by Order: The Soviet–Chinese Borderland in 1950–1960. *Russia and the Asia-Pacific region*, 4, 106–124. (In Russian).
- Voloshina, N. N., & Yudina, L. S. (2005). Chinese Specialists in Chelyabinsk in the Fifties of the 20th Century. In *Russia and China in a Changing World* (pp. 287–292). Chelyabinsk State University. (In Russian).

- We're always here to help. (1959, October 1). *Vecherniy Sverdlovsk*. (In Russian).
- Wedding. (1958, January 4). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- Wodak, R. (2009). The Discourse-Historical Approach. In *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 63-94). Sage.
- Yang, Sh. (2015). The Mechanism of Social Mobilization of Chinese Workers in the 1950s. In "Chinese Workers in the USSR": *Experience of Anthropological Reflection: Materials of the International. Conf. Conf.* (Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University, May 14-15, 2015) (pp. 104-116). Kolorit. (In Russian).
- Your holiday is our holiday. (1959, October 5). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).
- Zhou He! (1959, March 7). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: Эл № ФС77-61330 from 07.04.2015
Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"
Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056
Address of Editorial board: 85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050
Editor-in-Chief: Doctor Habilitatus, professor Serguey N. Yakushenkov
In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:
editorialboard.jsf@jfs.today
or editorialboard.jsf@gmail.com
Phone: +7 (988) 068-63-72
This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
© 2016 Journal of Frontier Studies. e-ISSN: 2500-0225

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука». ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678
Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88
Адрес редакции: 414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2
Главный редактор: д.и.н., профессор Сергей Николаевич Якушенко
По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по Email:
editorialboard.jsf@jfs.today или editorialboard.jsf@gmail.com
Телефон: +7 (988) 068-63-72
Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0
Всемирная.
© 2016 Журнал Фронтирных Исследований. e-ISSN: 2500-0225